ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

33629

1900

7.

Пров. 50

Стр.

265. Изъ Записокъ А. Я. Булгакова.

278. Изъ дневниковъ Русскаго офицера о заграничномъ походѣ 1813 года.

394. Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ его брату. 1814 годъ.

330. О мнимомъ еретичествѣ Московскаго митрополита Зосимы. **Ѳ. М. И.**

342. Петръ Великій въ Реймсѣ (1717).

345. Сенатскій приговоръ по дѣлу жестокой барыни. **В. Грибовскаго.**

349. Изъ Ватиканскаго Архива въ Римѣ. **П. Прокоповича.**

355. Изъ моей старины. Воспоминанія **князя А. В. Мещерскаго.**

383. Къ исторіи христіанства у иновѣрцевъ Оренбургскаго края. **П. Л. Юдина.**

402. Письмо **Державина** во время Пугачовщины.

403. Письмо **Суворова** въ Военную Коллегію.

— Письмо **князя А. А. Суворова** къ графу Д. И. Хвостову.

404. Письмо княгини Суворовой о кончинѣ ея супруга.

— Письмо **М. М. Сперанскаго** къ П. А. Словцову.

405. Ванчасы и Голубейскія мачты.

406. **П. И. Савина.** (Некрологъ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Н. Д. Извѣковъ, магистръ богословія. Историческій очеркъ состоянія православной церкви въ Литовской епархіи за время 1859—1889 г. Москва 1899. 8-ка II+522, цѣна 2 рубля.

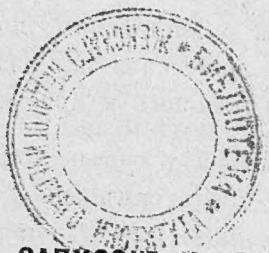
25-го Марта 1889 года исполнилось полвѣка съ того времени, когда Уніаты приведены были обратно къ церкви православной. Авторъ, извѣстный уже своими работами по исторіи Литовской епархіи, задается вопросомъ, насколько за это время оправдались тѣ надежды, которыя возлагались церковью и правительствомъ на это возсоединеніе. Для рѣшенія своей задачи онъ воспользовался главнѣйшимъ образомъ архивными матеріалами. Мы нашли въ этой книгѣ много весьма любопытныхъ и новыхъ данныхъ о тамошнихъ епархіальномъ управленіи и паствѣ, о бѣломъ духовенствѣ и монашествѣ, о мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ для борьбы съ Римскимъ католицизмомъ и полонизмомъ, о богослуженіи и церковно-строительствѣ. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что состояніе православной церкви въ Литовской епархіи находится далеко не на той высотѣ, на которой было бы желательно его видѣть; причинъ тому немало, и въ числѣ ихъ чуть ли не самою главною должно признать то обстоятельство, что самая мѣстность, въ которой живетъ православное населеніе, благопріятствуетъ болѣе успѣхамъ Римскаго католичества, чѣмъ православію. Онъ раздѣляетъ взглядъ г. Владимирова, что трудно и въ будущемъ ожидать лучшаго, „если мѣстныя духовныя и гражданскія власти не приложатъ болѣе энергичнаго содѣйствія къ осуществленію всѣхъ тѣхъ мѣръ и средствъ, какія Св. Сунодъ и высшая гражданская власть неоднократно рекомендовали какъ наиболѣе способствующія успѣху православія и Русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ напр. увеличеніе числа церковно-приходскихъ школъ для воспитанія и образованія молодого поколѣнія въ православно-русскомъ духѣ“.

Божеряновъ И. Н. Жизнеописаніе императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги императора Николая I. Выпускъ 1-й 1898, вып. 2-й 1900. Спб. бол. 8-ка 214 стр. 2 р. и 1 р. 50 к.

Жизнеописаніе это, снабженное многочисленными рисунками и изданное весьма изящно, доведено лишь до 1821 года. Авторъ, полный хозяинъ своего матеріала, обрисовываетъ черты государыни, достопамятной женщины, сумѣвшей сознательно полюбить и привязаться къ своей новой родинѣ. Конечно, не надо забывать, что за это мы должны быть благодарны ея учителю Русскаго языка, В. А. Жуковскому. По свойственной ей скромности она долгое время „не имѣла духу“ говорить по-русски, но въ 20-хъ годахъ она уже писала на этомъ языкѣ такъ, какъ никогда не писала ея свекровь.

Съ большимъ умѣньемъ авторъ даетъ попутно описанія событій и празднествъ, характеристики лицъ и направленій, словомъ, тотъ фонъ, на которомъ выступаетъ идеальный образъ Александры Ѳеодоровны, „*счастья жизни*“ императора Николая Павловича.

Совѣтуемъ нашимъ читателямъ познакомиться съ трудомъ г. Божерянова.



ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Я. БУЛГАКОВА.

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (1781—1863) знакомъ читателямъ „Русскаго Архива“ по его письмамъ къ брату, про которыя князь П. А. Вяземскій отзывался, что „весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія, слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица, все это, съ вѣрностью и живостью, должно было выразить себя въ этихъ письмахъ, въ этой стенографической и животрепещущей исторіи текущаго дня. Онъ получалъ письма, писалъ письма, отправлялъ письма; словомъ сказать, купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ рѣкѣ“ *).

Кромѣ обширной переписки, Булгаковъ велъ и Записки. Гдѣ онѣ, намъ неизвѣстно. Булгаковъ умеръ въ Дрезденѣ у младшаго своего сына; по словамъ одной изъ его внучекъ, Записки эти, въ переплетенныхъ книгахъ, отданы были кому-то на сохраненіе въ Дрезденѣ. Отрывки изъ нихъ уже появлялись въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 и 1873 годовъ. Приводимъ здѣсь (изъ 2-й кн. „Москвитянина“ 1843) еще одну выдержку изъ нихъ о 1812 годѣ.

Съ ранней молодости, въ домѣ и обществѣ своего отца, Булгаковъ любилъ занятія историографическія, и Карамзинъ совѣтовалъ ему еще въ 1814 году опредѣлиться въ помощники къ А. Ѳ. Малиновскому, когда тотъ назначенъ былъ управлять Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ; но вѣдомство почтовое съ разнообразіемъ личныхъ сношеній наиболѣе соотвѣтствовало живому нраву Булгакова, и онъ нѣсколько десятилѣтій сряду служилъ Московскимъ почтдиректоромъ. П. Б.

*

Въ сію столь горестную, а вмѣстѣ съ нимъ и славную для Россіи эпоху, я имѣлъ честь служить при знаменитомъ мужѣ и главнокомандующемъ въ Москвѣ графѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Ростопчинѣ. Императоръ Александръ Павловичъ, прибывъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Москву, особеннымъ имяннымъ собственноручнымъ указомъ повелѣлъ, чтобы я откомандированъ былъ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ къ Московскому главнокомандующему для употребленія имъ по дѣламъ службы. Происшествія шли тогда быстро. Настало достопамятное 26 Августа. О Бородинской сѣчѣ говорили въ Москвѣ,

*) См. „Русскій Архивъ“ 1868, стр. 1430 и 1443, (гдѣ по ошибкѣ вм. „въ рѣкѣ“ напечатано въ „Окѣ“. Словомъ „осетръ“ напоминался внѣшній обликъ А. Я. Булгакова. П. Б.

какъ предки наши говаривали о Мамаевомъ побоищѣ. Казалось, что кровь въ Бородинѣ пролитая протекала къ намъ въ Бѣлокаменную, дабы наполнять сердца наши ужасомъ и призывать оныя къ мести.

Съ утра другого дня былъ я у графа, жившаго тогда въ Сокольничьей рощѣ на дачѣ своей (предъ симъ графу Брюсу [1]) принадлежавшей). Онъ былъ блѣденъ; на лицѣ его изображалось волненіе души его, особенно когда приходили ему докладывать (а это случалось весьма часто), что привезена еще партія раненыхъ изъ арміи [2]). Передняя Ростопчина и зала передъ кабинетомъ его были наполнены всякаго рода людьми, а особенно любопытными, приходившими узнавать что нибудь новаго. Много также пріѣзжало къ графу особъ почти съ самаго Бородинскаго поля сраженія, какъ-то: атаманъ М. И. Платовъ, генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, генералъ-лейтенантъ князь Сергій Николаевичъ Долгоруковъ, тайный совѣтникъ Аншетъ и многіе другіе; всѣ они тотчасъ были допускаемы къ графу; иные были еще въ дорожныхъ своихъ платьяхъ. Когда кончились всѣ посѣщенія и пріемы, и распущена была канцелярія, я вошелъ къ графу и остался съ нимъ по обыкновенію до той минуты, что надобно было сойти внизъ къ обѣденному столу. Взглянувъ на него, я былъ пораженъ разстройствомъ, которое нашелъ во всѣхъ чертахъ его лица. Eh bien, mon cher! сказалъ мнѣ графъ печально, que dites vous de tout cela?... (Ну! что, какъ вамъ [3]) это все кажется?).

Нельзя было не раздѣлять общихъ пасмурныхъ предчувствій и опасеній; но, желая нѣсколько разсѣять графа, я сталъ ему разсказывать все, что̀ слышалъ отъ уланскаго полковника Шульгина [4]), присланнаго въ Москву цесаревичемъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ съ какимъ-то препорученіемъ. Шульгинъ между прочимъ увѣрялъ, что Мюратъ былъ взятъ козакомъ нашимъ въ плѣнъ, и что его повезли подъ конвоемъ въ Москву. Графъ, усмѣхнувшись, возразилъ мнѣ слѣдующими словами: «Покуда Шульгинъ полонитъ у Наполеона королей, Французы берутъ у насъ города, одинъ за другимъ!..

---

[1]) Въ наши дни эта дача (на лѣво при въѣздѣ въ рощу изъ Москвы) принадлежала Митькову. П. Б.

[2]) Графомъ Ростопчинымъ устроена была на всякій случай въ Екатерининскихъ казармахъ больница для 3000 раненыхъ, а ихъ привезено было въ Москву до 11 тысячъ.

[3]) Графъ Ростопчинъ соблюдалъ всегда чрезмѣрную вѣжливость въ обхожденіи и разговорахъ. Не смотря ни на какое лицо, ни на самое короткое знакомство, онъ никогда или весьма рѣдко употреблялъ слово *ты*.

[4]) Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, впослѣдствіи об.-полицеймейстеръ въ Москвѣ.

Кутузовъ называетъ это побѣдою... Дай Богъ, чтобы такъ было; но въ этомъ кровавомъ потокѣ (графъ, говоря по-французски, употребилъ слово boucherie) поглощены наравнѣ побѣдители съ побѣжденными. Они свое отдѣлали! Жестоко дрались; теперь моя очередь... доходитъ до Москвы. Но Москва не Можайскъ... Москва-Россія! Все это ужасное бремя ляжетъ на меня. Что я буду дѣлать?..» Графъ при сихъ словахъ обѣ руки закинулъ себѣ въ затылокъ; казалось, что онъ какъ бы хотѣлъ рвать на себѣ волосы.

— Что вы дѣлать будете? сказалъ я графу. Ограждать внутреннее спокойствіе Москвы... Все въ рукахъ предводителя арміи, и весьма естественно, что вы одни столицу спасти не можете... — Такъ не будетъ никто судить, отвѣчалъ Ростопчинъ. Я буду всему виноватъ... я буду за все и всѣмъ отвѣчать... меня станутъ проклинать, сперва барыни, а тамъ купцы, мѣщане, подъячіе, а тамъ и всѣ умники, и православный народъ... Я знаю Москву!..

Въ эту минуту отворилась дверь кабинета, и къ намъ вошли Николай Михайловичъ Карамзинъ*) и сенаторъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій. Графъ ихъ обоихъ отлично любилъ и уважалъ, и они имѣли во всякое время свободный къ нему доступъ. Разговоръ продолжался еще болѣе получаса о томъ же предметѣ. Я никогда не забуду пророческихъ изрѣченій нашего исторіографа, который предъугадывалъ уже тогда начало очищенія Россіи отъ непріятеля и освобожденіе цѣлой Европы отъ несноснаго ига Наполеона. Карамзинъ скорбѣлъ о Багратіонѣ, Тучковыхъ, Кутайсовѣ, объ ужасныхъ нашихъ потеряхъ въ Бородинѣ, и наконецъ прибавилъ: «Ну! мы испили до дна горькую чашу... но за то наступаетъ начало *его*, и — конецъ *нашихъ* бѣдствій. Повѣрьте, графъ: обязанъ будучи всѣми успѣхами своими дерзости, Наполеонъ отъ дерзости и погибнетъ.» Казалось, что прозорливый глазъ Карамзина открывалъ уже вдали убійственную скалу Св. Елены. Въ Карамзинѣ было что-то вдохновеннаго, увлекательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднаго. Онъ возвышалъ свой пріятный мужественный голосъ; прекрасные его глаза, исполненныя выраженія, сверкали, какъ двѣ звѣзды въ тихую ясную ночь. Въ жару разговора онъ часто вставалъ вдругъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ все говоря, и опять садился. Мы слушали молча. Нелединскій такъ былъ тронутъ, что я не одинъ разъ замѣчалъ слезы на его глазахъ.

*) Карамзинъ жилъ тогда у графа Ростопчина (жена котораго была родная племянница первой женѣ Карамзина) и готовъ былъ принять участіе въ сраженіи подъ Москвою, какъ видно изъ писемъ его къ его брату Василію Михаиловичу въ Симбирскую деревню. П. Б.

Графъ Ростопчинъ тоже слушалъ, не возражая ничего; но какъ скоро ненавистное для него имя Наполеона поразило слухъ его, лицо его тотчасъ перемѣнилось, покраснѣло, и онъ сказалъ Карамзину съ досадою: «Вы увидите, что онъ.... вывернется!»

Разговоръ такъ былъ серіозенъ, что *лестный* титулъ, коимъ графъ возвеличилъ Наполеона, не заставилъ никого изъ насъ даже усмѣхнуться, и Карамзинъ, какъ бы не вслушавшись въ оный, съ какимъ-то твердымъ убѣжденіемъ возразилъ: «Нѣтъ, графъ! Тучи, накопляющіяся надъ главою его, врядъ ли разойдутся... У Наполеона все движется страхомъ, насиліемъ, отчаяніемъ; у насъ все дышетъ преданностію, любовію, единодушіемъ... Тамъ сборъ народовъ имъ угнетаемыхъ и въ душѣ его ненавидящихъ; здѣсь одни Русскіе... Мы дóма, онъ какъ бы отъ Франціи отрѣзанъ. Сегодня союзники Наполеона за него, а завтра они всѣ будутъ за насъ... Можно ли думать, чтобы Австрійцы, Пруссаки охотно дрались противъ насъ? Зачѣмъ будутъ они кровь свою проливать? Для того ли, чтобы утвердить еще болѣе гибельное, гнусное могущество всеобщаго врага? Нѣтъ, не можетъ долго продолжиться положеніе содѣлавшееся для всѣхъ нестерпимымъ.» Карамзинъ былъ въ большомъ волненіи: онъ остановился, задумался и прибавилъ: *одного можно бояться.* Всѣ молчали и искали угадать смыслъ сихъ послѣднихъ таинственныхъ словъ, какъ Ростопчинъ вдругъ воскликнулъ: «Вы боитесь, чтобы Государь не заключилъ мира?»

— Вотъ одно, чего бояться можно, отвѣчалъ Карамзинъ. Но этотъ страхъ не имѣетъ основанія: всѣ политическія уваженія, всѣ посторонніе происки, уступятъ прозорливости Государя нашего. Впрочемъ, не далъ ли онъ намъ и цѣлому свѣту торжественный залогъ въ манифестѣ своемъ?.. Онъ меча не положитъ... не возметъ пера, покуда Россія будетъ осквернена присутствіемъ новыхъ Вандаловъ».

Въ Карамзинѣ тоже начиналъ развиваться жаръ, волновавшій Ростопчина; разговоръ его продолжался не съ прежнимъ уже хладнокровіемъ, и онъ началъ проклинать Наполеона, яко бичъ Богомъ ниспосланный.

Достопамятное сіе утро останется всегда въ памяти моей. Я тогда же слова Карамзина передалъ немедленно на бумагу, но увѣренъ, что онѣ и безъ того глубоко бы врѣзались въ душу мою. Продолжая разговоръ свой, онъ дѣлалъ прекрасное, истинно-піитическое сравненіе между положеніемъ и душевными качествами императора Александра и Наполеона, какъ въ ту минуту, къ сожалѣнію, пришли доложить, что насъ ждутъ къ обѣду. Мы сошли внизъ. Графъ былъ довольно покоенъ за столомъ и любезенъ по обыкновенію своему; разговари-

валъ долго во время кофе съ Витебскимъ помѣщикомъ Гуркою, который вынужденъ былъ удалиться отъ разоренныхъ непріятелемъ помѣстьевъ своихъ. Ростопчинъ выхвалялъ здравыя разсужденія этого почтеннаго старика.

Когда гости разъѣхались, то графъ пошелъ со мною въ свой кабинетъ и началъ разговоръ сими словами: Comment avez vous trouvé Karamzine tantôt? N'est-ce pas qu'il y avait beaucoup d'extase poëtique dans ce qu'il disait! (Какъ вамъ показался давича Карамзинъ! Не правда ли, что въ его рѣчахъ много было поэтическаго восторга?)

— «Конечно, будущее сокрыто отъ всѣхъ», отвѣчалъ я; «но Карамзинъ излагаетъ мысли свои и чувства убѣдительно, пламенно, и желательно было бы, чтобы всѣ Русскіе одинаково съ нимъ мыслили».

— Какъ ни убѣдительны, а можетъ быть и справедливы разсужденія Карамзина, возразилъ графъ, но я болѣе дамъ вѣры словамъ и мнѣнію военныхъ: Платовъ и Васильчиковъ боятся за Москву. Не извѣстно, станутъ ли ее отстаивать! Другого Бородина ожидать нельзя; а ежели падетъ Москва... что будетъ послѣ? Мысль эта не даетъ мнѣ минуты покоя! Послѣдствій нельзя исчислить. Я бы вамъ совѣтовалъ подумать о своемъ семействѣ. Отвезите оное куда нибудь въ безопасное мѣсто, а тамъ воротитесь ко мнѣ... Куда? гдѣ? не знаю! это Богу одному извѣстно».

Какъ ни тяжела была для меня разлука съ начальникомъ, съ коимъ желалъ я раздѣлять всѣ заботы и опасности; но дабы скорѣе возвратиться, я отправился въ тотъ же день въ подмосковную свою деревню, с. Семердино, выпроводилъ оттуда жену и дѣтей къ теткѣ ея, княгинѣ Натальѣ Петровнѣ Куракиной, имѣвшей вотчину Владимирской губерніи въ Шуйскомъ уѣздѣ, и возвратился поспѣшно въ Москву въ самый день занятія оной непріятелемъ, былъ имъ захваченъ на улицѣ и особеннымъ промысломъ Всевышняго спасся отъ смерти *). Москва уже пылала, когда я изъ оной выѣзжалъ. Я нашелъ графа Ростопчина во Владимирѣ, куда пріѣхалъ онъ, больной.

Въ верстахъ 30-ти отъ сего города, имѣлъ пребываніе, въ селѣ своемъ Андреевскомъ, генералъ-адъютантъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Онъ былъ раненъ пулею въ ляжку подъ Бородинымъ и пріѣхалъ въ вотчину свою лѣчиться. Андреевское сдѣлалось сборнымъ

*) Подробностей объ этомъ нѣтъ въ вышенапечатанныхъ письмахъ А. Я. Булгакова 1812 году къ его брату. П. Б.

мѣстомъ большого числа раненыхъ, и вотъ по какому случаю. Привезенъ будучи раненый въ Москву, графъ Воронцовъ нашелъ въ домѣ своемъ, въ Нѣмецкой Слободѣ [1]), множество подводъ, высланныхъ изъ подмосковной его для отвоза въ дальнія деревни всѣхъ бывшихъ въ домѣ пожитковъ, какъ-то картинъ, библіотеки, бронзъ и другихъ драгоцѣнностей. Узнавъ, что въ сосѣдствѣ дома его находилось въ больницахъ и въ партикулярныхъ домахъ множество раненыхъ офицеровъ и солдатъ, кои, за большимъ ихъ количествомъ, не могли всѣ получать нужную помощь, онъ приказалъ, чтобы всѣ вещи, въ домѣ его находившіяся, были тамъ оставлены на жертву непріятелю; подводы же сіи приказалъ употребить на перевозку раненыхъ воиновъ въ село Андреевское. Препорученіе сіе возложено было графомъ на адъютантовъ его, Николая Васильевича Арсеньева и Дмитрія Васильевича Нарышкина, коимъ приказалъ также, чтобы они предлагали всѣмъ раненымъ, коихъ найдутъ на Владимирской дорогѣ, отправиться также въ село Андреевское, превратившееся въ гошпиталь, въ коемъ впослѣдствіи находилось до 50 раненыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 300 человѣкъ рядовыхъ.

Между прочими ранеными находились тутъ генералы: начальникъ штаба 2 арміи графъ Сенъ-При, шефъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка Николай Васильевичъ Кретовъ, командиръ Орденскаго кирасирскаго полка полковникъ графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ; лейбъ-гвардіи егерскаго полка полковникъ Дела-Гардъ; полковой командиръ Нарвскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Андрей Васильевичъ Богдановскій; Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка маіоръ Врангель; старшій адъютантъ сводной гренадерской дивизіи капитанъ Александръ Ивановичъ Дунаевъ; Софійскаго пѣхотнаго полка капитанъ Юрьевъ; адъютанты: Орденскаго кирасирскаго полка поручики Лизогубъ и Почацкій; лейбъ-гвардіи егерскаго полка поручики Ѳедоровъ и Петинъ [2]); офицеръ Нарвскаго пѣхотнаго полка капитанъ Роганъ; поручики: Мищенко, Ивановъ, Змѣевъ, подпоручикъ Романовъ и многіе другіе, обагрившіе кровію своею Бородинское поле.

Всѣ сіи храбрые воины были размѣщены въ обширныхъ Андреевскихъ палатахъ, самымъ выгоднымъ образомъ. Графскіе люди имѣли особенное попеченіе за тѣми, у коихъ не было собственной прислуги. Нижніе чины размѣщены были по квартирамъ въ деревняхъ и получали продовольствіе хлѣбомъ, мясомъ и овощами, разумѣется не отъ

---

[1]) Этотъ домъ, гдѣ жилъ канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (ум. 1805), принадлежалъ впослѣдствіи Гольцгауеру. П. Б.

[2]) Другъ поэта Батюшкова? П. Б.

крестьянъ, а на счетъ графа Михаила Семеновича; кромѣ сего было съ офицерами до ста человѣкъ деньщиковъ, пользовавшихся тѣмъ же содержаніемъ, и до 300 лошадей, принадлежавшихъ офицерамъ; а какъ деревни графа были оброчныя, то всѣ сіи припасы и фуражъ покупались изъ собственныхъ его денегъ.

Столъ былъ общій для всѣхъ, но всякій могъ по желанію своему обѣдать съ графомъ или въ своей комнатѣ. Два доктора и нѣсколько фельдшеровъ имѣли безпрестанное наблюденіе за ранеными; повслѣдствіи былъ приглашенъ графомъ въ Андреевское искусный операторъ Гильдебрантъ. Излишнее прибавлять здѣсь, что такъ какъ и все прочее содержаніе, покупка медикаментовъ и всего нужнаго для перевязки раненыхъ производились на счетъ графа. Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ отъ одного изъ короткихъ домашнихъ, что сіе человѣколюбивое и столь внезапно устроившееся въ Андреевскомъ заведеніе стоило графу ежедневно до 800 р.*). Издержки сіи начались съ 10 Сентября и продолжались около четырехъ мѣсяцевъ, то есть до совершеннаго выздоровленія всѣхъ раненыхъ и больныхъ. Надобно принять въ уваженіе, что заслуженный и достопочтенный старецъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ былъ тогда еще живъ: сыну его надлежало отнимать значительную часть собственнаго необходимаго дохода, чтобы прикрывать всѣ потребности и обезпечивать леченіе столь значительнаго числа храбрыхъ воиновъ.

О семъ достохвальномъ, человѣколюбивомъ подвигѣ графа Воронцова никогда не было ни говорено, ни писано. Я радуюсь, что представился мнѣ нынѣ столь неожиданный случай сдѣлать оный гласнымъ. Не довольствуясь однимъ призрѣніемъ и леченіемъ столь большого числа воиновъ, графъ Воронцовъ снабжалъ всякаго выздоровѣвшаго рядоваго бѣльемъ, обувью, тулупомъ и 10 рублями, и по сформированіи небольшихъ командъ, при унтеръ-офицерѣ отправлялъ ихъ въ армію на новые подвиги. Боясь заслужить нарѣканія отъ графа Воронцова, я не присовокуплю къ сему, какъ было поступаемо съ офицерами, кои по выздоровленіи своемъ оставляли Андреевское. Онъ, можетъ быть, недоволенъ будетъ и тѣмъ, что я сообщаю читателямъ моимъ всѣ сіи подробности. Быть можетъ также, что онъ лучшую награду за свой человѣколюбивый подвигъ полагаетъ въ томъ, что оный оставался до

*) При семъ долгомъ моимъ почитаю изъявить чувствительнѣйшую мою благодарность особѣ, сообщившей мнѣ многія подробности, здѣсь помѣщенныя. Имя сего заслуженнаго воина находится въ спискѣ вышеименованномъ. Онъ вступилъ впослѣдствіи въ гражданское поприще и нынѣ занимаетъ высокій санъ въ Московскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената. (Вѣроятно графъ А. И. Гудовичъ. П. Б.).

сихъ поръ въ безызвѣстности. Душевная доброта сопряжена бываетъ обыкновенно со скромностію; но не могу я однакоже въ заключеніе не сказать, что сколь ни были значительны всѣ сіи пожертвованія, они однако же равняться не могутъ съ нѣжными, утонченными попеченіями графа о товарищахъ, съ коими онъ на полѣ чести защищалъ отечество и славу Русскаго оружія, а дóма братски раздѣлялъ все что̀ имѣлъ *).

По старинной моей связи съ графомъ, я часто его навѣщалъ. Прекрасный обширный, убранный по древнему вкусу замокъ его напоминалъ владѣнія Германскихъ владѣтельныхъ принцевъ на Рейнѣ. Тутъ все было: сады, рощи, парки, портретная галлерея великихъ мужей въ Россіи, библіотека и пр. Гости роскошествовали. Ласка, добродушіе, умъ и любезность хозяина содѣлывали общество его для всѣхъ отраднымъ. Не смотря на то, что онъ не могъ еще ходить безъ помощи костылей, онъ всякое утро навѣщалъ всѣхъ своихъ гостей, желая знать о состояніи здоровья всякаго и лично удостовѣриться, всѣ ли довольны. Всякому предоставлено было (какъ сказано выше) обѣдать въ своей комнатѣ одному или за общимъ столомъ у графа; но всѣ тѣ, коимъ раны позволяли отлучаться отъ себя, предпочитали обѣдать съ нимъ. Послѣ обѣда и вечеромъ занимались всѣ разговорами, куреніемъ, чтеніемъ, биліардомъ или музыкою. Общество людей совершенно здоровыхъ не могло бы быть веселѣе всѣхъ сихъ собравшихся раненыхъ. Насъ особенно забавлялъ одинъ Французскій эмигрантъ, служившій у насъ въ арміи, большой болтунъ и спорщикъ, не всегда основательно, но за то весьма скоро и рѣшительно разрѣшавшій всѣ пренія, кои возникали въ разговорахъ нашихъ. Когда разнеслась подъ Бородинымъ радостная вѣсть, что будетъ дано сраженіе Наполеону, то Ж... воскликнулъ съ восхищеніемъ: «Наконецъ *настигнули* мы Бонапарта и дадимъ ему маленькій урокъ!» Ж... былъ увѣренъ, что Русская армія *преслѣдовала* Французскую отъ самаго Нѣмана и что наконецъ принудила оную къ сраженію подъ Бородинымъ.

Въ смутное это время поѣздки мои въ Андреевское были истинною для меня отрадою. Любопытны и пріятны были разсказы всѣхъ

---

*) Прибавить надо, что̀ по распоряженію графа Воронцова сосѣдніе помѣщики часто получали отъ него успокоительныя увѣдомленія о ходѣ военныхъ дѣлъ: тогда не извѣстно еще было, въ какую сторону направится изъ Москвы непріятель (слышано отъ покойнаго Д. Д. Казакова, отецъ котораго былъ помѣщикомъ Владимирской губерніи). Трехъ-этажный домъ въ селѣ Андреевскомъ (нынѣ принадлежащемъ правнуку Воронцова, князю Михаилу Андреевичу Воронцову-графу Шувалову) такъ обширенъ, что въ немъ могли съ удобствами расположиться раненые генералы и офицеры. П. Б.

сихъ раненыхъ воиновъ. Сколько геройскихъ подвиговъ, доказывающихъ неустрашимость, самоотверженіе и великодушіе Русскихъ, останутся сокрытыми для потомства; но тогда не было досуговъ для воспѣванія славныхъ дѣлъ: всякій старался токмо совершать оныя, сколько усердіе, силы и знаніе то позволяли.

Живши съ графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ въ одномъ домѣ [1]), я почти весь день проводилъ съ нимъ. Хотя и убитый горестію отъ потери Москвы и больной духомъ и тѣломъ, онъ въ пылу бесѣды забывалъ иной разъ бѣдствія Россіи и свои собственныя огорченія, и тогда нельзя было не слушать его съ особеннымъ, непрерывающимся удовольствіемъ. Разговоръ съ нимъ никогда не истощался: онъ переходилъ нечувствительно отъ одного предмета къ другому, имѣя особенный даръ всякое происшествіе разсказывать занимательно и остро. Онъ былъ, какъ всѣмъ извѣстно, словоохотенъ, обладалъ особеннымъ даромъ краснорѣчія, чуждаго всякаго педанства, натяжекъ и принужденности. Роль собесѣдника съ нимъ была весьма не трудна: ему надлежало только слушать. У графа была на это особенная догадка и навыкъ: онъ умѣлъ всегда соразмѣрять разсказы свои уму и понятіямъ того, съ кѣмъ разговаривалъ. Нельзя было не удивляться обширной его памяти, любезности, остротѣ и особенному дару слова, коимъ одаренъ онъ былъ отъ природы.

Въ то самое время посѣтилъ его бывшій главнокомандующій арміями графъ Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли[2]). Онъ нарочно пріѣхалъ къ нему изъ арміи, думалъ провести съ нимъ около часа, и вмѣсто того просидѣлъ у него отъ осьми часовъ утра до трехъ по полудни. Оба сіи знаменитые мужа имѣли свои участки заботъ, свою долю огорченій, своихъ недоброжелателей, и обстоятельство сіе немало способствовало къ сближенію ихъ и утвержденію между ними истинной пріязни. Ростопчинъ отдавалъ всегда должную справедливость достоинствамъ графа Барклая-де-Толли и въ то время, когда вся почти Россія единогласно обвиняла его за отступленіе отъ границы Имперіи до Можайска безъ боя, въ то время, какъ въ огорченномъ отечествѣ нашемъ многіе осмѣливались даже подозрѣвать преданность его къ Россіи, Ростопчинъ всегда его защищалъ. Подкрѣпляемый совѣстію своею, движимый любовію къ престолу, усердіемъ къ службѣ, Барклай-де-Толли въ 1813 и 1814 годахъ оправдалъ себя въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, коп обвиняли дѣйствія его въ 1812 году. Участвуя во всѣхъ славныхъ битвахъ въ Германіи и Франціи, онъ наконецъ ввелъ по-

[1]) Т. е. во Владимирѣ. П. Б.

[2]) Съ адъютантомъ своимъ А. А. Закревскимъ. П. Б.

бѣдоносныя Россійскія войска въ Парижъ и пріуготовилъ себѣ памятникъ, воздвигнутый ему предъ Казанскимъ соборомъ.

Минина и Пожарскаго славные подвиги были токмо чрезъ двѣсти лѣтъ торжественно и гласно признаны Благословеннымъ Александромъ I*); можетъ быть, позднѣйшему потомству предоставлено воздать также справедливую честь современникамъ нашимъ, Еропкину и Ростопчину. Но ежели первый укротилъ бунтъ въ древней столицѣ, то послѣдній бо́льшую указалъ еще услугу отечеству своему, предупредивъ въ оной безначаліе благоразумными своими распоряженіями. Въ 1812 году глаза цѣлой Россіи обращены были на Москву: отъ отчаянія до возмущенія и кровопролитія одинъ токмо шагъ. Какъ исчислить всѣ несчастія, кои постигли бы отечество наше, ежели Москва не показала бы и въ семъ случаѣ обыкновенной своей пламенной любви и непоколебимой преданности къ Царю своему? Тишина, порядокъ и повиновеніе къ верховной власти, кои царствовали въ древней столицѣ до самаго вступленія непріятеля въ оную, имѣли спасительное вліяніе на всѣ прочіе города Россіи, и дали отечеству примѣръ, достойный подражанія.

На другой день послѣ посѣщенія графа Барклая-де-Толли, вошедши по обыкновенію моему поутру къ графу, я нашелъ его въ болѣзненномъ состояніи. Онъ всю ночь провелъ безъ сна и, увидя меня, сказалъ слабымъ голосомъ: «Я весь боленъ; съ часъ назадъ былъ у меня сильный обморокъ. Шнаубертъ (докторъ графа) прописалъ мнѣ лекарство и велѣлъ остаться весь день въ постелѣ. Мнѣ нуженъ покой. Я понимаю скуку быть съ больнымъ: вы бы съѣздили къ Воронцову. Эта поѣздка васъ разсѣетъ; можетъ быть, есть вѣсти изъ арміи или изъ Москвы; вы мнѣ ихъ сообщите; сверхъ того желаю я имѣть извѣстіе о здоровьѣ Михаила Семеновича».

Сколь ни находилъ я удовольствія раздѣлять уединеніе человѣка, коему былъ душевно преданъ, но долженъ былъ ему повиноваться и отправился въ Андреевское.

Графъ Воронцовъ, по обширнымъ своимъ связямъ и знакомствамъ въ арміи, былъ въ частой перепискѣ со многими генералами. Онъ посылалъ часто адъютантовъ своихъ переодѣтыхъ, или же выбиралъ проворнѣйшихъ и смѣлѣйшихъ между дворовыми своими людьми и крестьянами, кои проникали въ самую Москву (Французы строго наблюдали за тремя токмо заставами), развѣдывали, что̀ тамъ происходитъ, узнавали о дѣйствіяхъ непріятеля и доносили все графу. Я со-

*) Воздвиженіемъ памятника имъ на Красной площади въ Москвѣ въ Февралѣ 1818 г. Мысль объ этомъ памятникѣ возникла еще въ 1807 году, когда Наполеонъ грозилъ вторженіемъ въ Россію. П. Б.

ставлялъ обыкновенно изъ свѣдѣній спхъ записки, коп графъ Ѳедоръ Васильевичъ часто отсылалъ къ Государю. Такимъ образомъ узнали мы, напримѣръ, о пріуготовленіяхъ, коп дѣлались Французами въ Кремлѣ для подорванія онаго передъ выходомъ пхъ изъ Москвы. Первое извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи дошло до насъ также изъ Андреевскаго.

Мы сидѣли въ тотъ день около камина, какъ вдругъ вошелъ къ намъ графъ Михаила Семеновичъ и сказалъ: «Я получилъ сейчасъ извѣстіе изъ арміи; кажется, скоро дойдетъ дѣло до драки; съ обѣихъ сторонъ дѣлаются пріуготовленія къ тому. Мюратъ и Милорадовичъ встрѣтились нечаянно, объѣзжая передовые свои посты. Узнавши другъ друга, они перекланялись очень учтиво и обмѣнялись нѣсколькими фразами. Я воображаю, прибавилъ графъ смѣючись, какъ они пускали другъ другу пыль въ глаза. Мюратъ успѣлъ на что-то пожаловаться, какъ пишутъ мнѣ, а Милорадовичъ отвѣчалъ ему: O, ma foi, vous en verrez bien d'autres, sire! (то ли вы еще увидите, государь)».

Все общество начало смѣяться, и у всякаго явился анекдотъ о Милорадовичѣ. Тутъ, разумѣется, не было забыто краснорѣчіе его на Французскомъ языкѣ, на которомъ онъ очень любилъ изъясняться, и тогда питомецъ Суворова не говорилъ, а ораторствовалъ, употребляя пышныя и отборныя фразы. На Русскомъ же языкѣ любимая его поговорка была: мой Богъ!

Погостивъ въ Андреевскомъ до самаго вечера, я возвратился во Владиміръ съ головою, набитою свиданіемъ и разговоромъ Французскаго героя съ Русскимъ храбрецомъ. Графъ Ростопчинъ уже почивалъ, мнѣ спать не хотѣлось, дѣваться было некуда, читать нечего,— что̀ дѣлать, какъ время убить? Я взялъ перо и началъ себѣ вымышлять разговоръ между любимцемъ Наполеона и любимцемъ Суворова: сюжетъ, достойный и лучшаго, можетъ быть, пера, нежели мое. Желая позабавить больного моего графа, я переправилъ мое маранье, переписалъ на-бѣло и явился къ нему поутру. Я нашелъ его гораздо бодрѣе и въ довольно веселомъ расположеніи духа.

— Ну, что̀ привезли вы намъ хорошаго? спросилъ графъ.

— Многое, многое! Михаилъ Семеновичъ приказалъ кланяться вашему сіятельству и сказать, что на будущей недѣли надѣется бросить свои костыли и васъ навѣстить *).

*) Оправившись отъ раны, графъ М. С. Воронцовъ еще въ томъ же 1812 году поспѣшилъ къ войскамъ. П. Б.

— Спасибо за добрую вѣсть! Нѣтъ ли чего изъ арміи, изъ Москвы?

— Михаилъ Семеновичъ получилъ свѣжее письмо изъ арміи, кажется отъ графа Остермана. Дѣло идетъ къ стычкѣ неминуемой. Мюратъ встрѣтился нечаянно на аванпостахъ съ графомъ Милорадовичемъ и имѣлъ съ нимъ довольно продолжительный разговоръ

— Ого! Вотъ бы подслушалъ! Я воображаю, что̀ они другъ другу напѣвали! Кто-то кого перещеголялъ? Да о чемъ рѣчь была?

—О разныхъ предметахъ. Разговоръ этотъ положили въ арміи на бумагу. Михаилъ Семеновичъ давалъ мнѣ его читать, и я списалъ оный на́скоро для васъ...

— Вотъ спасибо! Дайте, дайте скорѣе! *О мой Богъ!* я умираю отъ нетерпѣнія.

— Позвольте, я прочту самъ, ибо писалъ очень связно, спѣшилъ.

— Читайте, читайте!

Я началъ чтеніе. Въ тѣ времена желаніе узнать что нибудь новаго о политическихъ, но паче о военныхъ происшествіяхъ, было единственное и всеобщее чувство, всѣми обладавшее. Графъ слушалъ со вниманіемъ, часто усмѣхался и прибавилъ: «Но полно, такъ ли было дѣло? Положимъ, что это мысли и разсужденія Милорадовича; но онъ, вѣрно, иначе выдѣлывалъ фразы свои, и сверхъ того не при васъ ли графъ Барклай сказывалъ, что Государю не угодно, чтобы наши генералы и офицеры имѣли малѣйшее сообщеніе съ Французами, а еще менѣе, чтобы вступали съ ними въ какіе-либо переговоры?

— Это такъ; но развѣ вы не знаете спасителя Бухареста? Ему все позволено, или говоря правильнѣе, онъ самъ все себѣ позволяетъ. Милорадовичъ всѣмъ правиламъ исключеніе.

Ростопчинъ имѣлъ минуты, въ которыя физіономія его озарялась какимъ-то особенныхъ выраженіемъ. Это бывало, когда онъ, понюхивая весьма медленно табакъ и желая проникнуть въ душу того, съ кѣмъ говорилъ, смотрѣлъ ему весьма пристально въ глаза и закидывалъ какой нибудь неожиданный и хитрый вопросъ, дабы по отвѣту дѣлать свои заключенія. Графъ слушалъ чтеніе разговора какъ будто какого нибудь офиціальнаго документа, не оказывая ни малѣйшаго сомнѣнія; онъ дѣлалъ однакоже иной разъ свой замѣчанія, смѣялся, подшучивалъ надъ Мюратомъ; но когда чтеніе мое кончилось, то онъ, потупя огромные свои глаза на меня и грозя мнѣ полусерьозно и полу-

со смѣхомъ пальцемъ, сказалъ: *покайтесь!* Одного этого слова было достаточно, и я, отвѣчая ему также однимъ словомъ, произнесъ откровенное: *виноватъ!*

Я разсказалъ ему, какъ все это было. «Выдумка эта хороша», прибавилъ графъ. «Знаете ли что мы сдѣлаемъ? Пошлите это въ Петербургъ: пусть басенка эта ходитъ по рукамъ; пусть читаютъ ее; у насъ и у Французовъ она произведетъ дѣйствіе хорошее. Переписывайте и отправляйте».

Я такъ и сдѣлалъ и на другой день послалъ манускриптъ къ старому пріятелю моему, Алек. Ив. Т...ву*), яко новость, только что изъ арміи полученную.

Не прошло двухъ недѣль, какъ разговоръ короля Мюрата съ графомъ Милорадовичемъ былъ напечатанъ въ «Сынѣ Отечества», журналѣ, который только что начиналъ выходить и былъ всѣми читанъ съ жадностію, ибо дышалъ ненавистью къ Французамъ и наполнялся преимущественно колкими статьями противъ нихъ и Наполеона. Въ немъ помѣщалось множество анекдотовъ (часто и выдуманныхъ), кои мы, Москвичи, сообщали нашимъ С.-Петербургскимъ пріятелямъ. Такую статейку не могли издатели «Сына Отечества» принять иначе, какъ съ удовольствіемъ.

*

Англійскій посолъ въ Петербургѣ лордъ Каткартъ помѣстилъ выдумку А. Я. Булгакова, появившуюся въ «Сынѣ Отечества», въ одну изъ своихъ депешъ, откуда она черезъ нѣсколько лѣтъ перешла въ сочиненіе Французскаго историка Капфига, вышедшее подъ заглавіемъ: Europe pendant le consulat et l'empire de Napoléon, т. IX, гл. XI, стр. 350. А. Я. Булгаковъ перепечаталъ въ 1843 году въ «Москвитянинѣ» (кн. 2-я) этотъ литературный плодъ своего досужаго воображенія, подъ заглавіемъ: «Разговоръ Неаполитанскаго короля Мюрата съ генераломъ графомъ М. А. Милорадовичемъ на аванпостахъ арміи, 14 Октября 1812 года», и присоединилъ къ нему выдержку изъ своихъ воспоминаній о 1812 годѣ, которая помѣщена выше.

Любопытно, что самъ Булгаковъ по матери своей (Imbert) былъ Французъ. Въ этомъ отношеніи походилъ онъ на своего тогдашняго начальника графа Ростопчина: оба охотники были до всякихъ выдумокъ, остротъ, до краснаго словца и того, что̀ называется «выкидывать колѣнцо», и къ обоимъ можетъ быть отнесенъ стихъ Баратынскаго: «Мимолетныя страданья легкомыслiемъ цѣля». Не даромъ прожили они царствованіе Павла, когда всякая театральность (унаслѣдованная, можетъ быть, и отъ Екатерины) была въ ходу. П. Б.

*) А. И. Тургеневу. П. Б.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА О ЗАГРАНИЧНОМЪ ПОХОДѢ 1813 ГОДА *).

Январь. Городъ Вильна. Сколь пріятно, столь и горестно было мое здѣсь пребываніе. Критическія обстоятельства, въ какихъ я сюда прибылъ, во время, въ которое все занималось единственно собою, гдѣ весь свѣтъ сдѣлался эгоистомъ, я долженъ былъ искать себѣ пристанища, и мудрено ли, что нигдѣ его не нашелъ, пока случай сюда не привелъ меня. Бросивъ несчастное порученіе, что̀ имѣлъ я въ Островѣ, кое-какъ я дотащился до Полоцка, гдѣ посреди ужаснѣйшей дороговизны, посреди множества убитыхъ Французовъ, какъ и посреди безчеловѣчныхъ корыстолюбивыхъ Жидовъ, чтобы не далѣе жить двухъ дней, я рѣшился на послѣднія деньги ѣхать по почтѣ съ товарищемъ, котораго я здѣсь нашелъ, и какъ гауптквартира имѣла направленіе на Вильну, то и мы сюда обратили путь. Ужаснѣйшіе морозы, продолжавшіеся во все время нашей дороги, отощалые кони, что̀ съ трудомъ получали на разореныхъ почтахъ, умножали часъ отъ часу болѣе бѣдствія нашего войска. Наконецъ, по выѣздѣ на Минскую дорогу, навсегда славную ретирадою Французовъ, усугубились еще несравненно болѣе бѣдствія наши. Возстало ужаснѣйшее зрѣлище мертвыхъ труповъ, полумертвыхъ и умирающихъ съ голода, холода, ранъ и болѣзней Французовъ, по дорогѣ и въ боку на каждомъ шагу встрѣчающихся; оружія и снаряды артиллерійскіе съ подбитыми людьми и лошадьми, заставили дорогу по оледенѣлымъ трупамъ проложенную: вотъ слѣды, что̀ я своими глазами видѣлъ, ретирады Французовъ изъ столицы Россіи. Богъ одинъ варваровъ можетъ карать; сіи самыя мѣста, осквернныя ихъ поступками, являютъ и позорище казни ихъ.

---

*) Записки эти принадлежатъ, какъ видно изъ одного мѣста, нѣкоему Свѣчину, помѣщику Тверской губерніи, Ново-Торжскаго уѣзда. Онѣ написаны въ тетради размѣра малой четверки, въ темномъ кожанномъ переплетѣ съ клапаномъ, какъ у бумажника, и представляютъ собою дорожный дневникъ. Свѣчинъ былъ образованнымъ человѣкомъ, владѣлъ двумя иностранными языками и значительною по тому времени начитанностью. Въ дневникѣ этомъ нѣтъ ничего исторически-важнаго, но такъ какъ онъ живо рисуетъ внутренній складъ и жизнь Русскаго офицера за границей, то онъ, думается намъ, подлежитъ печати. Помѣщаемъ его съ нѣкоторыми сокращеніями. Ю. Б.

Путь нашъ, чѣмъ далѣе простирался, тѣмъ труднѣе становился; ночью въ ужаснѣйшій морозъ двѣ клячи едва тащили повозку нашу. Холодъ совершенно овладѣлъ всѣмъ корпусомъ моимъ, ни въ движеніи бѣга не могъ я замѣнить холоднаго платья; свѣтлый мѣсяцъ съ несчетными звѣздами отражалъ лишь лучи свои въ снѣгахъ обширныхъ полей, и стонъ замерзающихъ Французовъ индѣ отдавался въ глуши. Наконецъ надежды лучъ мелькнулъ: огонекъ съ боку, и черная тѣнь являла призракъ строенія. Съ радостію подобной мореходцу въ бурю, увидѣвшему берегъ, спѣшимъ и мы пристать подъ теплый кровъ. Я первый вбѣгаю на дворъ, въ избу, и чтожъ! О надежда, не вотще ли льстила ты меня? При едва мелькающемъ огонькѣ въ большой деревенской печкѣ тлѣлось нѣсколько полѣнецъ дровъ; человѣка три отощалыхъ, изможеныхъ, истертыхъ сидѣли у печи и клали въ огонь замерзшій картофель; вся изба завалена мертвыми и умирающими, безъ оконъ, безъ дверей, безъ крышки, однѣ стѣны лишь стоятъ, къ коимъ огонь неоднократно, кажется, уже прикасался.

Что дѣлать? Лошади ни съ мѣста, ужъ мы перемерзши; пришлось было смерть посреди смертей найти. Но Провидѣніе, ты чудесно иногда спасаешь бѣдствующихъ, даже когда и надежды нѣтъ. И Ты спасло насъ и сей разъ. Вдали едва лишь услышать было можно лай собачій, и тамъ Ты намъ опредѣлило спастись отъ лютаго холода. Собака—символъ домоводства. Чрезъ рвы, поля, кусты, снѣгъ по поясъ спѣшимъ мы на лай ея, видимъ огонь и входимъ въ теплую избу. О Боже! признаюсь, какъ эта теплая маленькая избушка получила здѣсь цѣну мраморныхъ палатъ и, не взирая на множество тутъ больныхъ нашихъ солдатъ, съ ними вмѣстѣ на самомъ на полу, по претерпѣніи столькихъ трудовъ, такъ хорошо уснули, какъ вѣрно никогда никакой богачъ на пышномъ ложѣ, тревожимый во снѣ и на яву толпою заимодавцевъ, столь сладко ни на минуту не засыпалъ.

Я пріѣхалъ въ Вильну въ самый день, часами тремя только раньше, прибытія сюда Государя Императора*) и какъ комендантъ гауптквартиры ген.-маіоръ Ставраковъ выѣхалъ на встрѣчу Государю, то я до спхъ поръ и долженъ былъ ожидать на дворѣ. За сіе трехчасное мое пребываніе безъ квартиры наградила меня великолѣпная картина видѣть прибытіе Императора. Государь, прибывши, изволилъ прямо поѣхать къ свѣтлѣйшему князю Кутузову-Смоленскому. Сей почтенный старецъ, украшенный новыми лаврами по-

*) Т. е. 6 Декабря 1812 года. Въ этотъ же самый день Наполеонъ возвратился въ Парижъ. П. Б.

бѣдъ, сошелъ до средины крыльца на встрѣчу Императору, и молодой Монархъ обнялъ престарѣлаго воина, спасителя отечества. Слезы радости, явившіяся въ глазахъ у обоихъ, въ молчаніи изъявляли чувства сердца, и лица предстоявшаго тутъ множества генераловъ представляли величественную картину тріумфа. Какія чувства должны быть въ душѣ Монарха, когда онъ узрѣлъ живую картину побѣды надъ врагами, когда узрѣлъ руку Всевышняго, чудесно карающую сопротивниковъ Божіихъ и его? Чувство умиленія конечно должно питать его сердце, чувство благодарности, чувство щедроты конечно должно овладѣть имъ, и вотъ манифестъ, коимъ вознаграждаются всѣ убытки, понесенные отъ варваровъ, милосердый манифестъ, коимъ подобно Богу прощаетъ всѣмъ крамольникамъ малодушнымъ, кои, ради какихъ бы ни было стяжаній, могли измѣнить Богу въ присягѣ Монарху и отечеству, могли способствовать, могли пристать къ дѣламъ варваровъ. Но Россіяне, нѣтъ вашъ великій духъ столь низкихъ чувствъ питать не можетъ. Вы, кои ознаменовали себя твердой любовью къ Царю и отечеству своему, оставьте: манифестъ сей не для васъ. Предоставьте наслаждаться имъ тому малодушному народу, который пріобыкъ подчиняться премѣнчивому жребію, который раболѣпствуетъ ему, который, питая злоковарное сердце свое, ищетъ гибели и самыхъ тѣхъ, кои радѣютъ о блаженствѣ дней его. Но и милосердіемъ манифеста сего не загладится наказаніе, свыше имъ пріуготовляемое: стыдъ и лютое угрызеніе совѣсти, сего тайнаго свидѣтеля мыслей нашихъ, будутъ преслѣдовать ихъ до гроба. Такъ воззрите на сіи блѣдныя лица, на кои внутреннее чувство впечатлѣло ужасъ достойной ихъ казни. Подобно изсохшимъ листьямъ, осенью съ древесъ спадшимъ, влекутся они по лицу земли, бѣгутъ отъ взоровъ вашихъ!

Наконецъ, я получилъ квартиру; но ахъ, квартиру! Внезапный случай далъ мнѣ узнать, что братъ мой въ 7-ми верстахъ здѣсь отъ города. Съ толикой радостью принялъ я сіе извѣстіе, что въ тотъ же день даже пѣшкомъ пустился съ тѣмъ офицеромъ къ нему. Приходимъ туда ночью, всѣ спали на повалку, и вотъ ему сюрпризъ и радость не менѣе, какъ и мнѣ. Одинадцать мѣсяцевъ было какъ мы другъ друга не видали и другъ объ другѣ не слыхали. Съ сихъ поръ какъ обстоятельства мои ни были дурны, но братская любовь довольствовала меня.

Рота полковника Сазонова, въ которой братъ находился, вступила въ Вильну, и мы жили вмѣстѣ въ кругу ихъ офицеровъ съ любезнѣйшимъ ихъ начальникомъ. Я заболѣлъ ногами; это еще болѣе сдѣлалось мнѣ претекстомъ оставаться здѣсь, пока былъ братъ. Наконецъ онъ выступилъ, и

и одинъ въ скукѣ и болѣзни долженъ былъ ожидать своего выздоровленія. Вильна городъ большой, лежитъ въ ущельяхъ горъ, чрезъ него протекаетъ р. Вилія довольно широкая и судоходная, строенія наибольшей частью все старинныя, высокіе дома, узкія улицы; къ тому же прибавить множество Жидовъ, которые и вообще во всей Польшѣ все пакостятъ. Здѣсь есть много славныхъ католическихъ церквей, которыя почти всѣ теперь были заняты подъ госпитали. Множество умерло здѣсь народу, на улицахъ вездѣ жгли навозъ. Въ бытность еще здѣсь брата видѣлись мы съ Алекс. Ник. Львовымъ: онъ причисленъ къ Тульскому ополченію, а не ординарцемъ при г. м. Шевичѣ, и живетъ съ Ген. и Дьяковыми.

Еще не совсѣмъ выздоровѣвши, оставилъ я Вильну и, взявъ команду изъ 64-хъ человѣкъ для препровожденія къ корпусу гр. Витгенштейна, выступилъ. Первый ночлегъ имѣлъ по большой дорогѣ отъ Вильны къ Ковно. Все выжжено, почему и пошелъ по проселочной; здѣсь нашелъ мужиковъ гораздо меньше претерпѣвшихъ. Болѣзни ужасно здѣсь свирѣпствовали. Въ столь ближнемъ разстояніи отъ большой дороги я нашелъ, что здѣсь въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ почти и не видали Французовъ, и я нужды не терпѣлъ ни въ провіантѣ, ни въ подводахъ.

22 Января. М. Яново. Очень маленькое мѣстечко, лежитъ въ трехъ верстахъ отъ дороги сбоку; здѣсь живутъ Русскіе мужики - раскольники хорошо.

27 Янв. Г. Ковно лежитъ при совпаденіи рѣкъ Вилія съ Нѣманомъ, отправляетъ важную коммерцію. Здѣсь комендантомъ подполковникъ Кемпенъ, который подписалъ мнѣ на ордерѣ, чтобы я слѣдовалъ на Инстербургъ.

30-е М. Запажинска. Здѣсь жители говорятъ по-литовски.

3 Февраля. Новомѣсто. Шервинь. Сіи мѣстечки отдѣлены другъ отъ друга рѣчкой, и съ первымъ кончается княжество Литовское, а со вторымъ начинается Пруссія; въ первомъ множество Жидовъ и Поляковъ, во второмъ только Пруссаки. Въ семъ послѣднемъ нашелъ я баталіонъ ея высочества Екатерины Павловны, командуемый полковникомъ княземъ Оболенскимъ. Какая разница уже видна между мѣстечками Польскими и Нѣмецкими; здѣсь все хорошенькіе, чистенькіе домики, высокія красныя крышки, ратуша съ довольно высокой башней съ часами. Признаюсь, что желалъ бы, чтобъ и въ отечествѣ насъ столь душевно радостно принимали, какъ здѣсь.

3-е Д. Гервишки. Здѣсь стоялъ я на мельницѣ, гдѣ въ каждомъ гвоздикѣ видна Нѣмецкая аккуратность. Хозяинъ разсказывалъ мнѣ, какъ стоялъ у него Французскій генералъ, коего корпусъ расположенъ былъ возлѣ на

бивакахъ, и солдаты, не смотря, что генералъ глядѣлъ въ окна, таскали у хозяина все, что̀ имъ нравилось; но не должно забыть, что сіе было во время ретирады; а то дисциплина у Французовъ столь же сильна, какъ у насъ субординація.

7, 8, 9-е. Инстербургъ. Городъ лежитъ за р. Прегель, довольно великъ, но выстроенъ нехорошо; вокругъ ратуши на площади есть нѣсколько порядочныхъ домовъ. Командѣ сюда за рѣку невозможно было перейти, ибо ледъ проходилъ, потому одинъ я былъ здѣсь. По прибытіи получилъ я здѣсь квартиру у одного отставного ротмистра Прусскихъ черныхъ гусаръ, Бушъ по прозванію, принятъ былъ хорошо; но какъ въ сей день случилось у него несчастье, что померла мать его, то и просилъ меня истребовать себѣ другую квартиру, что̀ на слѣдующій же день я и исполнилъ. Квартиру мнѣ назначили у стульнаго мастера Зомера. Въ маленькой, тѣсной и очень неспособной комнаткѣ былъ я очень доволенъ по пословицѣ „не красивъ домъ углами, а красивъ пирогами“; добрые хозяева старались угадывать, чего только я желалъ. Въ фамиліи было шесть дочерей и одинъ сынъ маленькій. Société сіе умножала еще одна родня, пріѣхавшая изъ Кенигсберга, содержательница тамъ магазина auf französischen Art, не провинціалка; много разсказывала мнѣ чудеснаго про Кенигсбергъ. Но время позволитъ, такъ лучше самъ себѣ разскажу.

Февраля 18-е. Городъ Кенигсбергъ. Первое дѣло, прибывъ сюда, было мнѣ сдать команду нашему коменданту подполковнику Беллингаузену, потомъ натурально получить квартиру и на ней расположиться.

Квартира моя на большой улицѣ близъ моста. Большіе, каменные, 4-хъ и 5-ти этажей дома; но улица такъ узка, что едва двѣ кареты рядомъ проѣхать могутъ. Надо замѣтить, что это одна изъ большихъ улицъ. Въ домахъ множество хорошихъ лавокъ, между купцами, и очень знаменитыми, множество Жидовъ, которые хотя и одѣты и говорятъ по-нѣмецки, но съ перваго взгляду замѣтишь, что Жидъ. Хозяинъ мой, перекрестъ изъ Жидовъ, имѣетъ домъ и лавку и занимается продажею и чтеніемъ Библіи, въ которомъ упражненіи я его неоднократно заставалъ. Человѣкъ холостой, думаю потому, что на Жидовкѣ еще не женатъ, да и не женится теперь; а христіанка тоже не настоящаго въ немъ христіанина находитъ. Странное дѣло! Этотъ человѣкъ имѣетъ много родни, и всѣ Жиды. Я услышалъ, будто онъ, влюбясь въ одну христіанку, рѣшился для нея перемѣнить вѣру; еще страннѣе, чтобъ 30-лѣтній человѣкъ, 30 лѣтъ бывши Жидомъ, на 31-мъ году захотѣлъ бы изъ любви сдѣлаться христіаниномъ.

Здѣшній дворецъ есть большой старинной домъ на полуциркульной площади; я въ немъ особенно достойнаго примѣчанія ничего не нашелъ. Здѣсь живетъ Прусскій генералъ Коркъ, занятый формированіемъ фрейкоровъ. Нашъ генералъ-лейтенантъ графъ Сиверсъ—военный губернаторъ.

19-го. Поутру надлежало мнѣ исполнить этикетъ службы, т. е. явиться къ графу Сиверсу. Насъ было шесть офицеровъ, пріѣхавшихъ сюда въ городъ. На цыпочкахъ ввелъ комендантъ насъ въ залу, гдѣ съ полчаса ожидали мы выхода его сіятельства. Наконецъ онъ явился въ форменномъ сюртукѣ и въ желтыхъ сапогахъ; оставилъ конечно важныя дѣла за тѣмъ только, чтобы посмотрѣть на каждаго, выслушать „честь имѣю явиться“. Въ переднихъ комнатахъ кроятъ, ибо ему поручена была обмундировка корпуса графа Витгенштейна.

Я не имѣлъ нужды ходить здѣсь обѣдать въ трактиръ, ибо имѣлъ всегда порядочный столъ у хозяина, но послѣ обѣда люблю прійти въ deutsches Gasthaus; здѣсь-то Нѣмцы сидятъ въ кругу за столомъ, передъ каждымъ кружка пива съ номеромъ, у каждаго въ зубахъ Pfeiftabak, въ рукахъ Zeitung. Вотъ одинъ толкуетъ: Meine Herren, die Franzosen werden hier geschlagen; wir, die Allirten, müssen eine starke Position nehmen. Ja, ja, sie werden geschlagen; сіе общій голосъ подтверждаетъ, и побѣду пивомъ запиваютъ. Когда же дѣло дойдетъ, Kellner, geben sie ein Schnaps, то тутъ: Es lebe wohl der Kaiser Alexander und der Friedrich Wilhelm, hoch! провождается глотками водки. Вечеромъ былъ въ театрѣ, гдѣ представляли Korsar aus Liebe, опера; оркестръ хотя не великъ, но порядочный; пѣли также хорошо.

20-е. Поутру были въ комендантской канцеляріи. Я замѣтилъ большую способность въ Беллинсгаузенѣ къ сей должности; онъ такъ ею вертитъ, избѣгая медленности, которая есть столь во многихъ. Расправа коротка: Нѣмцу и солдату одна плеть. Сегодня при мнѣ была жалоба одного солдата, что Нѣмецъ, его хозяинъ, поступаетъ съ нимъ грубо, и не кормитъ, и въ холодной комнатѣ моритъ. Онъ посылаетъ тотчасъ узнать и потомъ, когда нашелъ, что все справедливо, посылаетъ за хозяиномъ. Сей, видя, что дѣло плохо, присылаетъ къ нему свою жену. О Нѣмецъ хитеръ! Подумалъ, что въ шляпѣ и капотѣ его жена все исправитъ дѣло. Нѣтъ, пустое! „Не съ вами, а съ вашимъ мужемъ я имѣю дѣло“, былъ ей отвѣтъ. Явился мужъ и получилъ 25 плетей на спину.

Славно видѣть формирующихся здѣсь фрейкоровъ: молодые люди всякаго состоянія вступаютъ рядовыми, на свой счетъ одѣты; тѣ, кои въ кава-

лерію, съ своими лошадями. Обмундировку перенимаютъ совершенно у насъ. Выйдя на свою волю, избавясь родительскихъ присмотровъ, съ какою радостью надѣваютъ мундиръ, какую плѣнительную перспективу видятъ въ службѣ! И дѣйствительно множество молодыхъ людей хорошо воспитанныхъ весьма отличаются отъ полковыхъ, отъ той soldatesque; съ удовольствіемъ служатъ, ибо служба ихъ въ кругу воспитанныхъ дѣлается благороднѣйшею въ кругу дружества. Субординація для ихъ офицеровъ строга во время службы, равенство внѣ оной.

21-е. Сегодня давали піесу Deutsche Treue, гдѣ г. Аншицъ игралъ очень хорошо; онъ сходствуетъ очень игрой съ Яковлевымъ; только онъ менѣе употребляетъ корпусныхъ движеній и жестовъ. Городъ хорошо вечеромъ вездѣ освѣщенъ. Нахтъ-вахтеры здѣсь свищутъ, бьютъ въ трещотку и поютъ; до 9-ти часовъ на всѣхъ перекресткахъ шарлотки.

26-е. Все готово къ выступленію на брань. Команда до 300 человѣкъ, и я съ прапорщикомъ Алексѣевымъ Бѣлозерскаго полка долженъ выступить. Фрейкоры тоже выступаютъ.

10-е Марта. Маріенвердеръ. Соскучившись идти съ командой столь медленно, я ее оставилъ. Мѣстечко очень порядочное; перемѣнивши лошадей и отобѣдавъ, въ тотъ же день я выѣхалъ въ Нейнбургъ. Мѣстечко лежитъ на самой Вислѣ по ту сторону рѣки. Перевозъ на паромѣ. Дорога идетъ черезъ ретраншементы, на берегу рѣки большая колонія рыбаковъ. Отсюда ѣхалъ вмѣстѣ съ адъютантомъ графа Платова, поручикомъ Ясинскимъ и Лопатинымъ. Еще присталъ къ намъ переведенный къ намъ изъ Прусской службы капитанъ Калькштейнъ, малый добрый, хорошо воспитанный; жаль одного, что онъ невоздержанъ.

12-е. Г. Коницъ. Прибыли въ 7 часовъ утра. Порядочный городъ, квартира очень хороша; хорошенькія дочери добраго хозяина забавляли насъ пѣніемъ, игрою на фортопьянахъ, гитарѣ; славный рейнъ-вейнъ рдѣлъ въ стаканахъ. Сынъ хозяина, молодой воинъ фрейкоръ, и нѣсколько еще добрыхъ ребятъ составляли веселую компанію.

21-е. Г. Франкфуртъ. Славный, довольно большой, торговый и хорошо выстроенный городъ по ту сторону рѣки Одера, на коей былъ славный мостъ, но Французы его сожгли. Здѣсь стоялъ съ своимъ отрядомъ генералъ-лейтенантъ графъ Воронцовъ. Ясинскій поѣхалъ отсюда въ Калишъ, гдѣ была гауптквартира главной арміи.

24-е. Фогельсдорфъ. Славная деревня; здѣсь ночевали мы вмѣстѣ съ Пермскаго полка капитаномъ княземъ Волконскимъ.

25-е. Берлинъ. Гладкій chaussée, обсаженный высокими тополями, ведетъ въ Берлинъ. По обѣ стороны прекрасные загородные домики, трактиры съ садами, прекраснѣйшее вокругъ мѣстоположеніе, вдали блестятъ купола и шпили; прекраснѣйшая прямая перспектива ведетъ въ городъ. Большіе дома по широкой улицѣ продолжаются до середины города, раздѣленной надвое рѣкой Шпрее. Здѣсь комендантомъ егерскій подполковникъ Кожинъ, радѣетъ о пользѣ службы, о пользѣ города и конечно о своей, стараясь пріѣзжающихъ какъ можно скорѣе выпроводить. Насилу могли склонить его позволить намъ остаться здѣсь два дня. Я получилъ квартиру вмѣстѣ съ Калькштейномъ въ Neue Fridrichstrasse, у одной вдовы, которая, имѣя большой домъ, беретъ деньги съ другихъ обывателей и держитъ постой. Вечеромъ сегодня былъ я въ театрѣ, гдѣ давали Die Jungfer von Orlean. Театръ очень хорошъ и актеры. Между представленіями въ одномъ актѣ, гдѣ народъ говоритъ на сценѣ: Wir gehen alle um unseres Vaterland retten, весь партеръ вскричалъ: ja, wir gehen auch alle...

Поутру рекомендовалъ меня Калькштейнъ въ домѣ одного профессора. Онъ живетъ не пышно, но хорошо; съ большимъ удовольствіемъ разспрашивалъ онъ меня о свойствѣ нашей земли, характерѣ нашихъ жителей и, признаюсь, во многихъ мѣстахъ онъ пристыдилъ меня, ибо зналъ гораздо лучше нашу исторію. Онъ показывалъ мнѣ переводъ нашей Россіады, оды Богъ, О пользѣ стекла; въ сихъ великихъ твореніяхъ замѣчаетъ онъ нѣкоторый особый духъ, свойственный однимъ Русскимъ. „Если время позволитъ“, говоритъ онъ, „то непремѣнно поѣду въ Петербургъ“. У него два сына, одному 17, другому 16 лѣтъ; онъ ихъ отдалъ въ фрейкоры; они еще не выступали и живутъ у него; двѣ прекрасныя дочери, обѣ моложе сыновей, всѣ хорошо воспитаны. „Но какъ я терпѣть не могу Французовъ (говоритъ онъ), то по-французски ихъ и не училъ“. Люблю и я за то Нѣмцевъ, что Французскій языкъ имъ головы не вскружилъ, а если хоть и есть какой Нѣмецъ-Французъ, то только пародія на Французовъ.

Королевскій дворецъ, на большой круглой площади, выходитъ на рѣку. Старинное зданіе съ башнями, въ серединѣ 4 двора, гдѣ содержатся караулы. Здѣсь резервный баталіонъ гвардіи дѣлалъ разводъ; всѣ ружейные пріемы дѣлаютъ въ одинъ тактъ, держатъ себя вольнѣе нашихъ, но далеко нѣтъ той ровности во фронтѣ, какая у насъ.

На большомъ мосту близъ дворца воздвигнутъ монументъ Фридриху, отцу Великаго. Онъ представленъ сидящимъ на конѣ, у ногъ его 4 невольника; ихъ импрессія очень хороша, бюстъ же его самого хуже, чѣмъ у насъ; ничего геройственнаго въ немъ не видно: сидитъ какъ баба.

Домъ-кирке, соборная церковь, обширна и богато убрана; въ ней похоронены короли и принцы дома Бранденбургскаго; близъ алтаря стоятъ въ два ряда гробницы, на верху каждой на мѣдной доскѣ, en basrelief, выработанъ въ ростъ портретъ въ томъ уборѣ, въ какомъ похороненъ. Работа чрезвычайная.

Здѣсь имѣлъ я удовольствіе видѣть прекраснѣйшую церемонію. Всѣ пришедшія въ возрастъ молодыя дѣвицы и мальчики удостоились къ принятію Причастія по лютеранскому исповѣданію. Всѣ нѣжныя сіи красы, по правую сторону мальчики, по лѣвую дѣвушки, въ бѣлыхъ платьицахъ съ красной ленточкой въ головѣ, съ нѣжнымъ трепетомъ подходили къ священной особѣ къ принятію благословленія.

Отсюда ходили смотрѣть мѣсто, на коемъ воздвигнутъ монументъ генераламъ, отличившимся во время Семилѣтней войны при Фридрихѣ Великомъ. Параллеллограмная площадь; въ серединѣ фаса на пьедесталѣ стоитъ бюстъ въ ростъ фельдмаршала Зейдлица въ кавалерійскомъ старинномъ мундирѣ, съ раструбами, въ ботфортахъ и перчаткахъ, маленькая 3-хъ угольная шляпа, длинная коса, двѣ большія пукли, маршальскій жезлъ въ рукахъ. Старикъ съ большими усами въ гусарскомъ платьѣ есть генералъ Цитенъ. Фельдмаршалъ Шверинъ, убитый въ сраженіи подъ Прагой, въ рукахъ со знаменемъ, въ память того, что, когда не могли остановить ретировавшихся, взялъ знамя, сказавъ: „коль не хотите раздѣлить со мной славы моей, то будьте по крайности зрителями смерти моей“, и сими словами онъ побѣдилъ непріятеля. Всѣ сіи монументы сдѣланы изъ мрамора бѣлаго.

Нигдѣ, кажется, столь пріятно не удастся мнѣ провести время, какъ здѣсь. Съ какимъ восторгомъ насъ принимаютъ! Имя Русскаго сдѣлалось именемъ защитника, спасителя Европы. Здѣсь получили мы достойную награду за трудъ нашъ. Я не буду говорить объ офицерахъ; скажу только, что въ большомъ домѣ на бульварѣ видите двухъ или трехъ нашихъ солдатъ, сидящихъ на балконѣ; предъ ними столикъ, на которомъ большой кофейникъ съ кофіемъ, большая бутылка рому, большіе чашки и стаканы, словомъ сказать, за столомъ, гдѣ льются пуншъ, пиво, кофей, курится табакъ, въ толстѣйшихъ Русскаго сукна шинеляхъ съ заплатками, сквозь которыя нерѣдко

видна и рубашка истлѣвшая отъ грязи и поту. Угощаются Русскіе воины, и дочь хозяйская, прекраснѣйшая дѣвушка, за честь почитаетъ изъ рукъ своихъ поднести гросъ-гласъ шнапсу; а сей безъ дальнихъ комплиментовъ, однимъ глоткомъ высушивъ стаканъ, въ трепетъ приводитъ всѣхъ зрителей и pour faire galant снова наливаетъ стаканъ и подноситъ ей, которая, не смотря на отвращеніе, принуждается отцомъ и матерью испить глотокъ. Дѣйствительно весь пріемъ былъ тріумфомъ арміи.

Напявши коляску, ѣздили мы въ Шарлотенбургъ. Прямая перспектива на цѣлую милю отъ Берлинскаго дворца идетъ къ Шарлотенбургскому; здѣсь видѣли памятникъ сдѣланный надъ гробомъ покойной королевы. Отъ дворца идетъ широкая аллея, обсаженная густыми и большими тополями до самыхъ Бранденбургскихъ воротъ. Здѣсь вѣчное мѣстопребываніе всему праздношатающемуся въ Берлинѣ; здѣсь встрѣтите мальчишекъ, предъ вами тысячью манерами кривляющихся и кувыркающихся; они до тѣхъ поръ отъ васъ не отстанутъ, пока не бросите имъ крейцеръ. Здѣсь променадъ, здѣсь любовная охота... Живутъ онѣ въ тѣсныхъ переулкахъ, ниже земли, въ погребахъ.

Ворота съ 4 отверстіями, къ коимъ ведетъ Unterlindener-Strasse, называются Бранденбургскими; на верхушкѣ виденъ шпиль, на которомъ держалась колесница Нептуна, запряженная четырьмя конями; она снята Наполеономъ, но что теперь она украшаетъ — мнѣ неизвѣстно. За воротами продолжается до самого Шарлотенбурга Thiergarten; трактиры съ садами и бесѣдками; сюда собирается множество жителей, пьютъ пуншъ, пиво, курятъ табакъ. Во многихъ мѣстахъ музыка; нѣсколько скрипокъ или кларнетовъ щедро награждаются за усильное дутье крейцерами. Сюда приходятъ послѣ обѣда и хорошія дамы, вязать чулки, пить чай. Здѣсь есть еще мода, сдѣлавшаяся уже теперь обычаемъ — говорить особымъ языкомъ, т. е. тотъ же Нѣмецкій языкъ сдѣлать пріятнѣе и нѣжнѣе.

27-е. Неумолимый комендантъ никакъ мнѣ не позволилъ долѣе остаться. И такъ послѣ обѣда, получивъ лошадей, выѣхали мы въ Потсдамъ, отстоящій 4 мили отъ Берлина. Дорога идетъ по прекраснѣйшему chaussé, вокругъ чрезвычайное мѣстоположеніе. Здѣсь начинаютъ появляться горы, на которыхъ виноградъ. Мы заѣхали въ одинъ Gasthaus, гдѣ нашли множество егерей фрейкора, которые шли изъ Берлина, и имѣли здѣсь ночлегъ. Музыка гремѣла, стаканы звучали, пляска продолжалась и вино лилось. Добрый старичокъ, Прусскій комендантъ, тотчасъ далъ намъ билеты; въ ратушѣ написали квартиры намъ на площади противъ ратуши; но какъ сегодня уже

поздно, то ничего не буду говорить о городѣ. Скажу только, что здѣсь опять мы соединились съ Волконскимъ и со всѣми тѣми, съ которыми ночевали въ Фогельсдорфѣ.

28-е. Первымъ долгомъ почелъ себѣ посмотрѣть гробницу Фридриха Великаго. Домъ-кирхе здѣсь не столь великолѣпна, какъ въ Берлинѣ. Возлѣ алтаря по правую сторону въ небольшомъ придѣлѣ за рѣшетчатою дверью стоятъ двѣ простыя безъ всякихъ украшеній мраморныя гробницы; по правую сторону лежитъ Фридрихъ Великій, по лѣвую — отецъ его; близъ сего придѣла къ стѣнѣ прибита бѣлая доска, на коей написаны имена нижнихъ чиновъ, отличившихся во время Семилѣтней войны. Отсюда ходили мы посмотрѣть дворецъ; онъ выстроенъ въ новѣйшемъ вкусѣ и лучше Берлинскаго; славная полуциркульная колоннада, прекрасный фронтонъ, садъ съ хорошими аллеями передъ дворцомъ. Здѣсь маленькій прудъ, на коего островку изображенъ изъ дикаго камня Нептунъ, какъ будто изъ воды выѣзжающій на колесницѣ, окруженный тритонами и прочими морскими животными. Здѣсь виденъ вблизи замокъ, гдѣ въ башнѣ сидѣлъ Фридрихъ Великій, посаженный отъ отца. Городъ выстроенъ весьма хорошо, прокопанъ канавами, которыя выложены гранитнымъ камнемъ и чугунной рѣшеткой; улицы чисты и широки, большіе дома хорошей архитектуры, но только пусты: сюда, кажется, пріѣзжаютъ жители для отдохновенія отъ шума Берлинскаго. По серединѣ площади воздвигнутъ монументъ Фридриху Великому, пирамида съ золотымъ наверху шаромъ. На ратушѣ статуя вызолоченая, представляющая атлета, держащаго шаръ земной на плечахъ. Послѣ обѣда ѣздили въ Санъ-Суси, увеселительный замокъ, выстроенный Фридрихомъ Великимъ.

Въ большомъ дворцѣ между прочими богатствами наиболѣе достойна примѣчанія зала изъ раковинъ, сдѣланная изъ множества различной величины и цвѣтовъ раковинъ, чрезвычайно расположенныхъ, двери же сдѣланы изъ разныхъ кристалловъ; въ прочихъ комнатахъ мало достойнаго примѣчанія. Комната, гдѣ имѣлъ первое свиданіе императоръ Павелъ съ Маріей Ѳеодоровной, будучи еще великимъ княземъ. Отсюда прошли черезъ садъ большой, прорѣзанный широкими аллеями; по правую сторону прекрасный Японскій домикъ, на крыльцѣ множество статуй, представляющихъ Азіатцевъ въ различныхъ видахъ; круглая зала съ живописью по стѣнамъ, разныхъ Азіатскихъ семействъ виды изображающая. Сюда Фридрихъ каждое утро приходилъ изъ дворца заниматься; въ одной изъ спхъ стоитъ старый столикъ на подобіе конторки, нѣсколько стульевъ и канапэ, на коихъ онъ сидѣлъ и писалъ. Широкая аллея ведетъ къ другому дворцу; высокая, срытая въ 5-ть

уступовъ гора; ширина каждаго уступа такая, что занимаетъ устроенную на немъ оранжерею, а высота такая же, какъ и высота оранжерей; изъ сего образуется она стеклянною горой, верхъ же горы занимаетъ красный съ бѣлыми колонами, въ одинъ этажъ дворецъ, сверхъ коего стеклянная обсерваторія. Прекраснѣйшій замокъ сей выстроенъ по собственному плану Фридриха Великаго и есть памятникъ изящнаго вкуса его.

Сколь пріятно взирать на мѣста, рожденныя великимъ геніемъ; сколь и самыя бездѣлицы интересуютъ въ нихъ! Дворецъ сей оставался пустъ, и никто въ немъ не жилъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ оставилъ его великій монархъ. Кажется, преемники его оставили нарочно, чтобы видѣть въ немъ нерушимый памятникъ пребыванія великаго предшественника ихъ. Сколь восхитительно видѣть залу, взирать на тотъ самый большой круглый столъ, гдѣ монархъ отдавалъ приказанія или бесѣдовалъ за обѣденнымъ столомъ съ тѣми, коихъ удостоивали дружбой своей, гдѣ Вольтеръ, противорѣча ему и приведя въ сердце, умѣлъ умягчить гнѣвъ острой шуткой. Silence, messieurs, le roi de Prusse est arrivé! Спальня, гдѣ кончилъ жизнь великій монархъ; самыя тѣ Волтеровскія кресла, фортепіано и пюпитръ, на которыхъ игралъ; спальня содержитъ маленькую диванную, гдѣ стоитъ постель, маленькій угольный кабинетъ возлѣ съ библіотекой; между прочими книгами, въ коихъ мало однакоже Нѣмецкихъ, замѣтилъ я Histoire de Pierre-le-Grand par Voltaire; L'esprit des lois и манускриптъ его руки, экстрактъ писанный на четверкѣ по-французски. Комната, гдѣ жилъ Вольтеръ, его бюро и кресла. Во всѣхъ комнатахъ вообще нѣтъ большой пышности; на столахъ и каминахъ стоятъ фарфоровыя вазы Берлинской и Мейсенской фабрикъ, по двѣ вмѣстѣ одинаковыхъ; кажется, король нарочно выписывалъ ихъ оттуда, приказывалъ такія же вырабатывать у себя и, дабы ихъ всегда сличать, ставилъ вмѣстѣ. Вышедши отсюда, пошли смотрѣть музеумъ картинъ, Фридрихомъ собранный. Близъ аллеи возлѣ пригорка мѣсто, гдѣ похоронилъ онъ пять любимыхъ собакъ своихъ и одну лошадь, которая нѣсколько разъ съ нимъ была въ сраженіяхъ; надъ каждой сдѣлана четыреугольная плита, на которой вырѣзано имя, годъ, мѣсяцъ и число рожденія и смерти. Небольшая галлерея содержитъ музеумъ. Достойнѣйшее здѣсь—образъ Спасителя, писанный Рафаэлемъ. Картина сія была вынесена, когда Наполеонъ посѣщалъ музеумъ.

Отсюда прошли еще по большому саду, отдыхали у самой той вѣтряной мельницы, о которой Фридрихъ Великій потерялъ процессъ съ мельникомъ. И такъ, сожалѣя, что не могъ еще долѣе сегодня любоваться зрѣлищемъ

сихъ любопытныхъ мѣстъ (ибо ужъ солнце начинало скрываться, и коляска, которую мы наняли, уѣхала назадъ), мы пѣшкомъ пошли назадъ въ Потсдамъ.

Чрезвычайнѣйшія мѣстоположенія! Съ обсерваторіи видны шпицы Берлина, весь Потсдамъ, вокругъ множество разбросанныхъ прекраснѣйшихъ деревень, садовъ, загородныхъ большихъ домовъ, множество горокъ, усѣянныхъ виноградомъ, пашни, рѣки, ручейки; словомъ, здѣсь все собрано для чрезвычайнѣйшаго ландшафта.

Потсдамъ. Никогда не имѣлъ я столь пріятнѣйшихъ трудовъ и не наслаждался столь прекраснѣйшимъ роздыхомъ; добрый ужинъ оправдалъ хорошій аппетитъ нашъ, и мягкая постель сообщила покой корпусу; сладкій сонъ отъ разгоряченныхъ идей являлъ пріятнѣйшія мѣста. Калькштейнъ еще остался здѣсь. И такъ я одинъ, выѣхавъ поутру, переѣхалъ черезъ Прусскую границу въ Саксонію.

Белингъ. Первое Саксонское небольшое мѣстечко. Здѣсь уже другое нарѣчіе Нѣмецкое; жители говорятъ, какъ бы распѣвая и дурно выговариваютъ *е* какъ *о*. Пошли длинные кафтаны, трехъ-угольныя карикатурныя шляпки, косы, красные чулки, башмаки съ пряжками; но добрый и чистосердечный народъ. Съ какимъ дѣйствительнымъ удовольствіемъ здѣсь каждый радъ служить иностранцу!

30-е Дессау. Славный и довольно большой городъ. Столица княжества Ангальтъ-Дессаускаго; весьма хорошій замокъ и чрезвычайный садъ, простирающійся на цѣлую милю. Городъ лежитъ за р. Эльбой, которую, ѣхавши изъ Цербста, проѣзжаютъ по большому покрытому деревянному мосту; широкая аллея, обсаженная большими тополями, ведетъ къ самому городу, на ¼ мили отстоящему отъ рѣки. Здѣсь нашелъ я гауптквартиру графа Виттенштейна. Узнавши, что полкъ расположенъ въ трехъ миляхъ отсюда, я рѣшился тотчасъ туда ѣхать, что̀ сдѣлалъ весьма дурно; ибо, первое, не далъ себѣ времени хорошенько разсмотрѣть столь любопытное мѣсто какъ Дессау, да во-вторыхъ нечаянный случай все таки не позволилъ мнѣ сего дня прибыть.

Отъѣхавши съ милю отъ Дессау, встрѣчается мнѣ фура съ солдатами; гонятъ лошадей какъ можно скорѣе назадъ. Наконецъ, увидѣвъ офицера, я его останавливаю и получаю отъ него весьма лаконическій отвѣтъ, что тамъ впереди въ мѣстечкѣ Французы; и это былъ транспортъ съ провіантомъ того же самого полка, т. е. Калужскаго, который уже доѣхалъ было до мѣстечка, какъ узналъ сію новость. Справедливо ли или нѣтъ, не знаю; быть

можетъ, что сіе произошло и отъ того, что никто изъ конвойныхъ не зналъ Нѣмецкаго языка, а потому можетъ быть, что-нибудь подобное сему услышанное ими отъ какого нибудь жителя и заставило сдѣлать ихъ таковой торопливый контръ-маршъ. Но разсуждать объ этомъ мнѣ не было времени; сдѣлать визитъ Французамъ побоялся, потому и рѣшился лучше воротиться и самъ пріѣзжаю въ первую деревню отъ Дессау; здѣсь располагаю себя подъ прикрытіемъ одного баталіона Пермскаго полка, который былъ тутъ расположенъ, и благополучно провелъ ночь въ каретѣ.

Прекрасная деревня выстроена вся двухъэтажными хорошими каменными домами съ садами, въ коихъ бесѣдки, гроты, все весьма со вкусомъ, и это деревня—сто домовъ крестьянъ! О счастливая страна, никогда тебя я не забуду.

Большого труда мнѣ стоило здѣсь достать лошадей; наконецъ кое-какъ получивши, я выѣхалъ на Варлицъ. По маленькой боковой дорогѣ до самого города ѣхалъ все садами; ибо вездѣ являлись мнѣ все фруктовыя деревья; кедровыхъ и каштановыхъ деревьевъ здѣсь множество.

Варлицъ. Маленькій городъ, но выстроенъ все хорошими домами; каждый домъ оплетенъ растущимъ около него виноградомъ. Садъ здѣшній почитается однимъ изъ первѣйшихъ во всей Европѣ, онъ простирается до самого Дессау. Здѣсь все, что̀ природа и искусство могли произвесть, дорожки и аллеи всѣ такъ гладки какъ полъ; деревья обстрижены различными видами; гроты, бесѣдки различныхъ видовъ и родовъ не суть великолѣпнѣйшіе, но съ чрезвычайнымъ вкусомъ; нѣтъ великихъ каскадовъ, но малые и расположенные всѣ у мѣста; горки, которыя природа сама украсила прекраснѣйшими цвѣтами, являютъ видъ искусно сдѣланной вкругъ винтомъ лѣстницы. Отъ одного прекраснѣйшаго влекомъ я былъ къ другому. Идучи въ городъ, всходишь на гору, на верху коей стѣна съ воротами, и къ сей стѣнѣ пристроенъ трактиръ, гдѣ я остановился. Большой выдавшійся полуциркулемъ балконъ, огражденный стеклами, даетъ видъ въ садъ на всѣ дорожки; и здѣсь наслаждался я добрымъ обѣдомъ, хорошимъ виномъ и прекраснѣйшимъ видомъ. Жаль только, что мораль сихъ добрыхъ жителей не имѣетъ физическихъ удовольствій ихъ: по прекраснѣйшимъ мѣстамъ они ходятъ, потупя головы, колеблясь безпрестанно между страхомъ и надеждой. Сколь жаль, что здѣсь, въ царствѣ Цереры, Марсъ воздвигнулъ тронъ свой; въ мѣстахъ сихъ храмъ Януса навѣки съ затворомъ долженъ быть, и здѣсь люди должны бы питаться медомъ и млекомъ, а не кровью и скорбями. Пусть царство

его простиралось бы тамъ, гдѣ народъ пріобыкъ къ вѣчнымъ раздорамъ и несогласіямъ, гдѣ народъ могъ питать ехидну революціи, могъ рукоплескать варварскому звѣрству, забывъ долгъ вѣры къ Богу, долгъ къ присягѣ царю, наругался надъ храмами, попралъ законну власть, предалъ коронованную главу монарха своего въ руки палачу. Тамъ кровь невинныхъ жертвъ могла бы питать кровожаждущую Беллону; не здѣсь, гдѣ народъ не питаетъ совсѣмъ даже хитрости, непремѣнно нужной для дѣйствій военныхъ, гдѣ всѣ просты и умѣютъ только наслаждаться сами и сообщать другимъ сладкія удовольствія дарами природы!

Кембергъ. Здѣсь прибылъ я на театръ Марсовъ. Отрядъ генералъ-маіора Казачковскаго, состоящій изъ Калужскаго и Сѣвскаго полковъ, пѣхотныхъ, своднаго гренадерскаго батальона 5-й дивизіи, 6 орудій артилеріи, 2-хъ эскадроновъ Гродненскихъ гусаръ и нѣсколькихъ козаковъ, былъ на маршѣ противъ крѣпости Витемберга. Я засталъ ихъ здѣсь на отдыхѣ: ружья стояли въ козлахъ, и ранцы лежали въ рядахъ, орудія стояли на площади, лошадей кормили, люди отдыхали. Я явился къ новому своему начальнику. Вскорѣ ударили подъемъ, колонна тронулась, кавалерія въ авангардѣ, артилерія слѣдовала за ней; подошли въ видъ крѣпости, впереди разставили пикеты; часа съ два продолжалась ружейная стрѣльба. Сѣвскій полкъ сталъ въ позицію, а Калужскій расположился по квартирамъ.

Дер. Ейчъ. Въ одной мили отъ крѣпости расположились по квартирамъ чрезвычайно тѣсно, такъ какъ на роту было не больше какъ по одной квартирѣ, для всѣхъ же офицеровъ одна только квартира. Только полковой командиръ имѣлъ особую. Всѣ мѣры для осторожности отъ нечаяннаго нападенія были приняты на высотахъ вокругъ деревни по выѣздамъ и въ самой деревнѣ расположены пикеты; строжайше приказано ночью людямъ не раздѣваться и по первой палкѣ барабана быть подъ ружьемъ.

Здѣсь на квартирѣ удалось мнѣ видѣть настоящій Содомъ и Гоморъ. Слишкомъ двадцать человѣкъ офицеровъ на одной квартирѣ въ двухъ комнатахъ. Крикъ, шумъ, кто поетъ, кто ругается, кто кричитъ, кто выходитъ, кто приходитъ, и все сіе стекается къ одной хозяйкѣ. Всѣхъ она одна должна удовольствовать; бѣдная мечется во всѣ углы, всѣ ее бранятъ, ни отъ кого не слышитъ благодарности за добровольное пожертвованіе всего своего имущества. Здѣшніе только жители могли перенесть сіе; другой бы бѣжалъ, оставивъ все.

Апрѣль. О сколько долженъ былъ я терпѣть въ кругу, въ которомъ находился! Ни дня, ни ночи здѣсь покою не имѣю; маленькія двѣ комнаты здѣсь должны были помѣстить то, на что врядъ ли достала бы и сцена самаго большого театра, ибо въ одно и тоже время представлять трагедію, комедію, оперу и балетъ и все дебютировать съ толикими геніями какъ здѣсь. Ни одинъ изъ актеровъ не въ состояніи выдержать такихъ монологовъ: не найдешь ни мѣста, ни сцены, чтобы дать всему свободный ходъ.

Едва лишь утро начинаетъ прогонять мракъ ночи, какъ сцена уже начинается первымъ дѣйствіемъ: бѣдная хозяйка, не спавшая цѣлую ночь, тащитъ на столъ два кувшина кофію и двѣ бутылки водки. Едва лишь продрали глаза герои наши, какъ слово *шнапсъ* раздается громкимъ крикомъ; встаютъ, и вотъ начало кутерьмы: тутъ иной, не мывшись нѣсколько дней, Арей безъ штановъ и сапоговъ, летитъ къ столу и водкой перегорѣлую уже отъ пьянства глотку вновь наполняетъ; другой, нѣжнаго воспитанія представляя изъ себя, спѣшитъ къ кувшинамъ кофія не опоздать; самъ дома по праздникамъ лишь сбитень пилъ, а здѣсь бранитъ хозяйку нещадно, что кофій дуренъ. Наконецъ все пробудилось, встало, и поднялся дымъ коромысломъ; тутъ каждый на свой обычай колобродитъ. Благодарю Провидѣніе, что позволило мнѣ еще имѣть мѣсто, куда приходилъ набирать свѣжаго воздуха; безъ этого, кажется, гнилая бы горячка постигла меня въ сей юдоли.

Полковой командиръ сего полка, Иванъ Алексѣевичъ Силинъ, человѣкъ слишкомъ добрый, хочетъ добрымъ словомъ исправить сихъ безпутниковъ, которыхъ бичъ только въ состояніи вывести на прямую дорогу. Они предаются постыднѣйшему, самому подлому пороку; ни на одномъ нѣтъ приличной одежды, всѣ растрепаны, въ заплатахъ, безъ сапогъ даже. Вотъ каково общество офицеровъ, каковы благородные сыны отечества! Кто скажетъ, чтобы это были слуги отечества, а не Бахуса? Какъ сожалѣлъ я, что не рожденъ быть стихотворцемъ: здѣсь бы представилось множество оригиналовъ и славному Мольеру для комедій, и Буало для сатиръ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1814 годъ [1]).

Москва, 9-го Генваря 1814.

Увѣреніе въ дружбѣ вещь лишняя, глупая; желаній не дѣлаю на этотъ годъ, ибо со дня моего рожденія привыкъ тебя любить наровнѣ съ собою, а можетъ и болѣе. Да будетъ благодать Божья съ тобою, любезный братъ! Утѣшай насъ письмами твоими. Яко Русскаго, поздравляю тебя съ истекшимъ годомъ; да будетъ нынѣшній еще славнѣе прошлаго! Государь затмилъ славу всѣхъ государей. Нѣкоторые изъ нихъ прославились великодушною защитою союзниковъ своихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ; но Государю, видно, опредѣлено Небомъ спасти самихъ даже непріятелей своихъ, зажигателей Москвы, злодѣевъ всего міра. Quel rôle! Voilà ce que je dis à Zakrefsky et vous répète. Il est beau d'être Russe! Графъ[2]) славную шутку подпустилъ вчера. Онъ говоритъ: бывало, чихнетъ кто нибудь отъ Гишпанскаго табаку, такъ поклонюсь; а теперь какъ чихнетъ кто отъ Русскаго, такъ надобно въ ноги поклониться. Я получилъ письма твои № 40 изъ Карлсруэ, № 41 и № 42 изъ Фрейбурга. Приложенныя доставилъ, то-есть отдалъ Марицѣ[3]), которую мучилъ вчера, но не могъ увѣрить, что горы такъ высоки въ Швейцаріи, что нельзя курьерамъ проѣзжать и что une fois en Suisse, point de lettres de Constantin. Nous lui avons beaucoup parlé avec Natalie sur la nécessité de prendre patience. Elle est très raisonable là-dessus, mais quelque fois, sans le vouloir, on la démonte en lui disant qu'il serait tems que vous reveniez etc. N'écoutez personne, mon cher, pas même Maritza, et croyez à votre meilleur ami. Restez où vous êtes aussi longtems que l'Empereur y sera. Travaillez: ce que vous faites pour vous, vous le faites aussi pour votre future femme, pous vos enfants. Je vous déclare que si vous revenez, je ne veux pas vous voir. C'est si vrai que je le dis à toute la famille de Varlam

---

[1]) См. выше, стр. 208.

[2]) Т. е. графъ Ростопчинъ. П. Б.

[3]) Т. е. невѣстѣ К. Я. Булгакова, Маріѣ Константиновнѣ Варламъ.

et a Maritza elle-même. Ils n'ont rien à objecter à un frère qui vous aime par-dessus tout. Maritza est si jeune qu'elle peut attendre; elle ne pourra qu'acquérir en attendant, et puis les affaires du vieillard s'arrangeront, c'est à dire qu'il vendra au moins pour l'équivalent des 200/m. p. qui vous reviennent. Je leur parle de cela souvent, et le papa a écrit en Valachie que cela se fasse. Il est très bon, mais il faut que quelqu'un monte toujours sur lui et le force à faire même ce qu'il désire lui-même.

Que de souvenirs, je m'imagine, en écoutant les Deux Journées à Carlsruhe! Je juge par moi-même. On a donné cet opéra l'autre Dimanche (car je vous pris de croire que nous avons déjà un théâtre et charmant, celui de Pozniakoff, ce brave homme entretient tout de sa poche et de l'argent qu'on rassemble et pour les pauvres et les invalides de Leipsik, всѣ крѣпостные его и славно играютъ и поютъ). Eh bien donc, je n'ai pas retenu mes larmes à l'air de Mikhelli; j'ai pensé à Vienne, à vous surtout, et j'ai dit avec le brave Mikhelli, en pensant à mon Constantin: Himmel, schütze seine Schritte!!

Les carricatures sont drôles. Quatre Anglais (il en pleut depuis quelque tems), venus pour voir Moscou brûlée, se sont pâmés de rire. Эти чудаки были въ маскарадѣ вчера, toujours chez le même g-l major Позняковъ et toujours en faveur des invalides (деритесь болѣе, смѣлѣе!). Вообрази, что они въ башмакахъ, въ вице-мундирѣ изъ Собранія*), которое также возстановлено, сѣли въ кибитку и поскакали въ Петербургъ, потому что уже все было уложено камердинеромъ. Oh, disaient-ils, nous coucherons à Twer, et là nous mettrons nos habits de voyage. Эки чудаки! Лазили на Ивана Великаго. Cela leur a plu plus que tout.

Votre lettre à Milachewicz lui a été envoyée hier; il m'a écrit dernièrement pour me prier de lui trouver pour sa fille une gouvernante française. (Каковъ!) Je n'ai pu dans ma réponse ne pas lui témoigner mon étonnement (indignation serait le mot propre). Dieu, Seigneur, quand chasseras Tu de la Russie ces serpens! Leur haine est d'autant plus terrible qu'elle couve. Avec toute notre gloire notre intérieur pourrira, si on ne chasse tous ces gueux.

Je vous embrasse de toute ma tendresse, aussi tendrement que j'ai embrassé Maritza, quand elle m'a donné la nouvelle de votre nouvelle croix de Bavière. Cela me rend heureux, heureux au possible! Le roi

*) Т. е. изъ Благороднаго Собранія, съ Большой Дмитровки.

de Bavière est un grand prince; je dis cela comme madame Sevigné le disait de Louis XIV après que ce roi magnifique venait de danser avec elle. Que voulez vous? Le monde est comme cela, égoïste, vaniteux pour les autres, quand il ne l'est pas pour lui-même; or, je vous avoue (pour parler comme Loghinoff) que vous êtes mon idole.

*

Москва, 15-го Генваря 1814.

J'ai parlé au comte au sujet de la place en question pour vous *). Il serait enchanté de vous y voir; car, quoique vous connaissant peu, je vous assure qu'il vous aime beaucoup. Il y a eu tant de refus essuyé, qu'à présent sa recommandation ne ferait rien. Le comte parut étonné que vous consentiez à quitter votre poste actuel; car il prétend qu'il vous menera loin. Je dis que ce n'était qu'une подготовочка pour la paix. До этого не такъ близко, a-t-il répondu. «Vous sentez que si je quittais mon poste actuel avant la paix, une présentation de ma part d'un homme hors de service n'aurait pas le même poids. Au reste, si je devais me retirer, vous le saurez, et alors nous prendrons nos mesures et nous pourrons faire la chose de manière que vous soyez l'aide du directeur; car celui qui l'est maintenant s'en irait sûrement, si on donnait à un autre la place qu'il brigue lui-même avidement. Vous voudriez mieux, peut-être, servir avec votre frère; car moi je veux que l'Empereur vous prenne auprès de lui, et j'arrengerai cela quand je verrai S. M. moi-même. Je lui demanderai alors la clef aussi, car par correspondance je ne crois pas que cela se fasse. Je n'ai pas insisté sur cela, mais j'aurai à coeur la place pour vous. Ni vous, ni moi nous ne perdrons pas cela de vue et n'en parlons à qui que ce soit». Благодарю тебя, что думаешь о выгодахъ моихъ.

Вчера былъ я съ Наташею у Саковниныхъ, какъ вдругъ ординарецъ отъ графа. (Спасибо этимъ добрымъ скакунамъ; гдѣ бы я ни былъ, вездѣ меня отыщутъ, когда дѣло идетъ обрадовать меня письмомъ отъ тебя). La vue de gros paquet m'a extrêmement réjoui. Тотчасъ поскакалъ къ Марицѣ, тамъ снятъ конвертъ и найденъ № 43 отъ 19—31 Декабря; тамъ обрадована была милая моя сестричка. Nous avons été tous au bal masqué publique. Maritza tenait toujours d'une main son mouchoir et de l'autre votre lettre. J'ai eu beau lui dire qu'elle l'a perdrait. Ba! disait-elle, voyez donc comme je la tiens fort. C'est une bien bonne enfant, mais son extrême sensibilité lui donne souvent des

*) Мѣсто почтдиректора въ Москвѣ, которое К. Я. Булгаковъ и получилъ и которое черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ занялъ Александръ Яковлевичъ.

chagrins imaginaires, il suffit que je ne l'embrasse pas, ne la regarde pas de la même manière: elle croit que je l'ai cessé d'aimer, elle est triste! Et peut-on toujours être disposé de la même manière?

Ну, братъ, 1000 ф. стоитъ Баварскаго креста, ежели не лучше. Я обрадовался этому безъ ума. Нечего тебя учить беречь деньги. Умно сдѣлалъ, что отдалъ на сбереженіе Нессельроду. Point d'argent, point de tentations. La cousine a ouvert de grandes yeux. 1000!!! mais savez vous que c'est 12000? Oui, je le sais; mais aussi il travaille comme un chien.—Il me semblait que les yeux de Чижикъ se promenaient avec envie sur cet or.

Vous verrez sûrement le bon Longhinoff, qui accompagne S. M. [1]) Dites lui bien du choses amicales de ma part, je vous prie.

*

Москва, 22-го Генваря 1814.

Куда-то вы теперь забрались? Ежели будешь въ замкѣ какого либо маршала, пожалуй возьми какой нибудь портретъ, хоть стѣнной, Наполеона или другого Фафули, и мнѣ привези. Прибьемъ у себя, какъ souvenir. Ты будешь говорить, ты самъ его взялъ, вотъ тамъ-то во Франціи. Cela nous payera le portrait de grand-papa, que ces maudits Фафули ont brûlé dans la maison de ma tante.

*

Москва, 19-го Генваря 1814.

Посѣтилъ я сегодня пріятеля своего, издателя Русскаго Вѣстника Глинку, познакомился у него съ братьями его Ѳедоромъ и Григорьемъ Николаевичами, служащими при Милорадовичѣ и отправляющимися сегодня же къ вамъ. Нѣкоторые пакеты были у насъ приготовлены для куріера графа Михаила Богдановича [2]), коего отправляемъ къ вамъ обратно; но я счелъ лучше все отдать г-мъ Глинкамъ для врученія тебѣ, любезный братъ, а для того куріера приготовимъ новую экспедицію. Je vous recommande beaucoup ces messieurs. C'est une race d'honnêtes gens que tous ces Glinca et patriotes enragés. Aimez les et faites leur du bien, si vous le pouvez. Братъ ихъ посылаетъ тебѣ третью книжку своего Вѣстника. Она вся посвящена памяти нашего отца. Vous lirez cela avec attendrissement. Je vous avais envoyé un exemplaire par Golembofsky, mais Dieu sait ce qu'il est devenu. Cela commence à m'inquiéter. Son apparition vous eût fait tant de plaisir par tout ce qu'il vous apportait de nous. Cela me fâche beaucoup. Всѣ

[1]) Н. М. Лонгиновъ—секретарь императрицы Елисаветы Алексѣевны.

[2]) Т. е. для курьера, пріѣзжавшаго въ Москву отъ графа Барклая-де-Толли.

мы, слава Богу, здоровы и смотримъ на васъ выпуча глаза, ожидаемъ необычайныя происшествія; только Боже сохрани отъ мира съ Бонапартомъ.

Увы, не стало Каменскаго [1]). Почтенный этотъ старикъ умеръ какъ святой; послѣднее слово было, причастясь и благословивъ дѣтей: «Теперь я готовъ. Господи, прими душу мою». Тутъ и умеръ. Умеръ такъ какъ жилъ. Cette mort a affecté toute la ville.

Одна изъ посылокъ—для Григорія Александровича Корсакова, коего тебѣ очень рекомендуетъ мать его Марья Ивановна [2]).

*

Москва, 31-го Генваря 1814.

Не довольствуясь тѣмъ письмомъ, которое уже имѣютъ отъ меня къ тебѣ, любезнѣйшій братъ, братья почтеннаго издателя Русскаго Вѣстника, они хотятъ еще особенную рекомендацію. На что? Ты, право, ихъ полюбишь безъ того. Добрые, честные ребята. Храбры, изранены и обожаютъ свое отечество. Младшій Ѳедоръ Николаевичъ ведетъ очень любопытный журналъ всему происходящему съ арміею и съ нимъ самимъ; онъ адъютантомъ при Милорадовичѣ. Старшій *Григорій*, истинный солдатъ, имѣлъ много происшествій несчастныхъ, былъ солдатомъ и дослужился до настоящаго чина грудью, подъ Смоленскомъ сильно раненъ. Вчера было пиршество: прощальный ужинъ въ Русскомъ трактирѣ. Des toasts sans fin. Наконецъ «Ѳедоръ, взявъ рюмку и ставъ на стулъ (ибо малъ ростомъ), сказалъ: «Мы пьемъ за память Якоза Ивановича Булгакова; а такъ какъ онъ умомъ своимъ отразилъ войну съ Турками, и кровь Русская отъ того сберегласъ, то надобно пить краснымъ виномъ за Булгакова». Потомъ пили анаѳему Наполеону. On but à la gloire de la Russie et de la nation. On fit entrer un мужикъ de la rue auquel on baisa les bottes, les mains; et enfin, c'était un entousiasme patriotique que je ne puis vous décrire. Я съ Ѳедоромъ побратался, промѣнялся крестами Аннинскими.

*

Москва, 9-го Февраля 1814.

Je suis fâché qu'on ait transféré Vandamme à Wiatka. Je me fesais un cruel plaisir d'aller le voir souvent, pour lui annoncer les progrés de nos armes et les embarras de son cher maître. J'attends avec

---

[1]) Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго. Подъ его управленіемъ процвѣталъ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Урожденная Наумова, собиравшая въ теченіи многихъ лѣтъ лучшее Московское общество въ домѣ своемъ у Страстного монастыря (нынѣ Седьмая Гимназія).

une grande impatience la brochure de Svinyine. Bon Dieu! Svinyine auteur! Il a été à Messine dans ma chancellerie, et je me rappelle que je devais tout copier moi-même, car ce n'était que fautes et ratures quand on le fesait copier quelque chose. Tatistcheff lui disait souvent: ah, mon cher, je doute fort que vous ayez jamais le portefeuille de chancelier de Russie, au moins pas de mon vivant. Пришли же, братъ, его книжку; да забылъ ты книгу Стальши sur la litterature allemande.

Maritza m'a annoncé que vous avez reçu encore l'ordre de la Fidélité de Bade. Je l'ai bien tendrement embrassé pour cela. Elle dit que cet ordre est le plus joli de touts et que le duc devait être un charmant homme. On ne concevait rien à cela, mais quand je lui dit aha! c'est que Constantin a reçu l'ordre de vous être toujours fidèle, elle sauta d'une archine et devient plus rouge que Brigonzi qui se grillait sans pitié à côté de la cheminée. Je vous prie, monsieur, de me dire comment sont faits tous ces ordres, et puis n'oubliez pas un jour de vous affubler de tous ceux, que vous avez, de faire comme cela, faire portrait et de l'envoyer à la sposa promessa. Ces ordres seront de souvenirs fort doux pour toute votre vie. J'ai fait une grande bêtise, quand à Cagliari le roi de Sardaigne me fit demander par Lisakewitz ce qu'il pourrait faire d'agréable pour moi, de ne pas avoir demandé le S-t Lazarre et puis de n'avoir pas profité des offres de la reine de Naples, quand le marquis de Circello pour le traité de 1805 me proposa l'ordre de S-t Constantin. Je devais le faire pour le nom seul. Si par un hasard extraordinaire vous voyez la reine quelque part, peut-être, pourriez-vous arranger cela. Il se pourrait que je vous envoye une lettre pour s. m.; а королева вѣрно тотчасъ это сдѣлаетъ, особливо ежели бы дѣла ея взяли счастливый оборотъ.

Я увѣренъ былъ, что Руской Вѣстникъ тебѣ будетъ по сердцу. Je vous demande en retour quelque chose de Paris, par exemple quelque chose de portrait ou gravure pris dans le château du Thuilleries. J'espère que le pont d'Austerlitz sera à bas, qu'on le sciera en petits morceaux pour en faire des tabatières avec des inscriptions analogues. Je voudrais, mon cher, avoir les portraits de tous les maréchaux de France; j'en ornerai toute une chambre dans ma petite terre, en mettant audessus de chaqu'un de ces messieurs le général Russe qui l'a battu. Я надѣюсь, что ты накупишь много любопытныхъ книгъ, особенно до Рускихъ касающихся и которыхъ привозъ сюда былъ бы запрещенъ. N'oubliez de me rappeler au souvenir de Pozzo. Natalie vous charge de la même chose de sa part aussi.

Переславъ письмо Закревскаго къ его батюшкѣ, предложилъ я быть посредникомъ въ перепискѣ ихъ; вотъ письмо отъ старика которое прошу отдать Арсенію Андреевичу.

*

Москва, 20-го Февраля 1814.

Département de la Moskwa. Arrondissement Communal de Kouznetzky Most. Oura! Vivat! mon cher ami. Je ne puis vous exprimer la joye que j'ai éprouvé en lisant votre lettre de Bar-sur-Aube du 21 Janvier, qui nous annonce la déconfiture du petit mauvais sujet à Brienne; c'est donc la, où il a reçu sa première leçon qu'on lui a donné aussi la dernière. Elle a éte bonne. Спѣси поубавили. J'ai su la nouvelle par vous quelques heures avant le comte même, qui reçut bientôt après une estafette de Pétersbourg. Je regarde, je lis, je montre votre lettre à timbre français, comme un abbé aux Studj à Naples montre le broullon original de la Jérusalem Délivré de Tasse. Cette pièce précieuse jouira un grand rôle dans mes papiers; c'est la Francia liberata que vous nous annoncez.

Je vous remercie beaucoup pour les brochures; il y a une Kurze und wahrhafte Erzählung von Napoleon's Auschlägen etc. qui est très intéressante; on y parle de Moscou et beaucoup de comte. Il est doux de voir comme on lui rend justice même dans l'étranger; il est sûr que sans cèt homme il y aurait une révolte à Moscou; il jouira un grand rôle dans l'histoire. Je vous conjure au nom du ciel de m'envoyer de Paris aussi toute sorte de brochures, imprimées, anecdotes. Чтеніе этихъ бездѣлицъ, пища моя, и у меня преславная коллекція переплетена въ пяти большихъ томахъ. Comment avez vous pu croire que je ne reçois pas le Conservateur [1]): c'est un journal si intéressant et si bien écrit.

*

Москва, 26 Февраля 1814.

Вчера сидѣлъ съ Марицею, которая по старой привычкѣ горевала, что нѣтъ писемъ отъ тебя; спрашиваетъ: quand arrive la poste? Demain! Вмѣсто того пошелъ я къ графу, чтобы у него дождаться ея прибытія. Сидимъ, болтаемъ, вдругъ дежурный офицеръ несетъ кучу писемъ: Петербургская почта, забилось сердце и не понапрасну. Калининъ [2]) посылаетъ графу два пакета отъ тебя и оба, comme de raison, для меня отъ любезнаго брата. Ну ужъ обрадовалъ ты меня! Vos let-

---

[1]) Этотъ Conservateur Imparlial издавался въ Петербургѣ аббатомъ Мангепомъ, который воспиталъ С. С. Уварова, тогдашняго попечителя Петербургскаго учебнаго округа.

[2]) Петербургскій почтдиректоръ, начавшій свою службу въ почтовомъ вѣдомствѣ, когда оно, при Павлѣ, находилось подъ начальствомъ графа Ростопчина.

tres sont du 26 Janvier du Bar-sur-Seine et du 28 de Troyes. Le comte a ri de votre rapprochement de la nouvelle Troyes avec l'ancienne et des réflexions que cela vous a suggéré! Comme j'ai fait l'expérience qu'on a beau donner à Marie deux - trois lettres de vous à la fois ou une, il faut que quelques jours après une nouvelle lettre se présente sans quoi elle est triste; je lui ai donc remis votre lettre de Bar et dans deux ou trois jours je lui remettrai celle de Troyes. Le prince Troyen Metaxa a donné sa haute approbation à cette mesure. Nous sommes étonné de l'indifférence avec laquelle il a appris la prise de sa capitale. C'est une plaisanterie de Popoff que l'Exhohotate n'a pas goûté *). Самъ ты Еней, lui dit-il; у насъ въ Санкарлѣ въ Неаполѣ представлялъ Енея безм... Велути; я же не Троянинъ, а Грекъ и скорѣе Ахилесъ, Улисъ нежели Еней. Vous pouvez vous imaginer l'embarras de Popoff, qui n'est ni grand géographe, ni célèbre historien. Il ne savait comment se tirer d'affaire, lorsque, d'après la louable habitude que vous lui connaissez, il se mit à éternuer, à nous faire sauter la cervelle. Cette scène nous a beaucoup amusé. Quand les deux champions se rencontrent, c'est à qui dira plus tôt: что братъ Еней! Troye est le sujet inépuisable de nos conversations maintenant. Il y a assaut d'esprit; le siège est dirigé par le Magno-Greco Metaxa. Popoff est le souffre-douleur comme de raison; cependant aujourd'hui il a eu le bon esprit de faire paraître la reine de Cartage sur la scene et dit en persifflant: да вы смѣйтесь, а Дидона-то моя. Autre écueil: Metaxa lui prouve que les deux individus ne peuvent être ni amant, ni ennemi, car ils ne sont pas contemporains dans l'histoire. Хорошо, пой себѣ тамъ что хочешь. *Контампораны.* Мало видалъ я балетовъ и оперъ, гдѣ Дидона съ Енеемъ, ну да Виргиліева-та Енеида на изнанку! Развѣ ты, ученой человѣкъ, не читалъ?

Il y a des gueux qui se plaisent à répandre de nouvelles allarmantes: tantôt c'est Blucher qui est tué, tantôt on est repoussé de Paris. Les gens sensés se moquent de cela, mais les trembleurs craignent. Le comte redouble de vigilance. On pris hier une Фафуля, qui a dit qu'on n'a invité les Bourbons à Paris que pour les guillotiner tous le même jour et mettre fin à leur prétentions etc. C'est une dame de haut parage, elle entretenait une pension de demoiselles (jolie éducation!). Le compte l'a fait venir chez lui, lui a dit qu'il fallait être folle pour tenir de propos pareils, il ordonna en conséquence à Ивашкинъ de lui faire raser la tête et de la mettre pour un mois dans la maison des fous. Jugez de l'étonnement et de la rage de cette Фафуля. Теперь

*) Не понимаемъ, почему это прозвище дано г-ну Метаксѣ.

хвостъ поджали всѣ эти шельмы. Vous pouvez communiquer cette anecdote à l'ami des Фафули Michaud. То-то обрадуется освобожденію Піемонта, а я безъ ума радъ за добраго короля, котораго видѣлъ въ Кальяри возвращаясь изъ Сицилiи. Два раза у него былъ. Какъ онъ меня обласкалъ! L'adversité et les malheurs qui on suivi partout tous ces rois fera d'eux des véritables pères de leurs peuples. J'attends avec une vive impatience la lettre de l'excellent Pozzo. Elle sera probablement datée de Paris [1]). Que n'aurais-je pas donné pour jaser avec lui une petite heure. Beaucoup de choses qu'il m'avait prédites en 1808 sont arrivés et arrivent. On dit ici que la femme du grand boucher de chaire humaine est allé à Orleans faire la Jeanne d'Arc. A propos, en écrivant l'autre jour au comte Czernicheff [2]) j'ai fait le mauvais calembourg que voici: Napoleon est *1*, grand scélérat, il n'y en a pas *2* dans le monde, et quoiqu'il se soit mis en *4* pour faire de Moscou *3*, cette ville est cependant à *9*; les efforts du petit Corse seront fait en *20*, et il finira par être *0*. Si vous en trouvez une occasion, dites cela avec mes respects au généralissime de calembouristes Ал. Львовичъ Нарышкинъ.

*

Москва, 23-го Марта 1814.

Papa a loué à Petrofsky une très jolie maison de campagne pour 7 mois; il ne paye que 2000. Il y a de quoi nous loger tous, et le comte sera tout près, ce qui m'arrange beaucoup. Le comte est parfaitement disposé à vous voir dans le poste occuppé. Il voudrait être sûr que sa demande sera agrée, et alors il vous demanderait. Entre nous soit dit, il croit que ce misérable K [3]). a parti qui le ferait revenir sur l'eau aussitôt seulement que le comte pourrait quitter son poste actuel. Il se fonde à le croire, par ce qu'on a toujours éludé de nommer un successeur à K., quoique le maréchal Soltykoff ait vivement sollicité pour le ad-interim qui est à presént là-bas et dont on n'est guères content. Il y a un grand désordre dans toute cette partie, et le comte le voit de très mauvais oeil, car il est fils d'un martiniste enragé et martiniste lui-même; or, le comte abhorre tout ce qui est secte et mystérieux, il ne fait aucune différence des illuminés, jacobins et martinistes; or, comme cette légion est très nombreuse et que le comte l'attaque de front, vous pouvez vous imaginer tout ce qu'il a d'ennemis.

---

[1]) Въ „Р. Архивѣ“ напечатано письмо знаменитаго Поццо-ди-Борго къ А. Я. Булгакову изъ Парижа 1814 года.

[2]) Графу Григорію Ивановичу, отцу декабриста.

[3]) Т. е. сосланный графомъ Ростопчинымъ въ Воронежъ Московскій почтдиректоръ Ключаревъ. Исполнять его должность поручили (ad-interim) Руничу.

Посылаю тебѣ карикатурки на Наполеона, изъ коихъ двѣ особенно мнѣ полюбились. Покажи ихъ Закревскому. Ma collection augmente, j'en ai plus de 130. J'ai fait la connaissance du prince Jean Bariatinsky [1]), qui est charmant, lui et sa femme; elle accouche dans ce mois. Je dîne très souvent chez eux, la table est exquise. Il vient de me prêter deux № de l'Ambigu que je lis avec une avidité et un plaisir digne d'un ci-devant diplomate.

*

Москва, 29-го Марта 1814.

Христосъ воскресе! Прошлый праздникъ были мы вмѣстѣ, любезный братъ, теперь должно довольствоваться письмами. Какъ быть? Не много, кажется, остается намъ потерпѣть. Дѣла идутъ быстро, происшествія столь скоропостижны и неожиданны, что нельзя, ручаться чтобы разлука наша не прекратилась и даже очень скоро. Убѣжденный самъ этою сладостною мыслію, я и Марицу утѣшаю.

Благодарю за № 56 и за брошюрки, кои покуривая трубку читаю съ восхищеніемъ. Le portrait d'un grand homme est d'une bizarre imagination. On va la imprimer ici sur un exemplaire envoyé de Berlin, mais qui n'est pas aussi bien fait que le vôtre. Il y a un grand brouhaha en ville au sujet de deux grandes victoires remportées par Blûcher le 28 Février et 1 Mars. Cette nouvelle est venue par estafette de Stutgard à Pétersbourg. De vous nous ne la saurons que plus tard. J'ai fait une farce hier avec Yanko [2]). Je lui ai remis une lettre soi-disante de vous, cachetée, où vous lui dites qu'à Pâques vous demanderez à l'Empereur de faire Yanko votre aide-de-camp, que vous le chargez de compliments pour toute la famille, mais qu'étant très occuppé vous n'écrivez qu'à lui seul etc. Il fallait voir sa joye! D'abord il ne voulait pas décacheter la lettre pour ne pas gâter le cachet, et puis dit-il, quand Bulhakow reviendra de l'armée, alors il me lira la lettre lui-meme. A force de prière de la mère, il décacheta la lettre. Marie fit la triste que vous ne lui écrivez pas, et Yanko de la consoler en disant: quand il vous écrivait à vous et à moi pas, je ne disais rien; eh bien, à présent prenez patience aussi; d'ailleurs B. me charge de vous faire ses compliments. Mais c'est Костаки qu'il regarde surtout avec un dédain et une fierté très prononcée. Yanko a demandé à aller aux качели et quand on lui a demandé pourquoi, il a dit que c'était pour montrer à tout le monde votre lettre.

*

---

[1]) Князь Иванъ Ивановичъ, отецъ фельдмаршала нашихъ дней.

[2]) Янко, Костаки и др.—домочадцы бояра Варлама.

Москва, 6-го Апрѣля 1814.

Вчера шатался по качелямъ пѣшкомъ. Время прекрасное стоитъ во всю Святую недѣлю. Со мною былъ Иванъ Савельичъ въ шитомъ кафтанѣ съ разными шутовскими украшеніями; я заставилъ его дурачиться и плясать на балконѣ съ паяцомъ. Vous savez comme il est connu dans toute la ville; vous pouvez donc vous imaginer, combien cela a amusé tout le monde. Волковъ былъ верхомъ и надсѣлся смѣявшись.

О Веллингтоновой побѣдѣ никто здѣсь не зналъ. On parle beaucoup de la mort de jeune comte Strogonoff. A Pétersbourg on ne sait comment annoncer ce malheur à la comtesse*), qui est déjà très malade pour avoir appris tout d'un coup la mort de l'architecte Воронихинъ. Cette mort prématurée (quoique d'après la saine logique il n'y ait pas de mort prématurée à l'armée) a réveillé l'inquiétude de toutes les mères d'autant plus qu'on parle de beaucoup de généraux blessés. On nomme notre bon Worontzow. Vous savez comme on exagére volontiers toutes les nouvelles, il y a des figures allongées. Au lieu de perdre mon temps à les consoler, je les assure que les Français, comme nous aussi, avaient des canons et des fusils et qu'ils ne tiraient pas sur nous avec des pommes cuites, mais avec des boulets et des balles. On dit pour la quatrième fois, que nous avons occuppé Paris et quoique nous ne soyons pas à Londres, il y a des paris sans fin pour telle ou telle date. Les carricatures que vous m'envoyez sont fort drôles. Ici il en paraît aussi continuellement.

Chez le prince Bariatinsky il vient un fier original, c'est Tonci, que vous connaissez, je crois. C'est un homme fou des systèmes, il en défend un qui doit prouver qu'il n'y a rien dans ce monde. Le comte lui frit l'autre jour l'épitaphe suivante:

Ci gît un fou, homme de génie,
Qui passa toute sa vie
A prouver fort bien
Que tout n'est rien.

Ужъ коли пустился на стихи, такъ вотъ тебѣ еще весьма удачные, кои будутъ помѣщены въ щиту на концертѣ послѣ завтра.

Гдѣ Александровъ мечъ сверкнулъ,
Воскресъ народъ, спаслась держава;

*) Это была бабка убитаго подъ Краономъ молодаго графа Александра Павловича Строганова, графиня Екатерина Петровна, урожд. княжна Трубецкая. См. о ней въ Воспоминаніяхъ К. К. Павловой въ „Р. Архивѣ“ 1875, III, 222.

Ступилъ, и славы лучъ блеснулъ.
Вездѣ съ нимъ вѣкъ пребудетъ слава.

*

Москва, 12-го Апрѣля 1814.

Мы полагаемъ, что разбитіе Мармонта и Макдональдовыхъ викурсовъ откроетъ арміи путь въ Парижъ и что тамъ злодѣй объявится отрѣшеннымъ отъ престола, а всякій ему преданный бунтовщикомъ и разбойникомъ. Такая мѣра заставила бы всѣхъ бросить его, особливо когда будетъ провозглашенъ его преемникъ, а безъ этого не вижу и въ занятіи Парижа ничего завиднаго. Наши на этой недѣлѣ хотятъ переѣхать на дачу, которую наняли въ двухъ верстахъ отъ Тверской заставы, куда и я думаю переѣхать, ежели Наташа рѣшится скоро ѣхать въ подмосковную, куда буду ѣздить только урывками, покуда графъ не поѣдетъ къ водамъ; тогда и я пущусь въ подмосковную.

*

Москва, 16-го Апрѣля 1814.

Ура! ура! Еще офиціальнаго отъ васъ нѣтъ ничего о взятіи Парижа; но эстафета, прибывшая въ Петербургъ изъ Кенигсберга, извѣстила о вступленіи Государя и Прусскаго короля 19/31 Марта въ сію столицу злочестія. Графа извѣстилъ о семъ Вязмитиновъ куріеромъ. Москва въ восхищеніи. Во Вторникъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища, которое никогда не забуду. Купцы, мужики всѣ сбѣжались въ домъ графской, пробились до его кабинета, требуя его видѣть. Будучи нездоровъ, онъ не одѣвался; но какая болѣзнь можетъ противустоять такой радости? Графъ надѣлъ сюртукъ мундирный, вышелъ въ залу, поздравлялъ, цѣловался со всѣми, велѣлъ подать вина, пилъ со всѣми, здоровье Государя и арміи нашей и Прусской. Крики ура! и да здравствуетъ отецъ нашъ, Государь Императоръ, произнесенные тремя стами, можетъ быть, человѣками, бывшими въ залѣ, такое представляли зрѣлище, что, право, нельзя было не плакать. Одни выходили, другіе входили на смѣну, дворъ и улица были наполнены людьми. Сіи изъявленія радости продолжались часа два, всѣ цѣловались какъ въ свѣтлое Христово Воскресенье. Графъ очень былъ тронутъ. Что̀ всего лучше, ребята, говорилъ онъ, что все обошлось тихо въ Парижѣ, безъ капли крови, никого изъ жителей не обидѣли.—«Что̀ говорить, возразилъ купецъ одинъ: вѣдь мы, батюшка, в. с., христіане; они вошли (Фафули) только сюда какъ варвары!» А эти шельмы Французы разъѣзжаютъ уже и здѣсь съ бѣлыми кокардами. Экіе пострѣлы! Куда вѣтеръ, туда и они. Пожалуй, любезный братъ, обнявъ за меня и поздравя Закрев-

скаго, сообщи ему и молодому Ростопчину то, что̀ тебѣ пишу о радости Московскихъ жителей. Пришли мнѣ письмо отъ послѣдняго къ отцу его. Engagez le à écrire plus souvent. Dans l'instant le prince Bariatinsky m'annonçe que sa femme vient s'accoucher d'une fille. Vous pouvez le dire au comte Tolstoy [1]).

*

Москва, 20-го Апрѣля 1814.

Ты не можешь описать своего восторга отъ всего того, что̀ видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ, вступая въ Парижъ съ Государемъ; а я не могу тебѣ пересказать, съ какимъ восхищеніемъ читалъ я твои два письма № 59 и 60, оба изъ Парижа писанныя. Спасибо тебѣ сто разъ, любезнѣйшій братъ, что въ столь сладкія для души твоей минуты ты меня не забылъ и удѣляешь мнѣ твоего благополучія столь большую часть. Я переношу себя въ Парижъ, я тамъ съ тобою вижу толпу превозносящую до небесъ Избавителя вселенной, вижу народъ цѣлующій твою лошадь! Ну, братъ, велѣлъ Богъ дожить намъ до сихъ временъ почти баснословныхъ. Я со вчерашняго дня заперся дома и читаю, перечитываю, учу наизустъ твои письма и всѣ бумаги, которыя ты мнѣ доставилъ. Назвать ихъ любопытными, право, мало; не нахожу и выраженія, а умоляю тебя ради Бога продолжать присылку журналовъ Парижскихъ. Это можетъ и тебя избавить отъ лишняго писанія, а ты долженъ быть чрезмѣрно занятъ. Какъ ты счастливъ, любезный братъ, быть свидѣтелемъ, да даже и участникомъ во всемъ томъ, что̀ происходитъ. Quand je songe à la gloire de l'Empereur, il me semble que c'est trop pour un mortel; mais en songeant à tout ce que notre Empereur a fait pour l'Europe, pour l'univers, par sa fermeté, sa sagesse, son courage, je trouve que Dieu ne lui accorde que ce qu'il mérite. Ici on est comme fou, on s'embrasse dans les rues. Les jours de 23, 24 et 25 sont fixés pour célébrer ici la prise de Paris. Le comte fait les frais du premier jour, la noblesse du second et les marchands du troisième. Entre nous, on est triste ici, qu'un courrier n'a pas été envoyé directement à Moscou [2]). Wassilieff, le maître de police, qui a été envoyé de Pétersbourg avec la nouvelle, aura un cadeau de près de 15000; mais je vous assure, que si quelqu'un fut envoyé ici de Paris directement, la ville lui aurait donné 100000. Tâchez d'arriver avec la nouvelle de la déconfiture mortelle du Corse, qu'on vous envoye directement à Moscou. Вся Москва отличится. Nous avons fait un dîné très gay chez le jeune Wéliacheff. Basile Pouchkine a improvisé de vers

[1]) За графомъ Н. А. Толстымъ, обергофмаршаломъ Государя, была родная сестра князя П. И. Барятинскаго.

[2]) Отъ А. П. Ермолова слышали мы, что когда Государю подали бумагу о сдачѣ Парижа, первыя его слова были: „Ну что̀ теперь про меня скажетъ Москва?“ Но тогдашній представитель Москвы, графъ Ростопчинъ, былъ Александру Павловичу ненавистенъ.

П. Б.

charmants, je l'ai prié de les transcrire, il vient de me les envoyer, les voici telles que je les ai reçu de lui. Je suis sûr que cela plaira à Paris*).

Pansez le jeune comte R. Son père est très fâché contre lui, et il a fallu beaucoup faire pour que le comte se fâche, lui, qui est si indulgent. J'écris au comte Serge. Пожалуй попроси Закревскаго его пожурить и доставь мнѣ отъ него письмо къ отцу. У меня была дня съ три лихорадка, но извѣстія ваши меня поставили опять молодцомъ. Il n'y a pas de maladie qui puisse tenir contre des nouvelles comme cela.

*

Москва, 27 Апрѣля 1814.

Графъ сдѣлалъ фортуну всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ посылалъ въ губерніи куріерами съ извѣстіемъ о взятіи Парижа. Тому, который посыланъ былъ въ Орелъ, подарено 3400 деньгами и три золотыя табакерки. Всѣ въ восторгѣ. Здѣсь три дня съ ряду праздновали. Славныя были иллюминаціи. Транспаранъ и иллюминація графскаго дома стоили 15000. Во многихъ мѣстахъ были пресмѣшныя картины. Извѣстный старикъ Дризенъ написалъ изъ Нѣмецкаго усердія Государя попирающаго Наполеона въ видѣ чорта, съ надписью: и съ чертомъ сладилъ! Но народу не понравилось видѣть чорта возлѣ Ангела нашего; мужикъ подошелъ и вырѣзалъ вонъ чорта Наполеошку, оставя только Государя. Avant-hier les marchands ont donné une superbe fête à la ville. Les dames firent une conspiration et toutes s'y rendirent en costume national. C'était charmant. Дамъ съ десять были только одѣты по-французки, отъ стыда уѣхали тотчасъ домой. Je n'ai pas engagé Marie à y aller; il est vrai que la maman ne se porte pas trop bien. Намедни Д. Н. Сенявинъ обѣдалъ у меня; я его ознакомилъ съ К. Д. и Марицею, которыхъ онъ очень полюбилъ. Jugez, que les généraux français, qui sont à Orel, ne croyent pas à la prise de Paris; ils ont dit au courrier du comte: Bah! les Russes prendront plustôt la lune avec les dents que Paris.

*

Москва, 30-го Апрѣля 1814.

Toute l'Europe enchaînée est conduite à Moscou en 1812, dix-huit mois après la Russie délivre tous ses ennemis du joug de l'ennemi commun, tous entrent à Paris, dédaignent toute vengeance, deviennent des libérateurs, tandis que le chef devient seul l'ennemi de tous et des siens surtout. Mais laissons là ce sujet inépuisable. Il ne règne plus le monstre, mais c'est peu. Sieyés disait de Louis XVI: la mort sans phrase! Que dire donc de ce maudit Corse? Mais laissons dans notre Empereur

*) Стихи не сохранились при письмѣ.

agir la Providence. Depuis trois ans il prouve qu'il fait ce qu'il y a de mieux à faire, il veut que Bonaparte vive; donc il faut qu'il vive et qu'il dévore sa rage impuissante dans l'île d'Elbe (où j'ai passé deux tristes semaines, cependant la situation du Porto-Ferrajo est très jolie). Moscou a célebré avec la plus grande ivresse pendant quatre jours la prise de Paris. Первый день было молебствіе въ соборѣ съ пальбою и колѣнопреклоненіемъ. Вотъ тебѣ и славная рѣчь говоренная Августиномъ. У графа былъ обѣдъ. Въ вечеру весь городъ (и въ слѣдующіе дни) былъ иллюминованъ, у графа горѣлъ щитъ съ изображеніемъ Парижа нами занимаемаго. Cela a coûté 15000; были разныя надписи какъ то: Слава держитъ вензель Государя и трубитъ *міру миръ*! и пр. На другой день балъ въ дворянскомъ собраніи, на третій купцы дали славный праздникъ; всѣ дамы были въ Русскихъ національныхъ платьяхъ, кромѣ того сыграли они 25 свадьбъ бѣдныхъ дѣвицъ, всякой дано 250 приданаго. На четвертой Позняковъ давалъ маскарадъ отборному дворянству и купечеству и пр. Васильеву, Петербургскому полицмейстеру, привезшему радостное извѣстіе, поднесли купцы 500, дворянство табакерку въ 4000, а графъ другую въ 5000. Le Sénat s'est assemblé hier extraordinairement pour délibérer sur l'envoi des députés à l'Empereur avec des félicitations. Поздравь отъ меня милаго Закревскаго; ежели успѣю, буду писать сегодня самъ. Графу отдалъ его письмо, а Сергѣй Ѳедоровичъ все не пишетъ къ отцу.

*

Москва, 7-го Маія 1814.

Je vous envoye, mon cher, un nouveau plan de Moscou brûlé, que j'ai fait faire pour mon livre avec Bonaparte en diable. C'est une chose qui sera curieuse pour Paris. Tout ce qui est noir a été brûlé, mais ce plan ne vaudrait plus rien à présent, car il y a tout-au-plus 2000 maisons, qui ne sont pas encore rebâties. Vous ne reconnaîtrez pas Moscou. Le comte est dans la joye: Zakrefsky lui écrit, que son fils va venir à Moscou. A Pétersbourg il y a de grandes délibérations pour la réception à faire à l'Empereur à son retour. Le titre de Благословенный, qu'on le suppliera d'agréer, ne me satisfait pas du tout. Несравненный, единственный, вдохновенный, Европейскій vallaient mieux. Au reste comment donner un titre propre à celui qui s'est mis au-dessus de tout éloge ou hommage! Il fallait tout bonnement le nommer Alexandre le Grand: ce mot comprend tout. Il a été prodigué à plusieurs souverains, mais Alexandre a fait disparaître la gloire de tous ceux, qui ont accepté le titre de Grand. Здѣсь было много преній. Купцы согласны со мнѣніемъ графа увѣковѣчить дѣянія нашего Государя построеніемъ на Москвѣ рѣкѣ трехъ каменныхъ мостовъ въ четыре милліона; одинъ

будетъ названъ Парижскимъ, другой Александровскимъ, а третій Бурбонской. Дворянство построитъ большую больницу для дворовыхъ людей. Скажи это Закревскому, ежели не успѣю ему написать.

*

Москва, 14-го Маія 1814.

Графиня Строгонова старая просила меня узнать, живъ ли и что дѣлаетъ *Ладомирской*, кажется Семеновскій адъютантъ Потемкина. Справься и увѣдомь меня. Наши за худою погодою еще не переѣхали на дачу. Явился Матюша Муромцовъ, такой же живчикъ какъ и прежде. Антоніо сходитъ съ ума, сочиняетъ оду на наши побѣды, и все ему кажется, что не довольно сильно: ci voul un poco di Metastasio, un poco di Tasso ed un poco di Dante, dit-il, et moi j'ajoute un poco di tutti basta che non vi sia niente di voi, et il se fâche. Puis je lui dis pour le fâcher encore plus: qu'il y a trop d'injures contre Bonaparte et que la censure ne permettra pas l'impression.

*

Москва, 21-го Маія 1814.

21-ое Маія! Довольно вспомнить число это, чтобы знать, что происходитъ въ душѣ моей. Кидаюсь въ твои объятія, любезный братъ, поздравляя тебя съ симъ вожделѣннымъ днемъ. Мы его празднуемъ всѣ у старика, который вчера переѣхалъ на дачу свою; тамъ будемъ обѣдать и пить здоровье нѣкоторой *полярной звѣзды*, которая видно *блудящая*, ибо теперь находится въ Парижѣ. Ну ужъ радуешь ты меня, утѣшаешь, веселишь; я право, какъ ребенокъ, коего задариваютъ ежедневно игрушками. Что за письма, что за газеты, что за брошюрки! Какъ все это исправно, скоро доходитъ! Какъ ты часто пишешь! Право не знаю какъ, чѣмъ тебѣ воздать, любезный братъ. При всѣхъ твоихъ великихъ занятіяхъ, ты меня до того довелъ, что я наслу могу успѣть тебѣ отвѣчать.

*

Москва, 28 Маія 1814.

Jamais je n'ai vu pousser un cri comme celui de l'autre jour par m-lle votre promise. J'arrive là, le jour de la promenade de Всѣхсвятское, qui est à un quart de verste de là bas, première question comme de raison: avez vous de lettres de Constantin? Non! On insiste. Toujours non! Enfin, Marie prend son parti et se résigne pour le jour de poste suivante. Elle propose à m-me Aslambegoff (dont le mari est un marin, bon garçon et ami de l'amiral Seniawine) d'aller faire un tour. On descend l'escalier, et moi je monte au troisièmme étage, et delà du balcon je lance votre lettre. Marie voit tomber quelque chose du ciel. Grand étonnement; mais quand elle vit tomber à ses pieds un paquet avec

les mots: à ma chère Marie, c'est alors qu'elle pousse le fameux cri, qui retentit dans tous les bois des environs. Elle n'a pas dîné de plaisir. Обрадовалась очень чистому воздуху, вдругъ отъ него и чистаго гулянья у ней щека распухла; я ее потеръ твоимъ письмомъ, и опухоль уменьшилась. Je lui ai écrit hier en lui promettant encore pour aujourd'hui une certaine médecine de l'apothicairerie de Paris.

Karamzine a fait des vers superbes sur les événements de l'Europe, on les imprime. Vous les aurez tout de suite. Je l'ai entendu hier les lire au comte.

*

Москва, 8-го Іюня 1814.

Наконецъ пріѣхали Растопчинъ *) и Кроминъ, столь давно ожидаемые. Всѣ пристали на дачѣ у графа ко мнѣ, чтобы я распечаталъ твои пакеты, но я былъ непоколебимъ: растаскали бы газеты и брошюрки. И такъ я отправился домой, гдѣ расположилъ на большомъ столѣ и началъ распечатывать. Je vous prie de beaucoup remercier de ma part l'aimable m-r Lamsdorff pour la chaîne. Quel travail! Qui croirait que c'est avec ce même fer qu'on fait des verroux, les balles, qui nous tuent comme des mouches.

Avec quelle prodigieuse célérité se sont succédés tous ces changements inconcevables. L'Empereur a donné le vol à une nation qui depuis 10 ans mettait sa gloire à ramper et à vaincre. Не думаю, братъ, чтобы все тобою видѣнное обратило почтеніе твое къ поганымъ Фафулямъ, конхъ нельзя не призирать. Гадко слушать ихъ теперь и читать. Что за народъ! Цѣлая Франція, заглушая совѣсть, казнитъ добраго короля, а теперь пустое слово союзнаго генерала обезоруживаетъ праведное негодованіе и ярость народа къ истинному убійцѣ и варвару Франціи. Поди пойми ихъ! Я въ сокрушеніи, что не преданъ смерти Бонапарте.

Embrassez pour moi bien tendrement l'excellent Worontzow; on l'avait dit tué à l'affaire de Craon, je crois. Les gens de sa maison d'ici viennent chez moi avec l'intendant et avaient des figures éffareés, me demandant avec douleur si c'est vrai, que le jeune comte avait eu le bras emporté et qu'il était mort de l'amputation. Toute la ville en effet l'avait dit. Jugez de mon bonheur de pouvoir rassurer ces braves gens. Je venais justement de recevoir votre lettre où vous me dites: je viens d'embrasser Worontzow, qui a reçu, le 20, S-t Georges. Je leur montre la

*) Т. е. графъ Сергѣй Ѳедоровичъ, старшій сынъ графа Ѳедора Васильевича.

lettre, leur traduit le passage; c'étaient des signes de croix, des larmes de joye. Je vous prie de dire cela au jeune héros: de choses comme cela sont faites pour un coeur comme le sien. J'ai donné les gazettes doubles au comte Chernicheff, qui est venu passer quelque temps avec moi; c'est comme si je lui avais donné 100000. Le vieux князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинской vient de mourir d'un coup d'apoplexie; il est fort peu regretté et ne le mérite pas, à dire vrai. Aujourd'hui on enterre le vieux Waloueff, qui a hâté sa mort par un usage immodéré des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de recompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait.

*

Москва, 9-го Іюля 1814.

У насъ, кажется, закладъ съ тобою, любезный братъ, у кого будетъ больше чего? У тебя крестовъ, или у меня дѣтей! Богъ обрадовалъ меня дочерью, нареченною подъ пару Костюшѣ—Ольгою. Она родилась 1-го числа сего мѣсяца.—Je m'obstine à croire qu'il y a une lettre de vous perdue, car nous n'avons pas depuis votre première de Londres du 11 juin n. s. On assure ici que c'est vous, qui travaillez avec l'Empereur, le comte Nesselrode était resté à Paris, chargé par S. M. d'une mission de quelques jours. Si c'est ainsi, je bénis votre silence; qu'il se prolonge même, pourvu que le bon Dieu vous conserve bien-portant. Vous voyez que je suis très raisonnable ou plutôt que ma tendresse pour vous a le pas sur tout dans ce monde.

Chez nous et à Pétérsbourg il n'est question que de l'époque du retour de l'Empereur; il y a des paris que S. M. sera pour le 22 Juillet de retour; il faut manquer de sens commun pour soutenir cela. D'ailleurs, moi, pour mon compte, je suis persuadé que l'Empereur lui-même ne saurait indiquer au juste l'époque de son retour; les affaires et les événements politiques y entrent pour beaucoup.

*

Москва, 15-го Іюня 1814.

Le comte part dans deux jours pour les eaux, et sera absent 4 on 5 semaines; сдѣлаюсь вольнымъ козакомъ, чаще буду со своими. Сегодня ѣдетъ въ Петербургъ Дм. Ник. Сенявинъ, который всякой разъ даетъ мнѣ препорученіе обнять за него Костюшку. Какой добрый человѣкъ! Говорятъ, что великій князь прибылъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о мирѣ, которой невеликую производитъ радость; давно ужъ этого ждутъ, никто не предвидѣлъ затрудненій къ заключенію онаго, а всѣ смутны, видя Бонапарта не токмо живымъ, но и самодержавнымъ на Эльбѣ.

Никто не внемлетъ разсудку, а всякой предается токмо чувству ненависти и мщенія къ сему разбойнику. Не умеръ ли онъ, когда приведенъ въ невозможность дѣлать зло?

*

Москва, 17-го Іюня 1814.

Графъ былъ извѣщенъ изъ Петербурга, что изъ Парижа отправленъ сюда куріеръ съ извѣстіемъ о заключеніи мира, но онъ не являлся. Для всеобщаго свѣдѣнія и изъ предосторожности объявлено было полиціею, что, какъ скоро прибудетъ въ городъ куріеръ, всѣ жители извѣстятся о семъ пушечными выстрѣлами; ты можешь себѣ представить, любезный братъ, какъ у меня вчера сердце забилось, какъ услышалъ пальбу. Двѣ радости для меня... какъ двѣ? три! Миръ, письмо отъ тебя и приближеніе твоего возвращенія!! Ce n'est pas peu de chose. Хотѣлъ тотчасъ скакать къ графу, которой живетъ на дачѣ; коляска еще не запряжена, является ко мнѣ ординарецъ графской съ большими пакетами отъ тебя, привезенными Васильчиковымъ. Графъ велѣлъ мнѣ быть къ себѣ на другой день рано, и такъ цѣлый вечеръ могъ я заняться чтеніемъ твоего милаго письма № 79-й 2-го Іюня и газетами, въ коихъ нашелъ и трактатъ in extenso.

Ce matin à 6 heures j'étais chez le comte; il dormait, je me promène dans le jardin; je vois un homme fort grand qui vient à moi la pipe dans la bouche,—c'était l'envoyé de notre ange!.. Je le voyais presque pour la première fois, mais faire sa connaissance fut l'affaire d'un instant. Quel modestie dans ce héros, avec quelle bonté il a satisfait à toutes mes questions. Nous avons causé jusqu'au réveil du comte. Vous sentez bien qu'il a été beaucoup questions de vous. W. m'a dit qu'il était fort étonné de ne pas voir Zakrefsky parti de Paris pour Moscou avant lui. То-то ужъ замучаю вопросами; съ этимъ церемонится не стану.

Vous m'annoncez que vous allez à Londres; j'en suis fou de joye et je l'ai désire de tout mon coeur. Voilà encore un pays unique sous tous les rapports, que vous verrez, le pays de la perfection presque dans tous les objets. Encore tout frais et imbu de Paris, vous pouvez faire la comparaison, si toutes fois il y en à faire entre des reptiles et des hommes. Il ne faut pas un esprit très trascendant pour deviner où je classe m-s les Фафули. Eh bien, le monde va donc respirer; plus des massacres, et on ne levera les mains désormais (comme je l'ai dit dans la préface de mon livre) que pour bénir l'ange, instrument de Dieu. Quel rôle, et quelle gloire pour la Russie! Ah, si l'Empereur pouvait voir toutes les larmes que cette paix fait répandre!

*

Москва, 1-го Іюля 1814.

Enfin le prince de Valachie va payer l'argent de la poste et, si je ne me trompe, 81/т. r. ont déjà été délivrés à Kiriko, qui dit les garder à votre disposition à vous; au reste, vous saurez tout cela directement de Kiriko. En général on leur*) parle très favorablement de toutes leurs affaires.

Le papa était tombé malade, ou du mauvais temps et le froid qu'il fait jusqu'à présent et puis, comme vous dites fort bien, de l'ennui; car il n'a pas de whist. Au reste comment aller à la campagne les voir par un temps, comme celui-ci; même moi j'ai été des trois jours sans voir les nôtres, ni même le comte qui est de chez eux à un quart de werstes. Le vieillard se plaint quelquefois de Moscou, mais c'est qu'il a été extrêmement gâté à Bucharest, où sa maison était une foire. Dieu me garde de former la moindre prétention, mais il ne voit pas que, depuis qu'il est ici, j'ai abandonné avec ma femme toutes mes connaissances pour me livrer à eux sans réserve: nous étions là tous les jours, que Dieu donne, c'était un crime de manquer un jour, tandis que nous les avons vu chez nous depuis votre départ peut-être une douzaine de fois.

*

Москва, 22-го Іюня 1814.

Mein gnädigster Herr baron von Bulhakow! Or, savez vous ou ne savez vous pas, ou bien Carbonier n'aura-t-il fait voir midi à quatorze heures, mais il m'assure que la croix de commandeur de Léopold donne le titre de baron. J'ai oublié de vous féliciter dans la lettre qui répondait à l'expédition, apportée par Wassiltchikoff, c'est ce fameux traité qui à moi diplomate rouillé m'a ôté pour toute une journée la tête. C'est surtout la hâte que le comte y a mise qui m'a dérouté. Venez donc que je vous embrasse, mon cher ami, en vous félicitant avec la croix, mais nullement avec le titre de baron. Il est beaucoup plus glorieux d'être paysan Russe que baron, duc ou prince de quel pays que ce soit. J'ai aussi une joye à vous annoncer: j'ai reçu votre lettre par Zakrefsky, qui est arrivé deux jours après Wassiltchikoff. J'entre dans le cabinet du comte, j'y trouve celui-ci, et puis quel est mon étonnement: notre bon Zakrefsky aussi. Je lui saute au cou. Le comte me dit: попеняйте, что такъ опоздалъ. Я отвѣчалъ графу, что это въ порядкѣ вещей и что пѣхотному генералу нельзя такъ скоро поспѣвать, какъ кавалерійскому. Книгу Стальши я далъ читать князю И. И. Барятинскому. Съ жилетами сдѣлалъ я шарлатанство, сшилъ здѣсь и сказалъ, что ты ихъ такъ и прислалъ мнѣ; всѣ требуютъ дать на фасонъ и

*) Т. е. Варламу и его семьѣ. Кирико — ихъ повѣренный по обширнымъ имѣніямъ въ Валахіи.

увѣряютъ, что видна Парижская работа, tandis que c'est un méchant tailleur qui a fait cela самоучкою, peut-être. L'étoffe n'est pas belle, l'idée est bonne, mais les lys devraient être blancs sur un frac de couleur. Вчера надѣвалъ я одинъ, а сегодня другой надѣну. Vous voyez donc que Zakrefsky m'a tout exactement remis; en outre il m'a donné sur vous des détails, qui m'enchantent. Mad. la baronne (c'est ainsi que j'appelle Marie à présent) est aussi toute joyeuse que vous alliez à Londres.

M-r Arsénieff, chef de la noblesse, présenta à Wassiltchikoff au nom de tout le corps de la noblesse d'ici une boite garnie en diamants de la valeur de 10 à 12000; au milieu se trouvent les mots: *вѣстнику мира Россіею въ Парижѣ подписаннаго 18 Мая 1814* et autour les mots отъ *Московскаго дворянства*; dans le dédans de la boite sont gravés les mots: *господину г.-адъютанту Ларіону Васильевичу Васильчикову*. Après cela le prévôt des marchands présenta au nom de tout son corps 2500 ducats en or sur un plat d'argent doré avec l'inscription autour: «Усерднѣйшее приношеніе вѣстнику вожделѣннѣйшаго мира заключеннаго 18 Мая 1814 года въ Парижѣ, его п. в—ва генер.-адъютанту Л. В. Васильчикову отъ Московскаго купечества». Au milieu du plat était gravé le chiffre de m-r Wassiltchikoff. Le comte donne à son beau-frère les deux plus beaux chevaux de son haras. J'attends Zakrefsky, avec lequel nous allons courir à pied.

*

Москва, 27-го Іюля 1814.

Съ прибытія Государя въ Петербургъ я пересталъ тебѣ писать, любезнѣйшій братъ, полагая, что ты явишься скоро за Императоромъ. Марица держится твоего предписанія не переставать писать, покуда не дашь намъ сигнала шабаша. Это разсудительно. Но куда же адресовать письма? А ихъ у меня два для тебя отъ Марицы. Гдѣ ты находишься? Ѣдешь ли сюда или въ Петербургъ? Мнѣ кажется, что ты воротишься въ Россію съ гр. Нессельродомъ, который еще не бывалъ, а ожидается въ Петербургъ; и такъ посылаю это письмо къ Тургеневу: онъ у Гурьевыхъ [1]) узнаетъ, что̀ съ нимъ дѣлать. Я въ безпрестанномъ волненіи: мнѣ кажется, что ты вдругъ падешь какъ снѣгъ на голову.

Ежели бы могъ я предвидѣть, что ты въ Петербургѣ будешь, я бы непремѣнно поѣхалъ съ графомъ [2]), который ѣдетъ туда послѣ завтра на

---

[1]) Графъ К. В. Нессельроде женился на Маріѣ Дмитріевнѣ Гурьевой, отецъ которой завѣдывалъ удѣлами, а мать была Салтыкова.

[2]) Ростопчинымъ.

короткое время. Слышу что Кон. Дм.[1]) нанялъ домъ въ Петербургѣ; сожалѣть буду, для себя и для его кармана, ежели туда переселится; авось либо твое прибытіе и перемѣнитъ это все. Ce projet doit peut-être sa naissance aux choses superbes qu'écrivent les Wakaresko[2]), qui ne parlent que du Peterhoff, de fêtes etc. Я живу рядомъ съ графомъ Растопчинымъ, въ домѣ Соловова, почти противъ католической церкви, въ каменномъ красномъ небѣленомъ домѣ.

*

Москва, 30-го Іюля 1814.

Какъ изобразить мнѣ тебѣ радость свою при полученіи милаго, безцѣннаго твоего письма изъ Петербурга! Вообрази, что, не смотря на всѣ мои предосторожности, отъ письма твоего одного сдѣлалось Марицѣ дурно: чуть не упала. Слава Богу, все кончено, и теперь она опять становится, какъ розанъ. Явясь къ графу, по обыкновенію поутру, былъ обрадованъ другимъ твоимъ письмомъ изъ Митавы, которое почиталъ потеряннымъ. Стану отвѣчать по порядку; второе письмо изъ Лондона видно потеряно; ежели пропало въ Великобританскихъ владѣніяхъ, то прощаю [3]), такъ и быть, въ пользу табакерки, которую тебѣ подарили, съ чѣмъ душевно тебя поздравляю; однакожъ желаю, чтобы ты къ табаку не пріучился.

Le comte est parti hier pour Pétersbourg. J'ai un moment désiré de l'accompagner, mais puis j'ai craint de vous manquer de quelque manière et de nous disperser de cette manière tous tant que nous sommes. Tous les détails, que vous me donnez sur nos amis de Pétersbourg me font le plus grand plaisir. Les respectables Alexéjeff! Je m'imagine leur joie et la vôtre, ce bon Tourguénef qui jusqu'à présent a le talent de ne pas se gâter. Vous ne pouvez pas manquer les Warlams, qui sont absolument sur votre route: не доѣзжая Петровской дворецъ, налѣво хорошенькой домикъ съ тремя статуями на фасадѣ. Je suis étonné que la poste d'hier ne nous ait rien apportée; apparement que vous n'êtes pas encore retourné de Peterhoff. Je ne puis vous dire combien il m'est été doux de faire la connaissance de ce digne comte de Nesselrode; il ne s'en souciera pas beaucoup, mais je vous prie de lui dire que je lui porte l'attachement le plus tendre et surtout une reconnaissance que rien ne saurait jamais diminuer: je lui dois un sentiment pour toutes les bontés, qu'il a eues et qu'il continue à avoir pour vous. Гриша m'avait

[1]) Варламъ.

[2]) Семейство знатныхъ Валаховъ. Оно совмѣстничало съ Варламами въ роскоши и боярской важности.

[3]) Одно слово не разобрать. П. Б.

beaucoup parlé de lui, et ici le p-ce Nicolas G. le porte j'usqu'aux nues. Nous aurons tout prêt ici pour la nôce*). Сегодня кровать притащится на дачу, твои покойчики очень милы.

C'est terrible qu'il faut que je galoppe maintenant chez le g-l, je ne sais comment, qui était ambassadeur d'Anglettere en Perse. Le comte est absent, le grand-maître de police est une bête; оборвется на мнѣ и Волковѣ, et c'est un homme, qui a rendu de très grands services à la Russie de ce côté-là. C'est Wolkoff qui nous quitte. Quelle peine cela me fait! Жалка будетъ наша Москва; неужели этому доброму служителю государеву за 9 лѣтъ полицмейстерства не дадутъ мѣсто комендантское здѣсь, которое онъ такъ желаетъ! Графъ повезъ съ собою его просьбу въ отставку. Sous de certains rapports j'envie son sort et voudrais être dégagé du service en dépit de tout ce qu'on me dit. Je suis tout fier et tout heureux de tous vos succés; je fais la mouche et me place sur votre char.

*

Москва, 1-го Августа 1814.

Ici on ne parle que de la fête de Peterhoff, mais nous n'avons pas la déscription détaillée. Je désire beaucoup que vous voyez le comte à Pétersbourg; pour cela aussi je voudrais que votre départ fût retardé de quelques jours. Lui-même est parti avec un vif désir de vous voir. Je vous répète, mon cher, ce que je vous ai dit déjà, qu'il désire beaucoup vous voir à la place en question, mais qu'il croit toujours que l'illustre exilé ne la perdra pas, que son parti lui conservera ce poste et qu'importe au comte le refus, cela ne regarde que nous autres, pourvu qu'il demande. Ce qui me fait envie que la supposition du comte n'est pas fondée, c'est que l'Empereur avait promis cette place à Ozéroff; or, comme celui est gouverneur de Twer, vous n'avez pas du concurrent dangereux ou puissant. Ah! Si cela pouvait s'arranger, ce serait, charmant, agréable, commode et lucratif.

Конечно Богъ не оставляетъ многочисленныя семейства, однакожъ король, дама, самъ-шостъ! Это не бездѣлица. Ну! Богъ милостивъ. Je me console de l'idée qu'au dire de s-r G. Usley, qui vient de la Perse, le roi de Perse a 53 fils et 112 filles; quoique ce cochon d'autocrate aye 500 femmes, elles ne valent pas toutes le bout du nez de la mienne, et son nez n'est pas ce qu'il y a de plus merveilleux dans le monde.

*

*) Свадьба эта состоялась въ Москвѣ, откуда К. Я. Булгаковъ вскорѣ долженъ былъ уѣхать на Вѣнскій конгрессъ, гдѣ состоялъ при графѣ Нессельроде.

Москва, 30-го Августа 1814.

Жаль, любезный братъ, что не пробылъ ты у насъ еще полдня: ты поѣхалъ въ безпокойствіи быть въ Вѣну позже Государя, съ пришедшею же часа съ два послѣ твоего отъѣзда почтою узнали мы, что Императоръ отправляется въ Вѣну 5-го числа. Эта мысль тебя бы успокоивала дорогою, и ты могъ бы не такъ торопиться. Сегодня ѣду въ Петровское обѣдать. Наши завтра или послѣ завтра переѣзжаютъ въ новый домъ, тутъ будемъ видаться гораздо чаще. Янко объявляетъ всѣмъ, что онъ замѣняетъ у Марицы твое мѣсто и, увидя шляпу твою, что̀ ты далъ славному Метаксѣ, сказалъ матери съ сердцемъ: какъ вы глупы, что вы тоскуете, Булгаковъ здѣсь: развѣ вы не видите его шляпу, вотъ она, и что̀ ему тамъ дѣлать? Развѣ вы не знаете, что всѣ Фр. перебиты? Le petit prétend que partout, où vous avez été assis, ça sent les духи, et il reniffle de toutes ses forces.

У меня что-то предчувствіе, что ты забѣжалъ къ Волкову изъ Перхушкова, желая очень его видѣть; онъ ожидается сегодня изъ деревни. 100 р. отдалъ людямъ Варламовымъ, а дабы не было ссоръ, то расписалъ сколько всякому дать, и всѣ довольны. Тетушка тебя обнимаетъ и въ большихъ хлопотахъ: да скажи, мой батюшка, въ большихъ-то хлопотахъ не забылъ ли К. Я. взять мою просьбу; нѣтъ, воля твоя, я пошлю къ Мар. Кон. спросить. Увѣрилъ ее. Что же? Другая бѣда: боюсь, такъ ли подписала я, бѣлы очень чернила, ну, какъ не прочтетъ Государь, вѣдь не разберетъ, такъ и просьба къ чорту пойдетъ.

Сейчасъ входитъ Волковъ. Пришла почта; молодой графъ ему сказывалъ въ соборѣ, что отецъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Москвѣ, и велѣно ему быть при особѣ Государя. Voilà un événement qui dérange mes petites affaires. Le successeur du comte n'est pas connu. Sa nomination réglera ma conduite et ma destinée. On croit généralement que c'est Balacheff; alors tant mieux pour Wolkoff et pour moi et pour Moscou.

*

Москва, 7-го Сентября 1814.

Чрезмѣрно обрадовалъ ты насъ, любезнѣйшій братъ, двумя твоими письмами изъ Смоленска и изъ Орши; сегодня по моему расчету долженъ быть ты въ Вѣнѣ.

Le comte est placé au Conseil, et Tormasoff lui succède ici. J'attends, pour m'orienter un peu, ce que le comte m'écrira; je resterai à ma place jusqu'à votre retour. Quand votre sort sera décidé, je m'occuperai

du mien aussi. Je serai très étonné si le comte n'a rien fait pour moi; il m'avait cependant promis de très belles choses. C'était mon sort toujours de ne rien avoir de ceux qui m'aimaient le plus. Nous avons ici à la place de Waloueff le p-ce Yousoupoff. A la place de Dmitrieff c'est Trotschinsky, ce qui est excellent pour tout le monde et pour nous aussi. Le comte Pierre Razoumowsky grand, chambellan, Kotchoubey, Gourieff, Balachoff, Schichkoff 1-r S-t Wladimir, le maréchal Soltikoff prince, Wiasmitinoff cordon bleu. Au grand-maréchal 50000, une bague à portrait. Les cocardes de S-te Catherine aux femmes des aides-de-camp généraux, p-ce Wolkonsky, Balachoff, Wasiltchikoff, Koutousoff et p-sse Dmitry Galitzine. La comtesse Barklay-dame d'honneur. A Araktchejeff, sur son refus du cordon bleu, le portrait. Il s'est avisé de garder le portrait et de renvoyer les diamants à l'Empereur; je trouve très sots ceux qui admirent ce qui n'est qu'excés d'orgueil et de vanité et insolence. Il est à supposer qu'Ar. fera un cadre de papier maché au portrait et le portera ainsi. Je ne vous parle pas des autres grâces, vous devez savoir tout cela. Voici une lettre du pauvre diable Ogiefsky. Si vous pouvez, aidez le; vous vous rappellez qu'il est sorti de la pépinière de Constantinople de papa. Le pauvre Wolkoff est au désespoir. Le comte lui a joué un mauvais tour, en ne présentant pas à l'Empereur la pétition pour son congé, il est résolu de ne plus mettre le pied à la police et va se dire malade. Il a écrit à Balachoff, qui l'aime beaucoup, pour être absolument congédié; il prie celui-ci de le faire nommer g-l-major и считаться по арміи, alors il attendra un an, deux, jusqu'à ce que quelque bonne place se présente. Sur Tormasoff il n'y a qu'une voix. Добрый, кроткій, честный человѣкъ, mais aussi rien que cela. Toutefois, si ce n'est pas superbe pour la ville, c'est excellent pour les subalternes. J'ai appris à Marie votre marche de Paris, et elle l'a joue plus souvent que Métaxa sa fameuse symphonie. Le bon Kalinine a été fait conseiller privé.

*

Москва, 10-го Сентября 1814.

Il paraît que le comte n'a pas eu un grand succés à Pétersbourg, car il a quitté le service sans rien faire pour ses subalternes; au reste il peut dire: on n'a rien fait pour moi. Il est placé au Conseil, mais ceci ne peut pas être envisagé comme une recompense, это родъ вышней герольдіи. Goudowitch dans le temps fut presque renvoyé, et il obtint cependant le portrait. Mais tout cela ne m'intéresse pas autant que vous. Il paraît d'après la teneur du manifeste de 30 qui pardonne tous les coupables de certaines fautes, que K. reviendra ici à son poste, si toutesfois un homme flétri peut-être révêtu de la place qui lui a été ôtée avec tant

d'éclat. Est-ce que vous ne tâcheriez pas de vous faire nommer adjoint du comte Nesselrode, s'il garde le portefeuille ou membre du collége; en attendant je serai à épier ici. Le comte arrive dans dix jours, je verrai ce qu'il me dira et vous en écrirai, quoique je n'espère plus rien par son intervention. Il a gâté les affaires du pauvre Wolkoff en ne présentant pas sa pétition въ отставку; s'il ne veut pas rester dans cette maudite police, moi je le conjure d'attendre m-r Balachoff, qui vient ici dans deux ou trois jours, car son idée est de se dire malade aussitôt que Tormasoff arrivera.

Сегодня маленькая вечеринка у нашихъ: два стола будутъ. Quel luxe! Все тѣ же прежніе вистовщики. К. Д. хочетъ взять Четвергъ дома сидѣть, ибо всѣ протчіе дни онъ въ Аглинскомъ клубѣ.

Je vois par les gazettes que le roi de Sardaigne se rend lui-même à Vienne; tant mieux: vous pourrez plus efficacement arranger l'affaire de la croix et me mettre aux pieds de S. M, si vous lui étiez présenté, et alors rappellez au roi mon sejour à Cagliari et à Gaëte avec Tatischeff. A propos, le comte Worontzow m'a fait cadeau il y a trois ans des oeuvres du p. de Ligne; cela ne va que jusqu'au 15-me tome inclusivement, c'est à dire les oeuvres melés (et pas les militaires); si le p-ce a continué de barbouiller et s'il y a des volumes après le 15-me, apportez moi cela, quand vous reviendrez.

*

Москва, 22-го Сентября 1814.

Il n'y a plus de doutes que nous vous reverrons vers la fin de Novembre, car l'Empereur a dit à m-r Tormasoff, qu'il viendra à Moscou au mois de Décembre*). Le comte nous a quitté sans rien faire pour moi. Il paraît comme je vous l'ai déja écrit, que mon sort est d'avoir de mes chefs leur confiance, leur amitié et rien que cela. C'est très bien, mais peu lucratif; que faire? Peut-être que celui dont je n'aurai pas le bonheur de mériter l'amitié intime sera celui qui me fera le plus de bien. Tout le monde me fait l'éloge du nouveau chef et m'engage à rester auprès de lui; je me détermine donc à rester chez Tormasoff jusqu'à votre retour, d'autant plus qu'il ne serait pas plaisant pour moi de perdre 1500 et les avantages de quartier. Le comte, qui ne me laisse pas manquer de lettres d'amitié, m'écrit dans la dernière: M-r Tormasoff est un homme de bien qui vous connaît pour ce que vous êtes, il dépend de vous de rester auprès de lui etc. Le comte arrive ici dans deux jours, et T. dans trois. Cette circonstance sera utile pour mes petites affaires. Le comte n'ayant pas présenté la démission de Wolkoff,

*) Государь посѣтилъ Москву лишь въ Августѣ 1816 года.

celui-ci se croit forcé de rester à son poste jusqu'au retour de l'Empereur. Quand S. M. sera ici, nous espérons que Balachoff fera quelque chose de bon pour notre ami.

Au Archives nous avons un nouveau chef. C'est Malinofsky, qui en outre a reçu le 3-me Wladimir, dont la croix lui pend jusqu'au ventre.

*

Москва, 24 Сентября 1814.

Третьяго дня Аф. Дм. лежала въ постели нездорова, и я, обѣдавши тамъ, ея не видалъ; въ вечеру прихожу, нахожу, что и у Марицы голова перевязана уксусомъ, а пришелъ я отдать письмо твое изъ Коцка и Лублина. Сидѣли мы съ часъ, болтали на постели у Аф. Дм. Я спорю съ Марицею, что всѣ ея болѣзни въ воображеніи, потому что всѣ вылѣчиваются твоими письмами. Oh! dit-elle, j'ai très mal à la tête, mais surement si je recevais une lettre de Constantin, je jetterai le mouchoir et tout ce vinaigre au diable; mais il faut attendre et n'y a pas longtemps qu'il nous a écrit de Brest-L. Sur sela je tire votre lettre de ma poche; en effet le mouchoir se trouve tout de suite par terre, et Marie se portait à merveille. Nous étions tous fort gais, car on venait de m'apporter aussi une lettre de la campagne, où tout le monde se porte bien. Nous nous réjouissons de vous savoir le 3 à Lublin, tandis que le 7 l'Empereur n'était qu'à Slonim; vous avez donc au moins 4 jours devant vous.

Вообрази себѣ наше приключеніе. Ложимся спать въ деревнѣ, слышимъ слезы. N. говоритъ, что Ольга, я ей пеняю, что не знаетъ голосу своихъ дѣтей. Только вдругъ входитъ Алена съ ребенкомъ, котораго подкинули къ намъ въ садъ подъ окошки дома. Nous avons donc pris cette petite créature avant tout par humanité et puis par spéculation, car on dit que cela porte bonheur; je crois au reste qu'il en est ainsi de toutes les bonnes actions. La petite a été baptisée sous le nom de Наталья Александровна Находкина.

On m'assure que dans le duché de Warsowie et en Prusse on donne 100 de nos papiers pour 6 ducats. Ce serait une belle spéculation que d'y envoyer des ducats à changer. Si vous avez un homme là-bas (да чего же лучше Сабанѣева) et que la chose qu'on me dit fut vraie, alors vous ferez bien d'écrire à Kiriko d'envoyer le reste de l'argent à vous à Vienne en or, pour faire cette spéculation. Métaxa (qui est fort pour tout et donc je dirai comme Souvoroff de Rimnikoff: онъ все знаетъ, помилуй Богъ!) présente beaucoup de projets qui donneraient à Marie des montagnes d'or, mais je ne crois pas trop à tout cela.

*

Москва, 28 Сентября 1814.

Графъ пріѣхалъ вчера въ Москву, любезный братъ. Ни минуты *) не было у насъ путемъ поговорить, ибо съ утра до вечера пріѣзжаетъ все кто нибудь къ нему. Онъ очень веселъ, здоровъ, и фракъ очень къ нему пристalъ.

Напрасно ты боишься: какъ бы Государь шибко ни ѣхалъ, догнать тебя невозможно. Я воображаю, что ты будешь писать намъ съ фельдъегеремъ, который привезетъ въ Петербургъ извѣстіе о прибытіи Императора въ Вѣну, а это по расчету можетъ быть черезъ нѣсколько дней. Рекомендую тебѣ прежнюю исправность: присылай всѣ выходящія въ Вѣнѣ бумаги, касающіяся до Конгресса. Je ne vous demande pas les secrets d'état; car primo, je ne suis curieux, que tant que cela est permis, et puis ce serait peine perdue avec vous. Marie m'a dit que vous l'aviez menacé de vendre peut-être votre boite de Londres. У pensez-vous, mon cher? N'allez pas faire cela, je ne vous le pardonnerai jamais. Vous avez tant de connaissance à Vienne qui dans le cas vous aideraient, et puis écrivez nous un mot: nous vous enverrons de l'argent d'ici. Je vous conjure de conserver votre boite.

Tormasoff a la pièrre; il n'arrive que dans dix jours, car il fera 40 verstes par jour. Le comte m'assure que je serai bien avec lui. Vedremo. А Карамзинъ, пріятель Малиновскаго, который получилъ 3 Владимира и владычество Архивомъ, совѣтуетъ мнѣ добиваться быть помощникомъ его. Cela ne me touche pas trop, et vous qu'en pensez vous?

*

Москва, 15 Октября 1814.

Я опять зажился въ деревнѣ, любезный братъ. Графъ пріѣхалъ сюда очень скоро и сказывалъ что А. П. Тормасовъ долженъ былъ выѣхать недѣлю послѣ него. Имѣя такимъ образомъ дней десять передъ собою, я поѣхалъ погостить къ Наташѣ. Какое-то предчувствованіе меня оттуда выгнало дня три прежде; со всѣмъ тѣмъ я чуть было не опоздалъ, и я въѣхалъ въ городъ съ одной стороны, а А. П. съ другой. Онъ прямо вышелъ въ Кремлѣ, гдѣ въ соборѣ слушалъ обѣдню; воротясь домой въ большой усталости отъ дороги, только пообѣдалъ

*) Изъ Петербурга, гдѣ подалъ и получилъ отставку; но успѣлъ снова раздражить противъ себя Государя, который однажды за обѣдомъ вспоминалъ времена Павловскія и какъ у подъѣзда графа Кутайсова по Фонтанкѣ собиралось много экипажей. Я проѣзжалъ сегодня по Литейной, замѣтилъ графъ Ростопчинъ, и на углу Кирочной (домъ графа Аракчеева) видѣлъ тоже толпу искателей благъ житейскихъ (слышано отъ современниковъ). П. Б.

и легъ спать, никого не принималъ. На другой день мы всѣ представлены были. Онъ очень ласково со мною говорилъ, сказалъ, что былъ очень знакомъ съ покойнымъ батюшкою. Многіе пріятели его, коихъ я о томъ и просить не думалъ, меня отлично рекомендовали ему, еще въ Петербургѣ. Entre autres le prince Ioussoupoff m'écrit; j'ai dit au général Tormassoff beaucoup de mal de vous et j'espère que ce mal vous fera beaucoup de bien; c'est un très galant homme, et il sera de son intérêt de vous aimer, et tout le monde s'accorde à dire le plus grand bien du général. Je ne sais pas si c'est un aigle, mais sa conduite jusqu'à présent est exemplaire.

Sa visite au Kreml a fait une très bonne impression sur le peuple, qui dit: съ Богомъ начинаетъ, будетъ прокъ въ этомъ. Tous ceux qui viennent sont sur-le-champ introduits; il voit tout le monde, est extrêmement affable, enfin il s'est déjà fait aimer, et il n'y a pas une semaine qu'il est ici. Ce matin il m'a fait dire par Bibikoff, son favori, aide de camp et factotum, de venir chez lui à l'avenir en frac. Мнѣ два шага къ нему ходить, т. е. ближе даже чѣмъ было къ графу; les murs de nos maisons se touchent, car on a loué pour le général la maison de Соловой, что былъ М. И. Корсаковой. En attendant on va arranger la maison de главнокомандующій, où j'aurai aussi mon petit logement. D'après tout cela, mon cher ami, vous voyez que je me décide à rester auprès du général Tormassoff, d'après les conseiles de tous mes amis: car perdre 1500 d'appointement et quartier n'est pas une bagatelle pour moi. Je pourrais toujours m'en aller, si quelque chose de mieux se présente. Le comte n'a absolument rien fait pour moi surtout sortant de service. Qui sait si T. ne m'aimera pas moins et ne fera pas plus pour mon bien. Le général ne veut pas entendre parler que Wolkoff s'en aille; il le traite avec une distinction extrême, le consulte beaucoup, le voit très souvent et le conjure d'attendre le retour de l'Empereur.

Brocker*) se trouve maintenant comme un chien dans un jeu de quille. Cet homme a fait bien de torts et du mal au comte, qui se détrompera tard, mais cruellement. Hier B. a parlé de s'en aller, et T. l'a pris au mot. Il paraît que Bibikoff remplacera ce charmant Br., qui est généralement détesté. On me vante son attachement au comte; je crois avoir assez prouvé le mien sans m'être pour cela rendre odieux à toute la ville comme Br. Tous les autres employes restent. Le général T. n'a amené avec lui que les 4 adjutans, Bibikoff, le baron Steingel,

*) Московскій полицеймейстеръ, любимецъ графа Ростопчина. Его записки въ „Русскомъ Архивѣ". По выходѣ въ отставку онъ управлялъ имѣніями графа Ростопчина.

Hesse et Sabouroff, et puis il a son petit neveu, qui va arriver: c'est le petit Миша Тормасовъ, fils de Петръ Петр., que nous avons connu à Wilna, enfant de 6 ans. Le général était marié a mademoiselle Heikin que nous avons connue chez la princesse Biron; il a un fils de neuf ans, et c'est là toute la suite de toute la familie *). La ville a reflué pendant trois jours chez le général, il a rendu toutes les visites le lendemain en personne.

La petite m-elle Находкина est morte; elle était née malade.

*

Москва, 12 Октября 1814.

Марпца была грустна всѣ эти дни. Elle disait à tout le monde que le feldjäger, qui doit être en route de Vienne, est une bête, qu'il va comme un Allemand, que surement cela sera un nouveau qu'on a pris au service à Vienne, que l'Empereur voyage beaucoup plus vite. J'étais le soir avec elle à causer de notre absent, lorsqu'elle me dit: ah, comme ce serait agréable si on pouvait avoir une lettre quand on veut! Sûrement, dis-je, ce serait charmant que vous souffliez par exemple, et voilà tout de suite une lettre. Ah! ba! Et vous plaisantez encore; allez vous promener. Laissez moi. Eh bien, puisque c'est comme cela, moi je vais souffler. Je souffle, et bref la lettre se trouve dans sa main. Marie était comme folle, elle se jetta à mon cou, se mit à m'embrasser.

Tout ce que vous me dites de la bonté de l'Empereur me tourne la tête de joye. Personne ne connaît votre coeur comme moi, et je sais que vous êtes digne des regards du Bienfaiteur du genre humain. Dieu en fera le nôtre, comme sa grande-mère a été la bienfaitrice de papa. Toute la ville est remplie du titre de roi de Pologne que l'Empereur a pris, à ce qu'on assure.

T. a l'air d'un très digne homme; il me traite avec bonté. Je n'ai encore aucun emploi, et il soigne lui-même et seul sa correspondance avec l'Empereur et les principaux ministres, ce qui était ma partie chez le comte Rastopsinn. J'ai donné au général *le Beobachter* que vous m'avez envoyé; il parle très bien l'allemand. Il m'a dit que l'Empereur retournerait même plus tôt qu'on ne l'avait supposé. Il se conduit avec une prudence et une sagesse extrême. Tout le monde peut l'approcher, il a adouci le sort de beaucoup de malheureux déjà, et notre bonne погорѣлая non seulement n'en dit pas encore du mal, mais elle l'aime déjà. Hier, il y a en deux ans que les Français ont quitté Moscou; il y avait la grande procession d'usage, le tems était superbe, et le peuple a vu avec plaisir le général suivre dans la procession l'archevêque pendant deux heures à tête découverte.

*) У Тормасова былъ еще воспитанникъ; это славный математикъ-академикъ Буняковскій. П. Б.

Je suis bien peiné de la mort de la reine Caroline; elle devait mourir une année au moins plus tard sur les bords du golphe du Naples. S-t Clair ou le Dieu sauront l'usage qu'il faudra faire de ma lettre pour S. M.; je ne crois pas que ma petite prétention puisse souffrir de difficulté. Si on demande pour Boulhakow, on croira que c'est vous, et tout sera accordé, et puis c'est plutôt justice que grâce, puisque la chose était convenue et promise, et je vous avoue que cela me ferait grand plaisir. Je ne veux pas qu'on m'appelle sans raison Boulhakow le Napolitain. Présentez mon hommage au prince Léopold et rappelez lui les bals de Naples et de Palerme à la cour et la Grecque, à по ихнему la *miledy Moscovite*, que je leur fesait danser pendant trois heures. Combien de fois la reine, en s'approchant de moi, avait la bonté de me remercier de ce que j'animais ses bals. Je vous recommande S-t Clair: c'est un excellent garcon. Il nous donnait des dîners délicieux, il pourra vous dire comme je mangeais autrefois.

*

Москва, 15 Октября 1814.

Une de vos lettres a été remise à Marie au moment où nous allions au théâtre, l'autre je l'ai escamotée et je ne la lui rendrai que dans deux jours; j'aurai le tems de méditer quelque farce, mais il faudra un jour que votre tour vienne aussi. Marie est alleé au theâtre comme folle, me demandant toujours si le ballet était long; j'ai dis qu'il aura cinq actes; elle s'est mise à pester contre le compositeur, disait que c'est fort bête de faire du ballet si long, et tout cela pour revenir plus vite lire votre lettre. Ne pouvant pas maîtriser son impatience, elle n'a fait que lire votre épitre dans la loge, et je doute fort qu'elle sache si elle a été à un opéra ou a un ballet. Il était joli. Mais le sujet est: Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій. On a chanté des couplets en honneur des alliés qu'on a très bien reçus; mais quand ce fut le tour de l'Empereur, qu'on apporte des drapaux, des boucliers avec les mots: Leipsik, Brienne, Monmartre, Paris, quand les oura commencèrent, et que le chiffre parut en feu d'artifice: l'entousiasme fut porté à son comble et s'empara tellement du publik que même Marie quitta votre lettre pour dire. «C'est charmant! En vérité c'est charmant, il faut écrire cela à Constantin». Tormassoff était dans la loge de l'Empereur (c'est la fête de l'Impératrice-mère) et fut touché en voyant ces manifestations du zèle de la ville de Moscou.

Gallitzine le prince Alexandre (промотавшійся) ее дразнитъ, пугаетъ Багратіоншею, а она смѣется надъ нимъ. N'ayez pas peur, dit-elle, on ne me soufflera pas mon mari, comme on vous a soufflé votre femme. Cette vigoureuse répartie lui a ôté le goût des plaisanteries.—Nous sommes tous touchés de la bonté de l'Empereur, qui a daigné vous présenter

lui-même à l'Empereur François, on ne peut aimer médiocrement un ange comme cela, et je conçois, que m-r Laharpe ne puisse parler de son èleve sans une vive émotion. La ville dit que m-r Laharpe sera ministre de l'instruction publique. Vous m'avez tant dit de lui, que je désire qu'il vienne en Russie.

*

Москва, 19-го Октября 1814.

Изъ Петербурга пишутъ, что Конгресъ кончится гораздо скорѣе нежели ожидали и что Государь 15 Ноября будетъ уже на обратномъ пути въ Варшавѣ; тебя можно полагать слѣдовательно въ Москвѣ къ этому времени. Я проповѣдываю терпѣніе Марицѣ, а право имѣлъ бы самъ надобность въ проповѣдникѣ. Не успѣли мы пожить вмѣстѣ съ семьями нашими.

Vendredi il y a eu dîner chez le général pour Miloradowicz. Il n'a invité que les premières autorités de la ville, et moi j'étais le seul de la chancellerie avec Rounitch, qui en est le directeur. Cela m'a beaucoup flatté, car il n'y avait que 12 personnes. Le général, s'approchant de moi me dit: ты нашъ сегодня, обѣдай у меня. Et il rentra dans son cabinet. J'ai cru à cause de ce tutoyement que j'entendais, pour la première fois, que T. était trompé de personne, mais Wolkoff me rassura et ajouta: Je vous félicite. Votre faveur date d'aujourd'hui et la mienne d'avant-hier, car le général ne dit ты qu'à ceux qu'il aime particulièrement. У А. П. поваръ Дм. Львовича Нарышкина. Ну, братъ, что за столъ: объѣденье. Я сидѣлъ возлѣ Волкова, и мы взапуски пустились. На другой день былъ обѣдъ у графа Растопчина для Вяземскаго же героя, который часа съ четыре говорилъ о военныхъ происшествіяхъ. Сегодня даетъ ему балъ и праздникъ генералъ Вадковской.

*

Москва, 7-го Декабря.

Милый и любезный, братъ. Я въ большихъ хлопотахъ всю эту недѣлю. Завтра слушаютъ дѣло наше въ Сенатѣ. Слава Богу, все идетъ очень хорошо, даже сверхъ моего ожиданія. Почтенный этотъ и предобрый П. П. Нарышкинъ старается за насъ какъ другъ, какъ отецъ. Я былъ у всѣхъ сенаторовъ присутствующихъ въ 7-мъ департаментѣ. Я въ нихъ нашелъ Алексѣевыхъ другихъ. Всѣ безъ изъятія меня обнадежили: Алябьевъ, Кушниковъ и князь Масальской желаютъ нашего блага. Кн. Багратіонъ не присутствуетъ по родству, а Руничъ въ отпуску. Почтенной старикъ Алябьевъ меня наставилъ; я подалъ еще бумагу сегодня самъ въ Сенатѣ. Завтра рано надобно подать тетушкѣ также бумагу, et cela ira. Je n'ose pas, mon cher, vous don-

ner l'assurance positive que l'affaire soit décidée ipso facto dans le département sans aller au plénum, car tant de fois nous avons été trompés dans nos espérances; mais il paraît que le bien nous sera adjugé dans le département à voix unanime. Les sénateurs sont d'accord pour le fond; je crains seulement qu'il n'y ait diversité d'opinions dans le mode dont on décidera. Massalsky veut un докладъ en notre faveur à l'Empereur, et Aliabieff croit que le Sénat de son autorité doit nous donner la jouissance d'un bien qui nous est du. Vous voyez qu'en tout cas c'est toujours pour notre bien. Non, mon cher, Dieu sera pour la justice, et nous respirerons. Je ne puis vous dire l'intérêt qu'on nous témoigne. La cousine a été chez Massalsky hier; il lui a dit: ей, Анна Петровна, я вамъ говорилъ давно, помиритесь; а она увѣряетъ, что хлопочетъ для насъ же. Comme elle est méchante et comme elle croit les autres sots! Cet après-dîner je vais chez le premier procureur Ozéroff, c'est un ami de Tourgueneff. Enfin, mon cher, rien n'est négligé. Je donnerais dix ans de ma vie (c'est beaucoup pour un homme heureux comme moi), pour pouvoir vous annoncer, Lundi, que tout est fini et pour porter la tranquillité dans votre coeur. Attendons tout de Dieu et des braves gens. Je sais qu'il ne nous reviendra rien peut-être du bien, mais ce sera une douceur des tranquilliser les créanciens de papa, de rendre le repos à ses cendres, de payer à Faste les 29000 r., qui lui sont dus. Ne sont-ce pas de grandes jouissances! Quel bonheur, que je n'ai pas déchiré les lettres de la cousine; elles nous servent merveilleusement. Я ихъ недавно отыскалъ. Dites après cela qu'il y a des lettres insignifiantes!

*

Москва, 14-го Декабря 1814.

J'ai vu hier le pr. Massalsky; je lui ai demandé des nouvelles. Il me répondit: ты знаешь, что это наша тайна, говорить нельзя объ этомъ; только повторяю, что вамъ надобно будетъ вымѣнять образа трехъ сенаторовъ, которые много на себя берутъ.

Ну-съ, пріѣхалъ наконецъ Персидской посолъ 11-го числа. Весь городъ отъ 10 часовъ до 11 былъ на улицахъ, смотрѣть иной *посла*, иной *слона*; on n'a vu ni l'un, ni l'autre. Les éléphans sont restés à Woronej; l'ambassadeur était dans une voiture d'or à six chevaux, mais comme les glaces étaient gelées et que le Persan ne croyant pas rencontrer les personnes de connaissance ne jugea pas à propos de les baisser, on ne vit rien. En Angleterre le peuple eût cassé les glaces à coup de pièrres; ici on se contente de lui lacher des . . . . . ! Un garçon serrurier, qui avait probablement bu ses gants au cabaret et qui soufflait

dans ses doigts, voyant la procession finir disait à l'ambassadeur: ah, b..... b . . . où sont donc tous ces éléphants dont on nous a tant corné les oreilles! Cette sortie m'a beaucoup amusé. L'ambassadeur a été avant-hier au club de la noblesse. C'est un bel homme de 40 à 45 ans, de très beaux yeux noirs, barbe de même, une figure romanesque, des manières agréables, très richement vêtu, parlant bien l'anglais; il est instruit et a de l'esprit. J'ai admiré son aisance, tandis que 100 personnes couraient toujours après lui, en le regardant comme on regarderait un orang-outang. En entrant dans la grande salle, il s'arrêta et s'écria: cette salle est comme la nation Russe! Mais ce qui m'a beaucoup plu c'est la répartie qu'il a fait au gouverneur Spiridoff, qui lui demandait, comment il trouvait Moscou. L'ambassadeur répondit: il y a deux choses à dire, ou Bonaparte ne sait pas brûler les villes, ou bien les Russes les bâtissent bien vite. Я не сомнѣваюсь, что кабы дали сжечь этому сахару, онъ бы получше отпотчивалъ насъ. Онъ поживетъ съ недѣлю, а тамъ отправится въ Петербургъ.

*

Москва, 24-го Декабря 1814.

Я тебѣ не писалъ, любезный братъ, въ Понедѣльникъ, потому что въ пять часовъ утра воротился съ балу, который графиня Орлова давала для Персидскаго посла. Monsieur l'ambassadeur était fort gai. Il a trouvé la fête, la réunion charmante. «Pourquoi, dit-il seulement, a-t-on permis à toutes ces vieilles femmes de venir ici?» On lui expliqua que ces vielles femmes étaient les mères, les tantes des jeunes personnes, qui ne pouvaient pas sortir seules. Très bien, repliqua le Persan; mais est-ce que ces jeunes personnes n'ont pas des pères, des oncles. La maison de la comtesse est très belle, tout était très bien ordonné, mais mon Dieu, qu'il y a loin de tout cela à la fête du comte Rasoumofsky dont vous me faites la description dans votre № 32, que j'ai reçu hier. Tout le monde fait de grands yeux, et le vieux Warlam crie comme un possédé: Aha! ça va bien, voyez qu'est ce que c'est! Un Russe particulier donne à Vienne à son souverain une fête plus magnifique que toutes les fêtes de l'empereur de l'Autriche, ça va bien! Il fallait réellement une occasion comme celle-la pour faire paraître dignement ce superbe château que le comte André a bâti. On m'accable de questions, on voudrait les plans de ce palais d'Armide. Дурасовъ, le donner des festins, у меня спрашиваетъ, да развѣ нельзя здѣсь построить такой же домъ, завести зимній садъ, и je lui répond: да изволите-ка построить такой же Дунай, извольте развести такой же Пратеръ. Ces six orchestres, cet écho ne me sortent pas de la tête. J'ai dîné hier chez les nôtres. J'entre, naturellement première question des lettres, il n'y en a point; on me fouille,

rien. Qu'on nous donne au moins à dîner dit, Marie, j'ai faim. Eh bien, lui dis-je, cela vous paraît. Comment cela me paraît? J'ai faim, je veux manger. Vous n'avez pas faim, et vous ne dînerez pas. Nous entrons en disputant dans le salon, et Marie est fort étonnée, que je sache mieux qu'elle ce qui se passe dans son estomac. Je me met toujours à la même place à table, et elle aussi à côté de moi. Съли. Elle ôte sa serviette de dessus l'assiète. Que trouve-t-elle à côté des deux morceaux de pain? Votre lettre № 32: c'était une joie, un cri! Et en effet, comme je l'ai dit, elle n'a rien mangé et n'a fait que lire votre épître. Marie prétend qu'elle n'a jamais été si bien attrappée. Voilà comme je lui ai donné le № 31. Nous étions le soir chez eux. Что дѣлать? Давайте играть въ дураки. Je lui apprend ce jeu, mais comme elle regardait dans mes cartes, je mis les mains sous la table. Marie me presse de jouer, moi je crie: à tout! Et cela dit, au lieu de la carte je fais tomber votre lettre sur la table. Ну и тутъ порядочная была комедія. Марица хотѣла, чтобы былъ ты здѣсь завтра, а теперь говоритъ, что ежели завтра не будешь, то ужъ все равно: она готова ждать до Февраля. Ты можешь себѣ вообразить, что я истощаю все свое краснорѣчіе, дабы ее успокоивать.

C'est avec une joie bien vive, mon cher ami, que je vous annonce qu'hier l'опредѣленіе de notre affaire a été signé par messieurs les sénateurs. Слава Богу, любезный братъ, и вѣчная благодарность тремъ нашимъ покровителямъ! Можно дѣло полагать конченымъ; добрый Петръ Петр. досталъ мнѣ копію съ опредѣленія. И такъ избавились мы преній общаго собранія. Мы боялись прежде, что дѣло туда не перейдетъ и не попадетъ слѣдственно въ Совѣтъ, а теперь выходитъ, что дѣло кончено въ департаментѣ, минуя общее собраніе и всѣ проволочки. Послѣ завтра подпишется сходственно съ опредѣленіемъ Сената докладъ къ Государю, коимъ Сенатъ, излагая всѣ обстоятельства въ нашу пользу, испрашиваетъ утвержденія Государя по несоблюденію покойнымъ батюшкою токмо нѣкоторыхъ формъ въ завѣщаніи, имъ писанномъ. Я пишу Ив. Алекс. (экстракты изъ батюшкиныхъ писемъ къ нему весьма были полезны) о всемъ, а паче, чтобы убѣдить Трощинскаго скорѣе доложить; какъ скоро воспослѣдуетъ *быть по сему*, то Сенатъ тотчасъ предпишетъ палатѣ введеніе насъ во владѣніе. Какъ мы себѣ голову ни ломаемъ (пуганая ворона куста боится!), но не можетъ предвидѣть никакого обстоятельства могущаго испортить дѣло; надобно признаться, что здѣсь хватски все свахляли; cela n'a pas été sans peines, ni même sans dépenses. Nous avons des obligations infinies à ce respectable Narichkine, mais c'etait l'ami de papa, dont il révère la mémoire; nous ne sau-

rions assez reconnaître le zèle de monsieur Aliabieff et de Kouchnikoff, qui tous deux ne nous connaisent guère. Il a été un moment question de porter notre affaire au jugement de conscience; c'était sûrement favorable pour nous, mais cela aurait duré encore des années. Enfin, mon cher, remercions Dieu et réjouissons nous; mais, mon Dieu, par combien d'épreuves il a fallu passer! Tout cela s'oubliera vite. Теперь трудно рѣшить, надобно ли будетъ весною ѣхать въ Бѣлорусію; но, кажется, что очистится и намъ что нибудь за уплатою долговъ; банковый до 1812 года выплачивался съ процентами исправно; послѣ того не знаю, куда дѣвали доходы. Telle est, mon excellent frère, la position de nos affaires. Que j'étais loin de prévoir cette tournure favorable! Tout le monde s'en réjouit, la bonne tante y a beaucoup contribué par le papier que j'ai présenté a son nom au Sénat. Les Galitzines sont tout miel comme de raison, а я пугнулъ вчера тетушку. Прихожу къ ней: ну тетушка, васъ требуютъ въ Сенатъ на допросъ по вашей бумагѣ; теперь дѣло не наше, а выходитъ ваше, вамъ надобно судиться съ Ан. Петровн. и вести тяжбу. Il fallait voir la mine qu'elle a faite. Ну я знала, что вы меня втащите въ бѣды, заставили меня подписать бумагу.—Пишите, тетушка, пишите, ничего!—Вотъ тебѣ ничего! Да скажи батюшка, въ самомъ дѣлѣ штоль? Voilà donc la chère cousine flambée, mais nous la ferons repentir du mal qu'elle nous a fait et surtout d'une manière à laquelle elle ne s'attend nullement.

Эко счастіе Чижику!*) Комиссія даетъ ему еще 26000 за претерпенное раззореніе отъ Фафулей. Ces sommes se donnent pour dix ans sans intérêts. Mon beau-père reçoit 50000. Aussi quelles pertes!

(*Продолженіе будетъ*).

*) Т. е. князю Сергѣю Васильевичу Голицыну, супругу двоюродной сестры братьевъ Булгаковыхъ, дочери Маріы Ивановны Приклонской, о коей говорится выше.

О МНИМОМЪ ЕРЕТИЧЕСТВѢ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ЗОСИМЫ.

Въ исторіи Русской церкви есть еще немало такихъ страницъ, предъ которыми читатель останавливается въ большомъ затрудненіи, стараясь проникнуть въ смыслъ повѣствуемаго на нихъ. Лѣтописецъ, не мудрствуя лукаво, записывалъ все, что̀ казалось ему достойнымъ вниманія: пожаръ, хвостатую комету, падежъ скота и «знаменіе на небеси», записывалъ безъ связи и порядка, задавая такимъ образомъ будущему изслѣдователю трудную задачу создать изъ летучихъ замѣтокъ нѣчто цѣлое и единое. Къ такимъ темнымъ исторіямъ относятся умственно-религіозныя движенія конца XIV и конца XV вѣковъ, извѣстныя подъ именемъ ереси Стригольниковъ и Жидовствующихъ. Въ свое время та и другая сильно волновали Русскую церковь и общество, особенно послѣдняя. Если въ устахъ Іосифа Волоцкаго слѣдующія его слова не суть простая риторическая фраза, то «и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищѣхъ иноци и мірстіи и вси сомплись, вси о вѣрѣ пыташа» *). Тѣмъ не менѣе и доселѣ не установлено, въ чемъ состояло «жидовство» Новгородскихъ и Московскихъ еретиковъ, потому что, какъ замѣтилъ историкъ еще прошлаго вѣка, князь Щербатовъ, «въ лѣтописцахъ оная ересь не изъяснена». Но несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ ней не было ничего изъ того вѣроученія, именемъ котораго она была окрещена лишь вслѣдствіе простого недоразумѣнія. Неудивительно поэтому, что и на нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этого движенія установился взглядъ, весьма далекій отъ истины и даже ничего общаго не имѣющій съ нею.

Въ этомъ отношеніи замѣчательна участь Московскаго митрополита Зосимы, при которомъ «Жидовствующихъ» постигли первые удары судьбы. Издавна о немъ сложилось мнѣніе, какъ о самомъ хитромъ и нечестивѣйшемъ еретикѣ и даже отступникѣ отъ христіанства, который, по выраженію того же Іосифа Волоцкаго, «осквернилъ святѣйшій великій престолъ». Между тѣмъ, если разсмотрѣть безпристрастно все, что̀ гово-

*) Русская Историч. Библ., т. VI, ч. I, стр. № 120.

рятъ о немъ современныя извѣстія и взвѣсить ихъ на вѣсахъ исторической истины, отъ тяжкихъ обвиненій и слѣдовъ не останется.

Зосима былъ преемникомъ митрополита Геронтія. Когда сей послѣдній скончался, въ Маѣ 1489 г., то для избранія новаго первосвятителя великій князь назначилъ соборъ въ Москвѣ. По повелѣнію князя съѣхались: архіепископъ Ростовскій Тихонъ и епископы Нифонтъ Суздальскій, Симеонъ Рязанскій, Вассіанъ Тверской, Прохоръ Сарскій, Филоѳей Пермскій; Новгородскій же архіепископъ Геннадій прислалъ свою новольную грамоту. «И по благодати Божіей, повѣствуетъ лѣтописецъ, по избранію Святого Духа и изволеніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, и всѣхъ православныхъ епископовъ, и всего освященнаго собора Русскія митрополіи, изобраша архимандрита Симоновскаго Иосиму, яко достойна суща управляти Богомъ порученное ему стадо, и возведенъ на митрополичъ дворъ Сентября въ 19, а поставленъ митрополитъ всея Руси того же мѣсяца 26, въ недѣлю (1491)» [1]).

Зосима занялъ митрополію въ то время, когда изъ пьяной брани Новгородскихъ поповъ возникло слѣдственное дѣло, громадное и громкое, занимавшее всѣхъ—въ обитателяхъ великокняжескаго дворца, крестьянской избы и монашеской келіи [2]). Митрополитъ Геронтій, при которомъ ересь была обнаружена, не обратилъ на нее надлежащаго вниманія, потому ли, что она еще не дала себя знать въ слишкомъ рѣзкихъ чертахъ, или же, что̀ всего вѣроятнѣе, великій князь, расположенный подробно ее разслѣдовать, оказывалъ на него извѣстное давленіе. Но Зосима не могъ уже отнестись къ движенію съ легкимъ сердцемъ подобно своему предшественнику: имя еретиковъ у всѣхъ было на устахъ, и оскорбленному религіозному чувству требовалось дать удовлетвореніе. Поэтому не прошло и мѣсяца со времени избранія и поставленія новаго митрополита, какъ сей послѣдній открылъ соборъ изъ тѣхъ же членовъ и въ томъ же мѣстѣ «на развратниковъ вѣры христіанской». «Благовѣрный же и христолюбивый, истинный православія поборникъ .... князь великій Иванъ Васильевичъ со отцемъ своимъ святѣйшимъ митрополитомъ Иосимою всея Руси ... и со всѣмъ освященнымъ соборомъ Русскія митрополіи обыскаша ихъ скверныя ереси... и отъ святыя соборныя церкви отлучиша ... и проклятію предаша и въ заточеніе послаша» [3]). Къ этому лѣтописному извѣстію о дѣяніи

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 157—158.
[2]) Рус. Историч. Библ., VI, № 120.
[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 158—159.

собора историкъ Татищевъ присовокупляетъ, что когда всѣ члены его высказались за преданіе еретиковъ сожженію, тогда митрополитъ Зосима подалъ голосъ за то, чтобы осужденныхъ послать только на покаяніе въ Новгородъ: «Занеже, говорилъ онъ, мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшные обращати къ покаянію [1]). Очевидно и великій князь не хотѣлъ быть тѣмъ «Шпанскимъ королемъ» (Фердинандомъ II Католикомъ), который очистилъ свою землю отъ еретиковъ казнями и который въ глазахъ Геннадія, коль скоро мнѣніе митрополита взяло верхъ, сталъ идеаломъ правителя. Особымъ «поученіемъ» Зосима оповѣстилъ весь «православный родъ христіанскій» о наказаніи еретиковъ, и нельзя не пожалѣть, что этотъ интересный памятникъ не сохранился въ цѣлости, а только въ отрывкѣ. Судя по началу, онъ можетъ быть открылъ бы болѣе подробную картину судопроизводства, чѣмъ какая сохранилась у лѣтописца, и тѣмъ освѣтилъ бы какъ самую ересь, такъ и отношеніе къ ней Зосимы. Но и «поученіе», какъ и списокъ отреченныхъ книгъ, изданные митрополитомъ съ цѣлію оградить православныхъ отъ пропаганды «Жидовствующихъ», никакъ не можетъ свидѣтельствовать о его неправовѣріи [2]). Напротивъ, оба документа свидѣтельствуютъ только о томъ, что митрополитъ для борьбы съ еретиками избралъ такое оружіе, которое другими почиталось непригоднымъ, не мечъ и огонь, а слово убѣжденія.

Что такого характера была его дѣятельность, на это указываетъ также и составленная имъ пасхалія. Восточное вѣковое суевѣріе, что съ концемъ седьмой тысячи лѣтъ наступитъ и конецъ міра, пустило глубокіе корни и въ Русскомъ народѣ. Приближеніе 1492 года вызывало у него неподдѣльный страхъ и ужасъ. Это наивное простодушіе, котораго совсѣмъ были чужды «Жидовствующіе», давало имъ неистощимую пищу для ѣдкихъ насмѣшекъ надъ православными; тѣмъ болѣе, что у послѣднихъ съ страшнымъ седмитысячнымъ годомъ кончалась и пасхалія. При такихъ обстоятельствахъ Зосима почелъ за наилучшее написать расчисленіе на двадцать лѣтъ, поручилъ сдѣлать тоже арх. Геннадію и Пермскому епископу Филоѳею и когда въ трехъ таблицахъ, по сравненіи, не оказалось разницы, то обнародовалъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ «извѣщеніи», которымъ сопровождалась новая пасхалія, говорилось, что онъ «смиренный Зосима, митрополитъ всея Руси, трудолюбно потщився написати пасхалію на осьмую тысящу лѣтъ», запрещаетъ всякое иное лѣтосчисленіе: «Аще гдѣ обрящутся иныя

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, IV, стр. 110.
[2]) Рус. Историч. Библ., VI, №№ 115, 117.

сложенія... не по благословенію нашего смиренія и всего освященнаго собора... святыя соборныя апостольскія церкви отлучатся таковая мудрствующіе» [1]).

Кромѣ указанной дѣятельности, направленной непосредственно противъ еретиковъ, Зосима занимался конечно и текущими дѣлами митрополіи. Въ Ноябрѣ 1491 г. онъ поставилъ въ Коломенскіе епископы Угрѣшскаго игумена Аѳанасія, а въ Маѣ 1493 г. старца того же монастыря Спиридона на Сарскую епископію. Въ Февралѣ 1492 года онъ выдѣлилъ изъ своей митрополіи и изъ архіепископіи Новгородской въ посадѣ и городѣ Вологдѣ церкви и передалъ ихъ Пермскому епископу Филоѳею; онъ занимался постройками и проч. [2]).

Такимъ образомъ и эти скудныя, отрывочныя извѣстія изображаютъ митрополита дѣятельнымъ, энергичнымъ архипастыремъ, заботящимся о благосостояніи Русской церкви. По нимъ оказывается, что Зосима «еретикъ» сдѣлалъ для православія несравненно болѣе, чѣмъ свободные отъ всякихъ подозрѣній Геронтій и Симонъ, при чемъ указаній на то, чтобы онъ раздѣлялъ воззрѣнія «Жидовствующихъ», совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, лѣтописецъ, сообщая объ избраніи Зосимы въ митрополиты, говоритъ, что священный соборъ Русской митрополіи нашелъ его «яко достойна суща управляти Богомъ порученное ему стадо»; великій князь «побораетъ православію со отцемъ своимъ святѣйшимъ митрополитомъ»; Геннадій Новгородскій и другіе епископы относятся къ нему съ уваженіемъ, называютъ его «преосвященнымъ митрополитомъ» и т. д. [3]). Даже тогда, когда рѣчь идетъ объ оставленіи Зосимою митрополіи, повѣствователи ни слова не говорятъ о его еретичествѣ. По сказанію четвертой Новгородской лѣтописи, «Маіа 17 митрополитъ Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но непомѣрно питія держашеся и о церкви Божіей не радяше»; Псковская первая просто замѣчаетъ: «Того же (7002) лѣта сведенъ съ митрополіи Изосима», а Книга Степенная, умалчивая причину низведенія, сообщаетъ: «Зосима же митрополитъ за нѣкое преткновеніе превеликаго престола Русскія митрополіи вскорѣ лишенъ бываетъ» [4]). Но наибольше значеніе имѣетъ свидѣтельство собора святителей, собравшихся въ Москвѣ для избранія и поставленія новаго митрополита. Онъ извѣщалъ архіепископа Геннадія, что «отецъ Зосима митрополитъ, своея ради немощи, оставилъ столъ Русскія митрополіи, пришедъ во святую вели-

[1]) Тамъ же, №№ 116—119.
[2]) П. С. Р. Л., т. IV. стр. 38, 162, 160.
[3]) Тамъ же, стр. 158—159; Книга Степ. ч. II, стр. 154; Рус. Ист. Библ., VI, № 115.
[4]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 164; 268; ч. II, стр. 155; ч. I, стр. 477.

кую соборную церковь, предъ всѣми омофоръ свой на престолѣ положилъ и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовати, ни митрополитомъ нарицатися, и отойде въ монастырь въ смиренно иноческое жительство»[1]). Удалившись сначала въ Симоновъ Московскій монастырь, а потомъ въ Троице-Сергіевъ, Засима здѣсь оставался до самой смерти, при чемъ онъ былъ не только въ общеніи съ церковію, но даже сохранялъ свой святительскій санъ, пріобщаясь божественныхъ таинъ на орлецѣ во всемъ святительскомъ чину[2]).

Другимъ характеромъ отличаются свидѣтельства о Зосимѣ Волоцкаго игумена Іосифа. Рѣчь его, гдѣ только ему приходится говорить о митрополитѣ, такова: «... скверный, злобѣсный волкъ, оболкійся въ одежду пастырскую, иже чиномъ святитель, а произволеніемъ Іюда предатель и причастникъ бѣсомъ, иже оскверни, святительскій великій престолъ, овѣхъ убо жидовству уча, инѣхъ же содомски скверня; змій пагубный, мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, отступникъ Христовъ... діаволу прилѣпися... антихристовъ предтеча... свинскимъ житіемъ живый, сынъ погибельный... всегда скверняющійся мірскими скверна-ми... Уставы и писанія всѣхъ святыхъ отмеща: нѣсть, деи, втораго пришествія Христова; нѣтъ, деи, царствія небеснаго святымъ; умеръ, деи, инъ умеръ, по та мѣста былъ...» и т. д.[3]). Этотъ потокъ словъ, типичный вообще для древне-Русской полемики и тогдашняго ораторскаго краснорѣчія, отзывающійся памфлетомъ, обнаруживающій непримиримую ненависть игумена къ митрополиту, вызвалъ недовѣріе къ ихъ автору даже въ м. Макаріи, изслѣдователѣ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ сочувствіи къ своему отдаленному предшественнику[4]).

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основаны эти страстныя и запальчивыя рѣчи? Какія доказательства приводитъ Іосифъ въ подтвержденіе ихъ? Въ одномъ мѣстѣ своего Просвѣтителя онъ говоритъ, что когда нѣкоторые ревнители благочестія стали открыто поносить митрополита, обвиняя его въ «отступленіи» и Содомскомъ грѣхѣ, то такихъ непризванныхъ обличителей митрополитъ не допускалъ до таинства евхаристіи, а лицъ іерархическихъ лишалъ священныхъ степеней. Великій же князь упорныхъ подвергалъ различнымъ наказаніямъ: ссылкѣ, заточенію, темничному заключенію, лишенію имущества и проч.[5]). Но

[1]) Рус. Истор. Библ., VI, № 121.
[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 503.
[3]) Просвѣтитель, стр. 54, 58; Рус. Истор. Библ., VI, № 120.
[4]) Ист. Рус. церк., т. 17, стр. 104—105, 113.
[5]) Просвѣтитель, стр. 60—61.

приведенные факты не могутъ говорить о еретичествѣ Зосимы. Онъ и не могъ иначе поступать, защищая свой святительскій авторитетъ и православіе, въ которомъ не сомнѣвались ни представители церкви—епископы, ни власть государственная—великій князь. Было бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибы великій князь Иванъ Васильевичъ принялъ сторону митрополита и наказывалъ позорящихъ его вслѣдствіе «клеветы» и наговоровъ [1]): вѣдь дѣло подвергалось тщательному разслѣдованію, когда обвиняемые имѣли полную возможность доказать справедливость своихъ словъ, изобличить грѣховнаго святителя, и нельзя конечно допустить, чтобы великій князь, вопреки очевидной истинѣ, «осужалъ неповинныхъ». Говорить такъ, значитъ совершенно не знать этого государя: «подойти Державнаго» [2]) было весьма трудно, и самъ Іосифъ, не смотря на все свое стараніе, не смогъ этого сдѣлать. Извѣстно, каковъ былъ нравъ Ивана Васильевича. Родной его братъ Андрей умеръ въ тѣсномъ заточеніи; также окончилъ свою жизнь и внукъ его Димитрій, когда-то вѣнчанный имъ на Московское царство; князь Семенъ Ряполовскій, царскій родственникъ, былъ казненъ, да и многіе другіе примѣры показываютъ, что отъ руки его не спасало никакое положеніе, ни общественное, ни личное. Поэтому рѣшительно непонятно, отъ чего такъ милостиво было поступлено съ Зосимою: дана была возможность какъ бы добровольно оставить митрополію, а не лишили сана. Ужъ конечно сдѣлано это было не съ цѣлію избѣжать «соблазна» и «шума»: лѣтописи почти на каждой страницѣ повѣствуютъ, что на Москвѣ подобнаго рода дѣлами нисколько не стѣснялись. Вотъ, напр., что разсказываетъ лѣтопись изъ борьбы великаго князя съ митрополитомъ Геронтіемъ: «князь же великій не восхотѣ его, неволею не оставя митрополію; и посла къ нему Пасею (Паисія, игумена Троице-Сергіева монастыря) и не може ввести его въ то, *многажды убѣгалъ изъ монастыря, и имаша его*» [3]). Или: «тое же зимы (6996) биша поповъ Новугородскихъ по торгу кнутьемъ. Тое же зимы архимандрита Чюдовскаго били въ торгу кнутьемъ» [4]). Едва ли было бы больше соблазна въ томъ случаѣ, когда бы по соборному приговору Зосима былъ лишенъ своего достоинства, а не оставленъ въ монастырѣ, гдѣ онъ даже святительскія одежды носилъ и пріобщался св. таинъ: вѣдь, судя по словамъ Іосифа, о еретичествѣ Зосимы зналъ чуть ли не весь міръ...

---

[1]) Тамъ же, стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 54.
[3]) П. С. Р. Л., т. 17, стр. 236.
[4]) Тамъ же, стр. 238.

Какъ видимъ, одинокое свидѣтельство Іосифа вызываетъ немалыя недоумѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невольное сомнѣніе, такъ ли ужъ доподлинно онъ зналъ митрополита Зосиму и вообще ересь «Жидовствующихъ». Изъ житія Іосифова дѣйствительно явствуетъ, что до 1503 года, когда онъ былъ позванъ для участія въ составившемся въ Москвѣ соборѣ, Іосифъ ни съ кѣмъ изъ героевъ движенія не встрѣчался. Онъ не только не имѣлъ случая разсуждать о вѣрѣ съ Зосимою, но даже и не зналъ его лично. Всѣ свѣдѣнія, какія онъ имѣлъ о Московскихъ и Новгородскихъ событіяхъ, шли или отъ архіепископа Геннадія, также не бывавшаго въ это время въ столицѣ, или же отъ «достовѣрныхъ свидѣтелей», въ числѣ коихъ онъ называетъ своего роднаго брата Вассіана, инока того же Волоколамскаго монастыря [1]). Да и для тѣхъ, которые обращались съ митрополитомъ, «отступленіе» и «скверныя дѣла» его были вещью весьма гадательною, какъ это видно изъ собственныхъ словъ Іосифа. Въ посланіи къ Суздальскому епископу Нифонту онъ пишетъ: «а иные, господине, говорятъ—мы у него (митрополита) не слыхали ничего» [2]). Итакъ ясно, обвиненія Іосифа основаны на однихъ слухахъ, на той стоустой молвѣ, которая заставляетъ синицу море зажигать. Слухъ проникъ въ монастырскія келіи; но нужно ли говорить о томъ, какого рода этотъ источникъ и какую цѣну имѣютъ свѣдѣнія, почерпаемыя изъ него, особенно когда рѣчь идетъ о еретикахъ, весьма тщательно скрывавшихъ свое ученіе и дѣйствовавшихъ съ большою осторожностію?

Добродушный и гуманный митрополитъ Зосима былъ чуждъ того крайняго ригоризма, какимъ заявили себя Іосифъ, архіеп. Геннадій и ихъ приверженцы. Въ то время, какъ послѣдніе не знали пощады для заблуждавшихся и видѣли единственное средство доказать имъ истину въ огнѣ и мечѣ, первый говорилъ: «мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшные обращати къ покаянію». Этотъ евангельскій принципъ митрополитъ хотѣлъ приложить и къ Новгородскимъ еретикамъ. У Іосифа же всѣ были еретики, кто не раздѣлялъ его убѣжденій: еретикъ митрополитъ, еретикъ великій князь, еретикъ даже и такой подвижникъ, какъ пр. Нилъ Сорскій [3]). Необходимо думать, что въ этой коренной разницѣ во взглядахъ и крылась истинная причина непримиримой вражды и убѣжденія Іосифа въ еретичествѣ Зосимы. Въ своемъ ревнованіи о православіи онъ готовъ приписать ненавистному митрополиту все, что было тогда худого у Русскаго на-

---

[1]) Рус. Историч. Библ., т. VI, № 120.

[2]) Тамъ же.

[3]) Памятн. древне-рус. дух. письмен., Правосл. Соб., 1863, октябрь, стр. 209.

рода: «отступиша бо человѣцы отъ истины и отъ правды, отступиша братолюбія и нищелюбія, отступиша цѣломудрія и чистоты, и на сласти совратишася, зряще на сквернаго пастыря» [1]). Онъ не сомнѣвается даже, что наступило время антихриста, а митрополитъ его «предотеча» [2]). Іосифъ очевидно принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ не знаютъ границъ и если, по ихъ убѣжденію, что̀ худо, то это есть уже прямое исчадіе ада. Для него ясно было одно: еретиковъ нужно было жечь, рубить, вѣшать, словомъ, уничтожать всѣми средствами; кто этого не дѣлаетъ, тотъ самъ еретикъ. Такая аргументація въ устахъ святого игумена еще возможна; но трудно понять, когда и современные историки употребляютъ ее. Простое чувство человѣчности, выразившееся въ требованіи лишь *смягчить* участь осужденныхъ, высказанное также и пр. Ниломъ Сорскимъ, есть уже доказательство неправовѣрія!

Митрополита Зосиму обычно обвиняютъ еще въ томъ, что онъ тотчасъ по своемъ посвященіи будто бы нанесъ тяжелую обиду и оскорбленіе Новгородскому архіепископу Геннадію, главному обличителю «Жидовствующихъ», потребовавъ отъ него новаго исповѣданія вѣры и обязательства признавать его, митрополита, святительскій авторитетъ. Основаніемъ для такого обвиненія служитъ отвѣтъ Геннадія, изъ коего видно, что архіепископъ дѣйствительно счелъ себѣ за обиду требованіе митрополита. «Того бъ по старинѣ не бывало, что владыка на себя въ другіе исповѣданіе даетъ», писалъ онъ [3]). Но это была совершенная неправда. Если бы Геннадій справился въ архивѣ своей архіепископіи (замѣчаетъ по этому поводу профессоръ Павловъ), то убѣдился бы, что его предшественники, напр. Іона, давали не только «въ другіе, но и въ третіе» свое исповѣданіе [4]). Изъ посланія митрополита Ѳеодосія отъ 1481 года видно, что черезъ два мѣсяца по своемъ поставленіи онъ потребовалъ отъ упомянутаго Новгородскаго владыки исповѣданія, уже даннаго послѣднимъ умершему митрополиту: «...и ты бы, мой сынъ, какъ далъ еси свой обѣтъ... брату нашему митрополиту, въ началѣ, въ свое ставленіе, да и грамоту еси свою за своею подписью и печатію далъ, послѣ какъ брата моего Іоны митрополита, нынѣ тотъ же еси обѣтъ въ своихъ грамотахъ описалъ твердо»... [5]) Посланіе же архіепископа Іоны отъ 1464 года свидѣтельствуетъ, что онъ даетъ митрополитамъ обязательство повиноваться

[1]) Рус. Истор. Библ., VI, № 120.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, № 115.
[4]) Тамъ же, примѣч. I.
[5]) Рус. Историч. Библ., VI, № 95

уже не одинъ разъ [1]). Такую же грамоту и тому же митрополиту присылалъ и Тверской архіепископъ Геннадій (въ 1461 году) [2]). Это заставляетъ предполагать, что требованіе отъ Новгородскаго архіепископа и другихъ владыкъ, епархіи коихъ близко лежали къ границамъ Польско-литовскаго государства, давать новое исповѣданіе вѣры и обязательство повиноваться, исходило всякій разъ, какъ только на Москвѣ избирался новый первосвятитель. Причина тому была въ новомъ положеніи митрополіи, которая съ половины XV в. раздѣлилась на сѣверо-восточную и юго-западную, вмѣстѣ съ чѣмъ явилось и два первосвятителя. Утвердившійся въ Литвѣ митрополитъ старался привлечь на свою сторону не только юго-западныхъ епископовъ, но и искалъ сторонниковъ себѣ и въ Московской церкви. Особенно хотѣлось ему подчинить своей власти Новгородскаго архіепископа, съ каковою цѣлію къ послѣднему присылались и посольства, и грамоты [3]). Такъ какъ поводъ къ такимъ честолюбивымъ стремленіямъ подавали сами владыки Новгорода, находившіе слишкомъ тяжелою для себя зависимость отъ Московскаго митрополита, то неудивительно, что въ столицѣ имъ не очень-то довѣряли, хотя потомъ они и были Московскими ставленниками. Что таковъ именно былъ характеръ требованія митрополита, это ясно изъ отвѣтнаго посланія самого Геннадія. «А какъ есми исповѣдался предъ Богомъ и предъ избранными ангелы, такъ въ томъ исповѣданіи стою и теперь неподвижно: ниже къ Литвѣ посылаю грамоты, ни изъ Литвы ко мнѣ посылаютъ грамотъ, ни паки Литовскіе ставленники служатъ въ моей архіепископіи» [4]). Свою правоту Геннадій отстаиваетъ твердо; но другіе однако о немъ были иного мнѣнія. Вскорѣ по пріѣздѣ архіепископа въ Новгородъ среди монаховъ и соборнаго духовенства по рукамъ стали ходить какія-то грамоты, которыя распространились потомъ и «по Московской землѣ» и въ которыхъ его обвиняли въ еретичествѣ. Настоятель одного монастыря, Нѣмчинова, по имени Захаръ, открыто разсылалъ ихъ «по всѣмъ городамъ» въ теченіе трехъ лѣтъ и такъ огорчалъ Геннадія, что тотъ просилъ митрополита «оборонить» его отъ этихъ навѣтовъ [5]). Поэтому, если бы Зосима даже и не вѣрилъ распускаемымъ слухамъ относительно Геннадія, то и тогда въ интересахъ самого архіепископа онъ долженъ былъ потребовать отъ него исповѣданія; ибо какъ иначе могъ митрополитъ заградить уста клеветѣ и тѣмъ, которые ее распространяли? Съ другой стороны,

---

[1]) Тамъ же, № 99.
[2]) Тамъ же, № 94.
[3]) Тамъ же №№ 95, 99 100, и др.
[4]) Рус. Историч. Библ., VI, № 115.
[5]) Тамъ же.

Геннадій издавна пріобрѣлъ себѣ славу человѣка своего рода извѣстнаго. Еще будучи Чудовскимъ архимандритомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ спорѣ о хожденіи посолонь, и оба раза, когда возникали эти распри, шелъ противъ митрополита (Геронтія), становясь на сторону великаго князя [1]). Въ 1482 году за нарушеніе церковнаго устава и самоволіе Геннадій былъ наказанъ митрополитомъ и посаженъ «въ ледникъ» [2]); будучи Новгородскимъ владыкой, онъ незаконными мѣрами относительно причетниковъ-двоеженцевъ вызвалъ противъ себя ожесточеніе, при чемъ его не одобрили ни митрополитъ, ни великій князь [3]). Даже поставленіе во епископы Геннадія вызвало у современниковъ соблазнительные толки. Волоцкій князь Борисъ Васильевичъ письменно упрекалъ его въ томъ, что онъ «имѣніемъ приялъ святительскій санъ и мірскихъ князей помощію» [4]); а громкая его дѣятельность въ борьбѣ съ «Жидовствующими» закончилась самымъ неожиданнымъ и печальнымъ образомъ—сведеніемъ съ каѳедры за доказанное преступленіе: поставленіе іерархическихъ лицъ на мздѣ [5]). Какой выводъ слѣдуетъ изъ всего сказаннаго, ясно и безъ словъ.

Что̀ заставило Зосиму оставить митрополію, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ удаленіе его было недобровольное; но ни откуда не видно, чтобы оно находилось въ связи съ его еретичествомъ. Выше уже были приведены лѣтописныя сказанія по этому поводу, и только одно изъ нихъ говоритъ про непомѣрное питіе и нерадѣніе о церкви Божіей, какъ о причинѣ ухода митрополита. Что послѣднее обвиненіе совершенно неосновательно, это очевидно изъ ранѣе сказаннаго о его дѣятельности; да за это не лишили же каѳедры м. Геронтія, который, по словамъ Іосифа, «нимало попечеся» и «не радяше» о церкви [6]). Относительно же образа жизни всѣ изслѣдователи согласны, что на него положенъ такой густой слой грязи, подъ которымъ трудно доискаться истины [7]).

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, стр. 221, 232.

[2]) Тамъ же, стр. 233.

[3]) Акты Истр., I, № 101.

[4]) Рус. Истор. Библ., VI, № 113.

[5]) Полное С. Р. Л., VI, стр. 49, 244. Истор. Рус. Цер., м. Макарія, VI, стр. 120—121 примѣч. 166.

[6]) Просвѣтитель, стр. 53.

[7]) Невольно является вопросъ, не было ли обвиненіе „въ свинскомъ житіи“ при подобныхъ обстоятельствахъ своего рода общимъ мѣстомъ? Изъ исторіи напр. Византійской церкви извѣстны такіе случаи. Во время споровъ о такъ наз. *Ѳаворскомъ свѣтѣ* противники Григорія Паламы между прочимъ говорили, что „онъ, несчастный, не устыдился во святую великую Пятницу на страстной недѣлѣ ванны принимать для врачеванія своего

Вообще вынужденное оставленіе митрополіи само по себѣ не можетъ служить въ качествѣ обвиненія Зосимы. Изъ тринадцати святителей, бывшихъ на Московской каѳедрѣ по раздѣленіи митрополіи, только трое тихо и безмятежно скончали свой животъ во владычнихъ покояхъ; двое же ушли добровольно, одинъ не успѣлъ этого сдѣлать за своею скорою смертію, одинъ удержался только послѣ долгой и упорной борьбы съ великимъ княземъ, одинъ удушенъ, и пятерыхъ удалили съ престола насильно. Какъ видимъ, «преткновенія» были у всѣхъ митрополитовъ, и только весьма немногимъ удалось избѣжать ихъ. Очевидно, высокая честь носить достоинство Московскаго первосвятителя теперь давалась нелегко и нерѣдко вела къ серьезной опасности. Въ семи случаяхъ извѣстно, что митрополиты были удаляемы или сами удалялись изъ-за столкновеній съ государственной властію, и ни одного такого, когда бы оставленіе каѳедры вызывалось ихъ дѣйствительными недостатками. Указанное явленіе говоритъ о томъ, что церковь и государство обмѣнялись ролями. Нѣкогда почетнѣйшее и дѣйствительное наименованіе митрополита «отцомъ» теперь въ устахъ великаго князя сдѣлалось лишь давно привычнымъ титуломъ. *Говорилъ* и *дѣлалъ* «сынъ», великій князь, а «отецъ» долженъ былъ слушать и исполнять волю перваго. Оно и понятно: въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ требовалъ удаленія на покой Геронтія, въ составъ Московскаго государства не входило уже только три удѣла; а ордынскій ханъ Ахматъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что смотрѣлъ на Москву съ береговъ рѣки Угры. Ясно, «отцы» сослужили свою службу, Москва объединилась, Москва болѣе не падала ницъ предъ Татарской басмой, нужда въ нихъ миновала, и съ ними можно было говорить другимъ языкомъ, хотя бы напр. такимъ, какимъ заговорилъ тотъ же князь при поставленіи въ митрополиты Симона «...жезлъ пастырства, отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства во имя Господа Іисуса Христа и пречистыя Его Матери взыди, и моли Бога и пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи...» *).

Итакъ установившіяся новыя отношенія между властію свѣтскою и духовною вовсе не требовали еретичества, чтобы Зосима былъ уда-

тѣла и пользоваться пищей и питьемъ вопреки каноновъ и въ соблазнъ бывшимъ свидѣтелями монахамъ". Въ свою очередь и сторонники святого о противномъ имъ патріархѣ Іоаннѣ Калекасѣ докладывали правительницѣ Аннѣ Палеологъ, что онъ „изъ чрезмѣрнаго любочестія пренебрегаетъ церковію и проводитъ время въ царскихъ палатахъ... его ложь, обманъ и притворство, которые онъ обнаруживаетъ ежедневно, можно ли передать словами? Этотъ жалкій человѣкъ впалъ въ самое крайнее зло и, покинутый Богомъ, уклонился отъ православія въ ересь.".. и т. д. (Ж. М. Н. Пр., 1892, Февраль, стр. 410, 382).

*) П. С. Р. Л., VI, стр. 39.

ленъ. О митрополитѣ Варлаамѣ лѣтопись напр. говоритъ слѣдующее: «оставп митрополію Варлаамъ митрополитъ и сопде на Симоново, а съ Симонова сослалъ въ Волоцкой уѣздъ на Каменное» [1]). За что, почему—такъ и остается неизвѣстнымъ. Историкъ Карамзинъ поступаетъ основательно, высказывая только одно предположеніе: «неизвѣстно, увѣрился ли великій князь въ расколѣ (sic) митрополита» [2]); но другіе изслѣдователи, рисуя болѣе или менѣе живописно фантастическую картину низведенія Зосимы, выставляютъ его приверженность къ «Жидовствующимъ», какъ уже несомнѣнную причину его заключенія [3]). И вся-то увѣренность основывается на воплях Іосифа, требовавшаго «очистить церковь отъ пагубнаго змія». Забываютъ при этомъ, что не такъ-то ужъ они были громки и что великій князь никогда ихъ не слушалъ, успокоивая ревностнаго игумена лишь однимп обѣщаніями [4]). Государь нисколько не сомнѣвался въ православіи митрополита; о семъ не могло быть даже и рѣчи, какъ это видно изъ разговора его съ Іосифомъ. Въ 1503 году, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, Иванъ Васильевичъ каялся, что зналъ о ереси протопопа Алексѣя, Ѳедора Курицына и своей невѣсткп Елены Стефановны, но ни словомъ не упомянулъ про Зосиму [5]). Это ли еще не лучшее оправданіе памяти умершаго святителя? Если для извѣстныхъ писателей въ сужденіяхъ о митрополитѣ Зосимѣ нѣтъ болѣе высшаго авторитета, какъ писанія Іосифа, то на какую же высоту тогда поставить признаніе великаго князя, эти слова исповѣди [6])?

Ѳ. М. И.

---

[1]) Тамъ же, стр. 264.

[2]) Истор. Рос., VI, столб. 125, изд. Эйнерлинга.

[3]) Истор. Рус. Церк., м. Макарія, VI, стр. 112, 134; Истор. Рос., Соловьева, кн. I, столб. 1551—1552 и др.

[4]) См. Посланіе Іосифа къ архим. Митрофану, Чт. Об. Ист. и др. 1847, I.

[5]) Тамъ же.

[6]) М. Макарій въ качествѣ косвеннаго доказательства „жидовства“ Зосимы выставляетъ то обстоятельство, что имя его не упоминается въ синодикахъ, по которымъ совершалось поминовеніе Русскихъ митрополитовъ и другихъ іерарховъ въ Недѣлю Православія (Ист. Рус. Цер., VI, стр. 113, примѣч. 157). Но пропускъ его имени въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Въ синодикахъ пропущены также имена митрополитовъ Антонія (1572—1581 г.) и Діонисія (1581—1587 г.), въ православіи которыхъ никто не сомнѣвался; нѣтъ въ нихъ даже имени и пр. Нила Сорскаго; а онъ, какъ извѣстно, причисленъ Церковію къ лику святыхъ (Др. Рос. Библ., т. VI, стр. 435, 452, изд. 1788 г.).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РЕЙМСѢ (1717).

Все тысячелѣтнее прошлое королевской Франціи тѣсно связано съ Реймсомъ, нѣкогда главнымъ городомъ Гальскаго племени Ремовъ, упоминаемыхъ Цезаремъ еще въ 52 году до Р. Х. Здѣсь Св. Реми (Remigius) въ 496 году послѣ Р. Х. крестилъ перваго короля Франковъ Хлодвига; здѣсь вѣнчалась паша великая княжна Анна, дочь Ярослава Мудраго, съ королемъ Генрихомъ I, и Жанна д'Аркъ короновала Карла VII... Въ позднѣйшую эпоху Реймсъ сталъ какъ бы святилищемъ королевской Франціи. Въ немъ хранились королевскія регаліи, совершались обряды коронованія.

Петръ Великій, на пути изъ Версаля, 22 Іюня 1717 г. провелъ полдня въ осмотрѣ историческихъ сокровищъ Французской Москвы.

Въ современныхъ хроникахъ сохранилось описаніе его пребыванія въ Реймсѣ [1]). Самостоятельный характеръ великаго государя, чуждавшагося всякихъ безполезныхъ церемоніаловъ, прямо и рѣзко удовлетворявшаго своей жаждѣ видѣть и знать, живо сказывается въ лаконической монашеской лѣтописи. Поѣздъ царя, согласно приказаніямъ, даннымъ изъ Версаля, былъ обставленъ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ и королей Франціи. Интенданты провинцій заботливо сообщали другъ другу о привычкахъ и вкусахъ Московскаго гостя. Изъ Суассона, гдѣ уже онъ побывалъ, Нуанжель спѣшно писалъ въ Реймсъ: «Я приготовилъ царю ужинъ, гдѣ было много разной говядины, ветчины, языковъ, чернаго хлѣба,—нужно вамъ замѣтить, что все это очень по его вкусу...» Государь прибылъ въ Реймсъ около часа пополудни. Городскіе ворота были украшены царскимъ гербомъ и драпировками [2]). Передъ ними шпалерами стояла рота стрѣльцовъ (arquebusiers). Вдоль по улицамъ, вплоть до дворца архіепископа, куда ждали царя, также шпалерами стояли роты городской милиціи и лучники гвардіи губернатора. 36 пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили пріѣздъ... Но еще приближаясь къ городу, государь приказалъ ѣхать, избѣгая народной

---

[1]) Régistre des choses mémorables arrivées en l'abbaye de Saint-Remy de Reims de l'année 1643 à l'année 1764, стр. 68, и Recueil des cérémonies extraordinaires faites en l'église de Reims de 1606 à 1768, стр. 256.

[2]) Сохранились счеты. Декоратору заплачено было 16 ливровъ. Вообще на пріемъ городъ истратилъ 800 ливровъ.

встрѣчи, прямо въ абатство Св. Реми. Архіепископъ François de Mailly, duc de Reims, premier pair de France, долженъ былъ бросить всѣ приготовленія во дворцѣ и торопиться въ аббатство. Черезъ своего переводчика «князя Дуракина или Уракина» [1]) Петръ заявилъ, что желаетъ немедленно видѣть Sainte Ampoule [2]). Не обращая вниманія на архитектурныя чудеса храма, царь прямо прошелъ къ гробницѣ Св. Реми и долго разсматривалъ внимательно маленькій сосудъ, то и дѣло задавая вопросы черезъ толмача. По предложенію архіепископа, государь прошелъ затѣмъ въ залъ, гдѣ былъ накрытъ столъ. Не садясь (toujours debout), онъ отвѣдалъ нѣсколько «échaudez» [3]), перекрестился, выпилъ пива... и заявилъ, что хочетъ видѣть Sainte Ampoule болѣе подробно: хочетъ, чтобы открыли хрусталь, ее заслоняющій. Покуда посылали за ключами для сосуда, открывавшагося только во время коронаціи, Петръ ѣздилъ въ другой монастырь, Saint-Nicaise. Осмотрѣвъ церковь, онъ поднялся на стѣны и долго съ интересомъ смотрѣлъ на одинъ изъ ея зубцовъ, отличавшійся способностью дрожать при звукѣ колокола. По словамъ хроники, «il se plaça lui-même sur l'arc-boutant, et tenant à la main ses tablettes, il y écrivit ses observations...» Какъ характерна эта подробность! Какъ живо она рисуетъ великаго императора, жадно собиравшаго наблюденія за границею! Изъ С.-Реми Петръ проѣхалъ ненадолго во дворецъ, осматривалъ соборъ Notre-Dame и любовался его чуднымъ порталомъ. Вечеромъ онъ уѣхалъ...[4])

Для Русскихъ Реймсъ представляетъ спеціальный интересъ, такъ какъ въ его Музеѣ хранится знаменитое «Славянское» Евангеліе [5]), коронаціонная колекція барона де-Байя и портретъ князя Волконскаго, коменданта Реймса въ 1814 году [6]). Евангеліе, сберегаемое какъ величайшее сокровище, представляетъ древнюю рукопись формата in 4^0, въ ветхомъ розовомъ переплетѣ, на пергаментѣ, украшен-

---

[1]) Это, очевидно, князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, свояк Петра Великаго (они были женаты на родныхъ сестрахъ Лопухиныхъ), который въ послѣдствіи былъ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ и котораго превосходныя, многосодержательныя автобіографическія записки появились въ „Архивѣ Князя Ѳ. А. Куракина“ (его прямаго потомка въ 6-мъ колѣнѣ). *П. Б.*

[2]) Сосудъ со св. муромъ, которымъ помазывались короли. Ampoule — собственно стклянка съ выпуклыми стѣнками. *П. В.*—Въ разгаръ революціи, въ 1793 году, вожакъ простонародной толпы вынесъ эту многовѣковую святыню старой Франціи на Реймскую площадь и разбилъ ее молоткомъ въ дребезги. *П. Б.*

[3]) Старинное слово: пирогъ съ вареным мясомъ.

[4]) Свѣдѣнія взяты въ Реймсѣ, при содѣйствіи г. Jadart, секретаря Реймской Академіи.

[5]) По преданію оно привезено великой княжной Анной Ярославовной. Недавно это Евангеліе издано подъ редакціей L. Léger Реймской Академіею.

[6]) Это князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, будущій декабристъ, котораго братъ князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій въ это время былъ вицекоролемъ Саксонскимъ (мы видѣли бумаги съ его подписью Vice-König von Sachsen) и благодѣтельствовалъ Дрездену. *П. Б.*

номъ миніатюрами и заставками. На первой страницѣ его четкимъ стариннымъ почеркомъ написано: «Le vice-chancelier du Czar, qui avait passé à Reims le 22 juin 1717, y passant le 27, fit lecture de la première partie de ce livre avec deux seigneurs qui étoient avec luy, très facilement; ils disent que c'était leur langue naturelle et ne peuvent lire la seconde partie». Дѣйствительно, вторая половина манускрипта писана буквами, напоминающими Армянскій алфавитъ *).

Портретъ майора кн. Сергѣя Волконскаго представляетъ одно изъ воспоминаній Наполеоновскихъ войнъ. Назначенный во время окупаціи Шампани комендантомъ Реймса, князь Волконскій сумѣлъ снискать къ себѣ всеобщую любовь. Когда онъ уходилъ, ему поднесенъ былъ ларецъ, украшенный брильянтами, гербомъ Реймса съ надписью: «Au prince Wolkonsky la ville reconnaissante». Благодарный городъ, желая увѣковѣчить память врага, сдѣлавшагося другомъ, заказалъ знаменитому Перену портретъ князя. Онъ превосходно сохранился и представляетъ молодого офицера съ полковничьими эполетами перваго полка 8-й пѣхотной дивизіи. Лицо продолговатое, тонкое, брито, со спокойными голубыми глазами и густыми рыжеватыми волосами.

У каменной стѣны, заплетенной виноградомъ, старикъ Анро остановилъ меня: «Смотрите—это Русскій подарокъ». Я увидѣлъ засѣвшее въ камнѣ сферическое чугунное ядро 4 ф. калибра. Надъ нимъ надпись: «Par des Russes, 12 Mars 1814»... Это слѣды нашей бомбардировки. По этому поводу мнѣ разсказывали, какъ другой князь Волконскій, начальникъ штаба арміи Винценгероде, пощадилъ Реймсъ. Въ городѣ въ то время случайно находился аббатъ Маккаръ (Macquart), когда-то начальникъ дворянскаго пансіона въ Петербургѣ, бывшій наставникъ князя. Онъ явился въ нашъ лагерь и, благодаря его заступничеству, Реймсъ былъ избавленъ и отъ бомбардировки, и отъ «грабежа... Таково преданіе, которое здѣсь у всѣхъ на устахъ.

Извлечено изъ любопытной статьи г-на П. Вожина: „Поѣздка въ Реймсъ“ („Новое Время 1900, № 8716). Въ нашей печати довольно статей о пребываніи Петра Великаго во Франціи; но полной хроники доселѣ не имѣется, а между тѣмъ новыя о томъ показанія выходятъ на свѣтъ изъ архивныхъ тайниковъ. Обращаемъ вниманіе читателей на ту книгу „Архива Князя Воронцова“, въ которой адмиралъ Чичаговъ свидѣтельствуетъ, что Петръ удивлялся преобладанію довольства и роскоши въ Парижѣ и Версали сравнительно съ тогдашнимъ нищенствомъ Французскихъ деревень и выразился въ такомъ смыслѣ: „Если я замѣчу подобное за моимъ Петербургомъ, то первый зажгу его съ четырехъ угловъ“. *П. Б.*

*) Королева Викторія показывала княгинѣ Маріи Аркадіевнѣ Вяземской, какъ величайшую рѣдкость, нашъ Псалтырь и была изумлена, когда княгиня стала свободно читать ее. П. Б.

СЕНАТСКІЙ ПРИГОВОРЪ ПО ДѢЛУ ЖЕСТОКОЙ БАРЫНИ.

1766 года Декабря 14 дня, по указу ея императорскаго величества, Правительсвующій Сенатъ, слушавъ доношеніе С.-Петербургской Губернской Канцеляріи и по приложенной при томъ выпискѣ со мнѣніемъ по производившемуся сперва въ Главной Полиціймейстерской Канцеляріи, а потомъ въ С.-Петербургскихъ Розыскной Экспедиціи и наконецъ въ той Губернской Канцеляріи, о вдовѣ Маріѣ Ивановой дочери, женѣ тайнаго совѣтника Данилы Ефремова, въ битьѣ ею крѣпостной своей дѣвки Акулины Осиповой, которая послѣ того вскорѣ умре.

И по выслушаніи всего, имѣя разсужденіе, приказали: Поднесть ея императорскому величеству отъ Сената всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія.

Чрезъ произведенное въ С.-Петербургской Розыскной Экспедиціи слѣдствіе по дѣлу, вступившему изъ Главной Полиціймейстерской Канцеляріи, а въ ту Канцелярію по поданному при доношеніи войска Донскаго атамана Степана Ефремова команды его отъ бузоваго Татарина Аширалеева объявленію, открылось.

Т. сов. Данилы Ефремова жена, вдова Марья Иванова дочь, Мая 7 д. 1766 г., призвавъ въ квартиру свою артиллерійскихъ двухъ фузелеровъ и одного барабанщика, приказывала имъ сѣчь дворовую свою дѣвку Акулину Осипову дочь, которая ими и сѣчена батогами и послѣ того на другой день по утру умре. Прежде нежели слѣдствіе о томъ начато, однако того жъ числа, въ которое отъ атамана Ефремова поданное къ нему отъ Татарина Аширалеева и отъ него въ главную полицію объявленіе вступило, вдова Ефремова вѣдомства полицейскаго въ съѣзжемъ дворѣ, а потомъ и при слѣдствіи показывала (какъ то и наказателями и бывшими при ней служителями засвидѣтельствовано), что та дѣвка наказывана за чинимыя ею предъ ней Ефремовой противности, воровства и побѣги, и сѣчена весьма умѣренно, и умерла не отъ побой, а сама себя умертвила ядовитымъ зеліемъ, которое у нея при томъ наказаніи было во рту, но вынуть не успѣлись, и тѣхъ-де

зеліевъ нѣсколько найдено въ ея скарбѣ. А потомъ еще и отъ Татарина Аширалеева объявлена отданная ему отъ той дѣвки послѣ битья ея скляночка, которая отъ вдовы Ефремовой и представлена къ свидѣтельству. Но по свидѣтельству Медицинской Канцеляріи, то называемое ею Ефремовою ядовитымъ зеліе явилось составъ, употребляемой къ бѣленію лица, и кромѣ ртути и марказита ядовитаго ничего не найдено; по осмотру жъ Главной Полиціймейстерской Канцеляріи штабъ-лекаря и по анатоміи С.-Петербургскаго Госпиталя Конторы, по вскрытіи той дѣвки тѣла, внутри члены оказались здоровы, и отъ мышьяка въ животѣ ничего не найдено, а снаружи усмотрѣно на спинѣ антоновъ огонь и повидимому, что оный приключился отъ пребезмѣрнаго битья, отъ чего и умре. А законами повелѣно, воинскихъ артикуловъ 19 главы на 154 пунктѣ въ толкованіи: «Судьѣ надлежитъ гораздо смотрѣть, какимъ оружіемъ убитый убитъ или поврежденъ былъ, тѣмъ ли битъ, отъ чего могъ легко умереть, яко топоромъ, кольми, дубиною и прочимъ, или инымъ чѣмъ, яко малыми палочками и прочимъ, чѣмъ нелегко смертно убить возможно; въ которомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенное наказаніе произвести невозможно, но на разсмотрѣніе судейское предается; ежели жъ случится, что нѣкоторый главный подчиненныхъ своихъ за нѣкоторыя причины захочетъ наказать, а такое въ достойной и въ должности его чиновной ревности зло учинится, что наказанный отъ того наказанія умретъ, то вѣдати надлежитъ, что оный главный по мнѣнію правоучителей не животомъ, но жестоко имѣетъ быть наказанъ, либо оставленіемъ чина на время и службою рядовымъ, денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ». Во 158 артикулѣ: «Ежели случится смертный убой хотя не нарочно и не волею, чтобъ кого убить или поранить, однакожъ сочинитель того виновенъ есть, понеже убійство отъ того произошло, и тако наказаніе исполнится надъ виноватымъ, по дѣлу и состоянію онаго и какую въ томъ вину имѣетъ или тюрьмою, или денежнымъ наказаніемъ, шпицрутеномъ, или сему подобнымъ». На сей пунктъ въ толкованіи: «Въ семъ случаѣ можно виноватому церковное покаяніе возложить купно съ другими наказаніями».

Сенатъ, разсуждая по симъ законамъ открывшіяся въ семъ дѣлѣ обстоятельства, хотя не находитъ того, чтобъ предписанная вдова Ефремова къ смертному убійствву дѣвки ея имѣла умыселъ, а потому и умышленнымъ смертоубійствомъ считать не можетъ; но осмотръ полицейскаго штабъ-лекаря и анатомія С.-Петербургской Госпитальной Конторы свидѣтельствуютъ, что та дѣвка по видимому умерла отъ приключившагося ей антонова огня отъ безмѣрныхъ побой; а за тѣмъ

и не можно ее во всемъ оправдать, но надлежитъ, въ силу вышеупомянутыхъ воинскихъ артикуловъ, за таковой въ неумѣренномъ наказаніи поступокъ предать ее Ефремову церковному покаянію. Но какъ она жена тайнаго совѣтника, а сей чинъ по табели о рангахъ положенъ въ рангѣ генерала-поручика, то Сенатъ собою того опредѣлить не можетъ, а все оное всеподданнѣйше подвергнувъ въ высочайшее ея императорскаго величества благоволеніе, проситъ указа.

Слѣдуютъ подписи графа Скавронскаго, князя Козловскаго и оберъ-секретаря Анисима Князева.

*

Въ усиленіи крѣпостничества обыкновенно обвиняютъ у насъ императрицу Екатерину Вторую. Правда, при ней запрещено было крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ, утверждено крѣпостное право въ Малороссіи, усилена раздача многихъ сотенъ тысячъ крещеной собственности временщикамъ и любимцамъ; но на ряду съ этимъ, мы встрѣчаемъ рядъ наиболѣе громкихъ процессовъ по обвиненію помѣщиковъ въ злоупотребленіи власти, обыкновенно кончавшихся далеко не въ пользу виновныхъ. Нерѣдко Императрица сама направляла ходъ слѣдствія и предупреждала приговоры высшаго суда, склоннаго потворствовать мучителямъ. При Екатеринѣ II разрѣшились дѣла Салтыковой, Эттингерши, Шеншина и многихъ другихъ. При ней же было уничтожено закрѣпленіе военноплѣнныхъ не-христіанскаго вѣроисповѣданія, а потомъ вообще всѣхъ вольныхъ людей [1]). Въ 1771 году состоялось запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли [2]).

Какъ видно изъ Наказа, передъ созывомъ Комиссіи 1767 года, Императрица явно стояла за ограниченіе помѣщичьей власти. „Не можетъ земледѣльчество, говоритъ она въ своемъ Наказѣ, процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго“. „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы онѣ съ большимъ осмотрѣніемъ располагали свои поборы“, читаемъ мы тамъ же.

Извѣстно, что въ первоначальной редакціи Наказа статьи о крѣпостныхъ занимали очень видное мѣсто; но въ цензурѣ лицъ, которымъ Императрица читала свои предначертанія, они сократились до послѣдней степени. Въ дошедшемъ до насъ черновомъ отрывкѣ рукописи Наказа имѣются, напримѣръ, слѣдующія мысли: „Законы должны о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости, и въ болѣзни не были оставлены... Надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего (т. е. суда помѣщика надъ крестьянами), по которому бы не оставалось нималаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи“. Далѣе высказывается желаніе образовать судъ изъ

[1]) Указъ 20 Окт. 1783 г. П. С. З. № 15853.

[2]) Указъ 5 Авг. 1771 г. П. С. З. № 13634.

крестьянъ, „для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное“. Это были тѣ самыя правила, про которыя одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени, Панинъ, выразился, что они способны renverser des murailles *). Въ Комиссіи 1767 г. вопросъ о крѣпостныхъ вызвалъ ожесточенныя пренія; всякія улучшенія въ быту помѣщичьихъ крестьянъ отрицали представители родового Русскаго дворянства князь Щербатовъ и Чаадаевъ. Не въ томъ иномъ, какъ въ большинствѣ высшаго сословія, крѣпостное право нашло свою опору и защиту, и съ нимъ пришлось считаться единомышленницѣ Монтескье.

Сенатъ, хранитель законовъ, высшая апелляціонная судебная инстанція, наперекоръ разуму и чувству, всячески въ своемъ приговорѣ постарался выгородить виновницу страшнаго дѣянія; не будучи въ состояніи совершенно обѣлить тайную совѣтницу Ефремову, онъ подвелъ ее подъ смягчающія обстоятельства, предусматриваемыя Воинскимъ Уставомъ и притомъ въ отношеніи воинскихъ же начальниковъ и подчиненныхъ.

Какое было рѣшеніе Государыни, остается неизвѣстно.

В. Грибовскій.

*) Т. е. подорвать стѣны.

ИЗЪ ВАТИКАНСКАГО АРХИВА ВЪ РИМѢ.

Въ Ватиканскомъ Архивѣ въ Римѣ, при моемъ просмотрѣ документовъ, относящихся къ исторіи Россіи, въ папкѣ подъ наименованіемъ „Polonia-Russia, № 344, Add. II, обратила на себя вниманіе приводимая ниже реляція. Къ сожалѣнію, реляція эта не имѣетъ ни подписи автора, ни числа и года*), когда и откуда написана; но одно то, что она сохраняется въ числѣ бумагъ Архива, и изображаетъ политическое положеніе разныхъ государствъ Европы, побуждаетъ меня, не смотря на ея анонимность, привести здѣсь этотъ документъ въ переводѣ и въ подлинникѣ.

Въ той же папкѣ находится письмо графа П. А. Румянцова изъ Яссъ отъ 22 Мая 1772 г. на Французскомъ языкѣ.

П. Прокоповичъ.

1 Іюля н. ст. 1900 г. Римъ.

Стокгольмскій парламентъ сталъ серьозной помѣхою власти короля, который могъ бы воздержаться отъ его открытія, если бы примѣръ двухъ предыдущихъ (сеймовъ?) не далъ ему основанія надѣяться на полученіе новыхъ субсидій отъ настоящаго. Сословіе крестьянъ сдѣлалось до того многочисленнымъ, что приверженцы двора не могли сопротивляться ихъ голосамъ, и король почти потерялъ всю свою власть, пріобрѣтенную имъ во время переворота. Какъ только сеймъ закрылся, король принялъ у себя въ лагерѣ Сканіи (nel campo della Scania) Датскаго наслѣднаго принца (principe reale), а затѣмъ отправился въ окрестности Копенгагена, чтобы имѣть свиданіе съ Датскимъ дворомъ. Эти взаимныя посѣщенія позволяютъ надѣяться на скорое исчезновеніе старинной ненависти и подозрѣній, существовавшихъ столько времени между этими двумя націями. И если бы Данія не была такъ сильно связана съ Россіей владѣніемъ герцогства Гольстинскаго, то флоты Шведскій и Датскій могли-бы, навѣрное, оспаривать у Россіи Зундскій проливъ и владѣніе сѣвернымп морями. Въ Петербургѣ, между двумя партіями, которымъ почти въ равной степени благопріятствуетъ царица, зрѣютъ сѣмена разногласія. По случаю годового праздника восшествія на престолъ Екатерины, друзья Безбородко (Betzborodko)

*) Почти навѣрное можно сказать, что реляція писана въ первую половину 1786 года. П. Б.

были осыпаны почестями и подарками и получили важныя назначенія, между тѣмъ какъ приверженцамъ Потемкина не было оказано ни малѣйшей милости. Оттого первые уже поютъ побѣду, тогда какъ послѣдніе не теряютъ надежды добиться въ другой разъ своей цѣли, помня о сильномъ вліяніи Потемкина на душу царицы, проявлявшемся нѣсколько разъ. Недостатокъ настоящихъ денегъ въ этой имперіи заставляетъ прибѣгать къ увеличенію количества банковыхъ нотъ (кредитокъ), которыхъ въ оборотѣ уже было на 90 милліоновъ рублей, а фабрикуется въ настоящее время свыше 30 милліоновъ. Къ этому воображаемому богатству надо прибавить 60 милліоновъ мѣдной монеты, которая, благодаря своей императорской печати (чеканкѣ), получаетъ стоимость вдвое больше противъ ея внутренней цѣнности, такъ что въ настоящее время въ Россіи циркулируетъ 150 милліоновъ рублей на основаніи (въ силу) общественнаго довѣрія. Отъ этого происходятъ два неудобства: первое, что увеличеніе количества размѣнныхъ (наличныхъ) денегъ вызываетъ дороговизну всѣхъ предметовъ; второе, что государственная казна переполнена знаками, которые не приносятъ никакой пользы при веденіи сухопутныхъ или морскихъ войнъ внѣ Русскихъ владѣній. Императрица испытываетъ неудовольствіе по поводу вѣстей изъ Парижа, что молодой Русскій путешественникъ Бобринскій, къ которому она питаетъ особенную привязанность, предался весь пьянству, игрѣ и неограниченному разврату. Если этотъ господинъ останется на свѣтѣ при смерти герцога Курляндскаго, то полагаютъ, что царица ему отдастъ это (феодальное) владѣніе, которое съ прекращеніемъ фамиліи Кеттлера находится въ распоряженіи Русскихъ, какъ Молдавія и Валахія—Турокъ. Относительно этихъ двухъ провинцій, расположенныхъ между Чернымъ моремъ, Польшей и Трансильваніей, ходятъ въ Польшѣ нѣкоторые слухи, и неизвѣстно, на сколько имъ можно вѣрить. Говорятъ, что императрица Россіи, нуждаясь въ помощи Цезаря противъ Турокъ, расположена позволить ему захватить эти двѣ провинціи, что̀ имѣетъ очень важное значеніе для усиленія ея власти въ Польшѣ, и готовится къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ въ этомъ королевствѣ. Но разъ царица не отказалась отъ мысли завоевать Турецкую имперію и продолжать пользоваться Польшей какъ провинціей своего государства, то она не можетъ позволить, чтобъ могущество Императора на столько усилилось въ тѣхъ мѣстахъ. Въ первомъ планѣ раздѣла Турецкой имперіи Императоръ ограничился предполагаемымъ присоединеніемъ Сербіи, Босніи и части Болгаріи, а Молдавія и Валахія предназначались князю Потемкину съ титуломъ герцога. Затѣмъ онъ направилъ свои желанія и гордость къ основанію королевства отъ береговъ Каспія до береговъ Чернаго моря, гдѣ нѣкогда царилъ Мит-

ридать; но Татары Leschiz (Лешицкіе?), кажется, намѣреваются задержать завоеваніе Русскихъ войскъ, которыя тамъ сражаются неудачно уже полтора года съ имамомъ Мансуромъ, Татарскимъ вождемъ, авантюристомъ великаго ума и мужества. Онъ распространилъ слухъ, что онъ изъ рода Игамасъ Кёликанъ (Ihamas Kölikan). Недавно въ Ливорно онъ принялъ христіанство. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, Африкѣ и Азіи. Онъ хорошо говоритъ по татарски, арабски, новогречески, французски и итальянски, но пользуется суевѣріемъ для того, чтобы лучше удерживать подъ своими знаменами народы, надъ которыми онъ властвуетъ. Турки его поддерживаютъ оружіемъ, аммуниціей и провіантомъ и позволяютъ публично продавать въ Константинополѣ за его счетъ рабовъ, захваченныхъ для него въ Грузіи, гдѣ немногіе Русскіе плохо поддерживали народности, передавшіяся во власть Императрицы. Эти событія могутъ, пожалуй, быть прелюдіей къ жестокой войнѣ на Востокѣ. Г-нъ Булгаковъ не добился благопріятнаго результата отъ рейсъ-эффенди, котораго онъ просилъ не помогать Татарамъ, уступить Грузію Царицѣ и позволить ей назначить Русскаго консула въ Варнѣ. Диванъ понялъ наконецъ, что сколько бы онъ ни соглашался на многочисленныя требованія Царицы, она никогда не удовлетворится вполнѣ, и что совѣты Франціи, побудившей его уступить Кубань и Крымъ, не были совѣтами друга и союзницы. Муфти далъ приказъ (un festa) великому визирю лучше подвергнуть себя опасности войны, чѣмъ уступить больше одну деревню съ цѣлью сохранить миръ. Увидимъ, что́ произойдетъ въ Россіи отъ такой непривычной твердости мусульманъ. Венеціанамъ бы не слѣдовало усиливать подозрѣній Турокъ выказываніемъ своей особенной дружбы съ Русскими; иначе имъ придется жалѣть о нарушеніи нейтралитета, который имъ такъ необходимъ при настоящей ихъ разслабленности. Неурядицы въ Аахенѣ скоро прекратятся, за то въ Голландіи онѣ ростутъ замѣтнымъ образомъ, такъ что провинція Голландія рѣшила окончательно вырвать изъ рукъ штатгальтера власть президента въ Гаагѣ. Это рѣшеніе было принято десятью депутатами противъ девяти, которые стояли за губернатора. Французы подожгли огонь и чтобы показать, что они желаютъ прекращенія пожара, они немного дуютъ въ него, потому что штатгальтерство Голландіи дѣло рукъ Англичанъ. Возможно, что, будь уже на тронѣ братъ принцессы Оранской, которому предоставлено разрѣшеніе этого дѣла, то оно не кончилось бы такъ спокойно.

Французы только того и добиваются, чтобы вредить Англичанамъ, и только хотѣли бы, чтобы въ Европѣ не возникло никакой причины къ поднятію оружія раньше, чѣмъ они не почувствуютъ въ себѣ до-

статочныхъ силъ для разрыва отношеній съ Англіей. Поэтому они стараются удерживать Императора отъ оказанія помощи Царицѣ противъ Турокъ, не противятся вліянію Прусскаго двора въ имперіи, и хотѣли бы остаться въ союзѣ съ Австрійскимъ домомъ и пріобрѣсти дружбу Бранденбургской династіи. Но единственный проектъ морской лиги между Франціей, Голландіей, Испаніей и Португаліей былъ нарушенъ трактатомъ, заключеннымъ Англичанами въ Мадридѣ относительно береговъ Мусквито (въ Мексикѣ) и колоній Англійскихъ и Испанскихъ въ тѣхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ Англійскій посолъ въ Мадридѣ былъ увѣряемъ графомъ Флорида-Бланка, что Испанскій король уже не войдетъ въ эту морскую лигу, направленную противъ Англіи. Въ скоромъ времени появится въ свѣтъ коммерческій трактатъ, заключенный между Прусскимъ королемъ и федеративными штатами Америки, который составитъ эпоху въ исторіи международнаго права, по причинѣ философскихъ началъ, принявшихъ въ немъ форму закона по отношенію къ свободѣ и безопасности торговли между націями, ведущими войну на морѣ, и относительно способа сдѣлать войну менѣе жестокою для частныхъ лицъ, къ войскамъ непричастныхъ, и главнымъ образомъ ля купцовъ, крестьянъ, литераторовъ и духовныхъ лицъ. Можно пожелать, чтобъ этотъ трактатъ послужилъ основой для подобныхъ въ будущемъ трактатовъ въ Европѣ.

Relazione.

La Dieta di Stockolm è stata di grave pregindizio all'autorità del Re il quale avrebbe potuto passarsi di convocarla se l'ésempio delle due anteriori non gli avesse dato speranza d'ottenere nuovi sussidj dalle presente. L'ordine dè Paesani è stato cosi numeroso, che i partigiani della Corte non hanno potuto stare a fronte dé loro abbondanti suffragj e il Re per poco che ha perduta tutta l'autorità acquistata nella rivoluzione. Chiusa la Dieta egli ha ricevuto nel Campo della Scania la visita del Principe Reale di Danimarca, e si è appresso recato nelle vicinanze di Coppenhagen per rivedere la Corte di Danimarca. Questa visita reciproca fa sperare che saranno estinti alla fine gli antichi odj, e svaniranno i sospetti ne'quali vivevano da tanto tempo queste due Nazioni. E se sa Danimarca non fosse si ben collegata colla Russia a cagione del Possesso del Ducato d'Holstein certo le flotte Svedesi e Danesi potrebbono contendere alla Russia il passo del Sund, e l'Impero de' Mari del Nord. In Pietroburgo fermentano i semi di domestiche dissenzioni fra due parti quasi ugnalmente favorite dalla Czara. All'occasione dell'Anniversario del Regno di Caterina gli aderenti di Betzborocko hanno ricevuto onori, ricompense e cariche rilevanti, senza che i clienti di Pottemckin abbiano partecipato alla minima grazia; onde i primi già cantano vittoria, mentre i secondi non perdono la Speranza di rinscire un'altra volta al loro intento memori de'reiterati effetti del gran predominio de' Pottemckin sull'animo della Czara. Il disetto di vera moneta in quell'Impero fa ricorrere all'aumento delle cedole di Banco, delle quali già ne aveva per 90 millioni di Rubli in corso, ed oltre a 30 millioni se ne fabbricano al presente. Aggiungasi a questa ricchezza immaginaria 60 millioni di moneta di rame, a cui il suo conio imperiale dà un valore di una volta cotanto della sua valuta intrinseca: cosicchè circolano al presente in Russia 150 millioni di Rubli fondati sulla fede pubblica. Da ciò due mali derivano, ii

primo che la moltiplicazione del contante fa rincarire i prezzi d'ogni cosa, e il secondo che l'Erario imperiale è ripieno di cedole esso pure, le quali non sono d'alcun giovamento per le spese di guerra terrestre, e marittima fuori de Dominj Russi. L'Imperatrice prova il dispiacere d'intendere da Parigi che ilgiovine viaggiatore Russo Bobzinscky, per cui ella ha un particolare affetto, s'è dato alla crapola, al ginoco, e alla voluttà oltre ogni misura. Se questo Signore sarà al mondo alla morte del Duca di Curlandia credesi che l'Imperatrice lo investirà di quel Fendo, che dopo l'estinzione della Famiglia de Kettler è alla disposizione de'Russi, come la Moldavia, e la Valacchia de Turchi. Circa queste due Provincie poste fra il Mar Nero, la Polonia, e la Transilvania, corrono al presente certi rumori in Polonia, á quali non si sa quanta fede s'abbia a prestare. Dicesi che l'Imperatrice di Russia, bisognosa dell'ajuto di Cesare contro i Turchi, sie disposta a concedergli l'acquisto di queste due Provincie, le quali sarebbono per lui di somma importanza per rinforzare la sua dominazione in Polonia, e apparecchiansi a maggiori acquisti in quel Reame. Ma se la Czara non ha deposto il pensiere di far la conquista dell' Impero Turco. e di continuare a prevalersi della Polonia come di Provincia di suo Dominio, non potrà mai permettere che l'Imperatore cresca tanto in potenza in quelle parti. Nel primo piano di scompartimento dell'Impero Turco l'Imperatore s'era ristretto all'acquisto della Servia Bosnia, e parte della Bulgaria; ed era stato assegnato al Principe di Pottemckin la Moldavia, e la Valacchia col titolo di Duca. Appresso egli avea volte le mire, e l'ambizione a fondare un Reame dalle Sponde del Caspio alle Rive del Marnero, ove altre volte regnò Mitridate; ma i Tartari Leschiz sembrandisposti a ritardar quell'acquisto alle armi Russe, le quali combattono colà da un anno e mezzo con avversa fortuna con *Iman Manschur* capo de'Tartari, e un avventuriere di mente, e di valor grande. Egli ha divulgato che è della schiatta di *Ihamas Kôlikan* si fece Cristiano tempo fa in Livorno. Ha viaggiato in Eurôpa, in Affrica, e in Asia. Parla bene il Tartaro, l'Arabo, il Greco moderno, il Francese, e l'Italiano; ma usa della supetstizione per tener meglio sotto i suoi stendardi popoli, su'quali signoreggia. I Turchi lo soccorrono d'armi, e di munizioni da bocca e da guerra, e lasciano vendere publicamente in Costantinopoli a suo conto glischiavi per esso fatti in Georgia, ave non pochi Russi hanno mal sostenuto que'popoli datisi in balia dell, Imperatrice. Questi eventi potrebbono esser preludio d'aspra guerra verso l'Oriente. Mr. de Bulgackoff non ha ricevuto favorevol risposta dal Reis Effendi alle istanze fattegli di non soccorrere i Tartari dicedere alla Czara la Georgia, e di concederle lo sta bilimento d'un console Russo in Warna. Il Divano s'è accorto alla fine che per aderire ch'esso abbia fatto alle replicate istanze della Czara non l'ha mai appieno soddisfatta, e che i consiglj della Francia, da'quali s'è lasciato indurre a cedere la Crimea e il Kuban, non eran consiglj da amica e alleata. Il Mufti ha dato al gran signore un Festa, che gl'impuone di esporsi piuttosto a'pericoli della guerra, che dicedere più un solo villaggio ad effetto di conservar la pace. Vedremo che nascerà in Russia da tal non usata fermerza de'Mussulmani. I Viniziani faranno bene di non accrescere i sospetti de'Turchi col mostrare troppa familiarità co'Russi, che altrimente potranno pentirsi d'aver rotta la neutralità, la quale alla lor presente fia ccherza tanto si confà. I rumori d'Aquisgrana si calmeranno in breve; ma quelli d'Olanda crescono a segno, che la Provincia d'Olanda ha risoluto di levar recisamente dalle mani dello stadthouder il comando del prosidio dell'Haia. Questa risolutione è stata presa da dieci Deputati contro nove, i quali stavano per lo Standthonder. I Francesi hanno appiccato il fuoco, e per mostrare ch'e facciano di bramare che l'incendio s'estingua vi soffiano un poco dentro perchè lo Stadthonderato d'Orlanda è opera dege' Inglesi. Forse che se il fratello della Principessa d'Oranges fosse già sul trono, al quale è destinato quest'affare, non finirebbe tranquillamente.

I Francesi non hanno altro in mira, che di nuocere agl'Inglesi, e vorrebbono che non nascesse in Europa verun motivo di mos aad'arme fintantochè non si ravviveranno in loro le forze per romperla coll'Inghilterra. Perciò si affaticano di ritener l'Imperatore dal porgere ajuti alla Czara contro i Turchi, non si oppongono alla Corte di Prussia nell'Impero, e vorrebbono rimanere in lega con la Casa d'Austria, e acquistar l'amicizia

di quella di Brandeburgo; ma il solo progetto di lega marittima fra la Francia, l'Olanda, la Spagna, e il Portogallo è stato rotto dal trattato concluso dagl'Inglesi in Madrid rispetto alle spiagge di *Musquito*, e agli stabilimenti Inglesi, e Spagnuoli di que'luoghi: mentre il Ministro d'Inghilterra a Madrid è stato accertato dal Conte di Florida-Blanca che il Re di Spagna non entrerebbe più in quella lega marittima contraria all'Inghilterra. In breve uscirà alla luce il trattato di commercio concluso fra il Re di Prussia, e gli stati confederati d'America, il quale farà epoca nella Storia del diritto pubblico, acagione delle massime filosofiche, che vi hanno preso forma di legge riguardo alla libertà, e sicurerza del commercio fra le Nazioni guerreggianti per mare, e circa il modo di render la guerra terrestre men grave a'particolari non addetti alle armi, e principalmente a'Mercanti, Coltivatori, Letterati, ed Ecclesiastici. E da desiderare che questo Trattato serva di testo a que che si concluderanno per l'avvenire in Europa.

Письмо графа П. А. Румянцова *).

Votre Excellence Monseigr. l'Amiral.

Il a plu a S. M. Impériale de me donner le plein pouvoir, pour traiter et convenir d'une Amnistie générale entre les deux Armées beligérantes selon les avances que la Porte Ottomanne a faites pour faire cesser la guerre présente; et pour que cette Amnistie conclue en mon nom pour arrêter les hostilités eût aussi lieu sur les opérations de la Crimée et de la Mer Noire avec un accord unanime d'avoir le même effet en Asie du côté de la Géorgie. En conformité de cette proposition, Moi et le grand Vizir Moussonzade Mechmet Pacha, chef de leur Armée ayant de même plein pouvoir de son Souverain pour cette Négociation par nos Commissaires mutuels: de mon côté le Conseiller M-r de Simolin et du côté du Grand Vizir Abdoul-Kerim Effendi, Président de la chambre de Milice à cheval, qui se sont donnés le Rendez vous à Giuirgevo avons conclû et affermi le 19 de ce mois de Maj l'amnistie générale pour faire arrêter les hostilités de toutes les deux parties; et a raison de cela ayant donné mes ordres pour tous les endroits où il était nécessaire de la savoir en y joignant l'Acte de cette Amnistie, pour que toute sorte des Opérations de cette guerre cessent pendant le tems dont on y est convenu. J'ai en meme tems l'honneur de communiquer la Copie de cette convention à Votre Excellence pour que vous en soyez parfaitement instruit à fin que vous puissiez faire part dons vos Ordres a tous ceux qui dépendant de Votre direction soyent dans le cas de s'y conformer. Au reste j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus parfait De Votre Excellence Le très humble et très obeissant serviteur C. Roumantzoff.

Jassy, le 22 Maj 1772.

(Archivio Seggreto della S. Sede.—Polonia-Russia. 97. 344. Add. II.).

*) Соблюдено подлинное правописаніе.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

Среда, въ которой человѣкъ проводитъ свою молодость, имѣетъ великое на него вліяніе: она создаетъ въ немъ тѣ идеалы, которые онъ сохраняетъ на всю жизнь.

Хорошо, когда эта среда не идетъ въ разрѣзъ и не противорѣчитъ началамъ религіи и нравственности, насаждаемымъ родителями въ своихъ дѣтяхъ, какъ это слишкомъ часто бываетъ въ настоящее время, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ явились въ нашемъ обществѣ непрошенные и непризванные проповѣдники-лжеучители, которые даже измыслили собственныя Евангелія. Общество, въ которомъ зрѣетъ юноша, разумѣется, есть счастливая случайность и можетъ только развить и дополнить то, что̀ юноша пріобрѣлъ въ своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ отъ хорошихъ родителей.

Говоря о хорошихъ родителяхъ, я вспоминаю о нашей семейной жизни въ селѣ Ошейкинѣ и прежде всего считаю долгомъ почтить память моего отца и матери.

Съ душевнымъ волненіемъ до сихъ поръ вспоминаю я о своей покойной матери и, принимаясь о ней говорить, невольно сравниваю ее съ собою и чувствую всю свою нравственную убогость. Такой несокрушимой вѣры, чистоты и кротости я въ жизни никогда ни въ комъ не встрѣчалъ. Я не могу вспомнить безъ глубокаго душевнаго умиленія про неустанныя и нѣжныя, хотя трезвыя и благоразумныя, ея заботы о всѣхъ насъ. Когда я думаю о своей молодости, то цѣлый рой разныхъ случаевъ проявленія ея материнской любви къ намъ толпится въ моей головѣ. Образъ этой святой женщины встаетъ предо мною, какъ живой. Она была замѣчательно стройная, немного выше средняго роста, держалась всегда прямо, но безъ принужденія; всѣ движенія ея были немного медленны и граціозны, но безъ всякой рисовки. Замѣтна была въ ней съ дѣтства большая выдержанность: это

*) См. выше, стр. 239.

былъ типъ настоящей аристократки. У нея были каштановые волосы, и довольно длинные локоны окаймляли ея нѣсколько продолговатое лицо. Глаза у нея были большіе, голубые, бирюзоваго цвѣта, некруглые, по миндалеобразной формы; бровп ея были какъ нарисованныя, прямыя, спускаясь только по концамъ. Взглядъ ея былъ необыкновенно кроткій и свѣтлый; носъ чрезвычайно тонкій, Греческій, съ самой легкой горбиной посреди; ротъ маленькій, подбородокъ небольшой. Словомъ, правильныя черты ея лица могли бы служить хорошему художнику-скульптору прекрасной моделью для изображенія Греческой статуи.

Среди ея многочисленныхъ занятій по нашему воспитанію (она присутствовала часто при нашихъ урокахъ), по хозяйству, по садоводству и по благотворительнымъ своимъ заведеніямъ, которыя она посѣщала часто, она еще находила возможнымъ много удѣлять времени своему мужу, который ее боготворилъ и безпрестанно за ней посылалъ, чтобы между дѣломъ, во время отдыха отъ своихъ трудовъ, которыхъ у него всегда было въ избыткѣ, побыть съ нею и отдохнуть возлѣ своей кроткой спутницы и друга. Ей на все доставало времени.

Скоро ихъ чета, какъ въ семьѣ, такъ и между знакомыми, прослыла образцомъ супружескаго счастія. Дѣйствительно, я не помню, чтобы въ продолженіе десятилѣтняго нашего пребыванія въ с. Ошейкинѣ я когда нибудь замѣтилъ какое нибудь несогласіе между отцомъ моимъ и матерью, хотя въ однообразной и тихой деревенской жизни всякая особенность принимаетъ размѣры событія, и по всей вѣроятности я помнилъ бы, если бы какое нибудь несогласіе между родителями произошло при мнѣ.

Сколько разъ я въ своей жизни вспоминалъ тѣ святыя материнскіе нравоученія и совѣты, которые она мнѣ давала, и какъ часто она мнѣ указывала путь, или останавливала меня на краю пропасти? Ея слова оставались какъ-то невольно въ памяти; они были просты, ясны, сжаты и отличались особымъ краснорѣчіемъ, потому что они проникнуты были всегда духомъ Евангельскимъ и глубокою вѣрою.

И такова наша слабая человѣческая натура, и до такой степени сильны въ человѣкѣ животные инстикты, что человѣкъ можетъ такъ часто, во время своей бурной молодости, забывать даже и подобныя наставленія, преподанныя ему такою матерью!!

Теперь, дожпвши до старости и оборачиваясь назадъ, я сознательно могу судить и оцѣнять то вліяніе, которое моя мать имѣла на

меня въ продолженіи моей жизни. Увы! Почему ея нѣтъ теперь въ живыхъ, чтобы я имѣлъ возможность исправить ошибки моего прошлаго по отношенію къ ней, а именно: недостатокъ вниманія и любви; словомъ, вознаградить ее за все, что она сдѣлала для меня, неблагодарнаго, своего любимаго, сына? Я чувствую, что я остался передъ ней въ какомъ-то огромномъ неоплатномъ нравственномъ долгу.

Наше дѣтство было самое счастливое подъ эгидою этой идеальной матери, при правильномъ распредѣленіи занятій и среди самой тихой и невозмутимой деревенской жизни.

Наша старая нянька Татьяна Осиповна была настоящій неподражаемый типъ хорошей Русской няньки прежняго времени. Привязанность ея къ намъ была безграничная, такъ же какъ ея неутомимость. Она была чрезвычайно набожная, добрая, но не доводила своей доброты съ нами до баловства.

Она выростила шестерыхъ изъ насъ; затѣмъ, кончивъ свое дѣло, она долго служила въ нашемъ домѣ экономкой и наконецъ въ глубокой старости докончила свой вѣкъ на пенсіи у меня въ подмосковномъ имѣніи, гдѣ и похоронена возлѣ церкви.

Она въ послѣдніе годы своей жизни крѣпко была огорчена тѣми заботами, которыя должны были, по ея глубокому убѣжденію, несомнѣнно сопровождать для меня великое дѣло освобожденія крестьянъ. Замѣчательно при этомъ то глубоко тронувшее меня обстоятельство, что, чувствуя близкій свой конецъ, она приказала просить меня къ себѣ. Когда я пришелъ къ ней въ ея небольшую, но чистенькую комнатку, она, усадивъ меня около своего изголовья, умоляющимъ, но твердымъ голосомъ передала мнѣ свою послѣднюю волю, которая состояла въ томъ, чтобы я изъ ея капитала, накопленнаго изъ ея сбереженій за 50 лѣтъ ея службы у насъ въ домѣ, сдѣлалъ бы всѣ указанные ею расходы на ея погребеніе и вклады въ церкви за упокой ея души, входя при этомъ во всѣ подробности самыхъ похоронъ.

Когда послѣ этого оказалось, что за всѣми этими расходами изъ ея капитала остатокъ представлялъ довольно крупную относительно сумму въ 300 рубл., то эта трогательная женщина и вѣрная слуга со слезами отъ волненія и умоляющимъ голосомъ стала меня просить не отказать ей принять отъ нея это наслѣдіе, наивно, но чистосердечно полагая, что эти 300 рубл. могутъ облегчить меня въ моемъ, завѣдомо ей извѣстномъ, страшно-затруднительномъ и тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе эмансипаціи и требуемыхъ за симъ по имѣнію отъ меня значительныхъ расходовъ.

Я былъ нѣсколько пораженъ этою неожиданностью и очень растроганъ. Чтобы не огорчить добрую старуху въ такую минуту, я долженъ былъ на ея нѣсколько разъ повторенную усердную просьбу отвѣтить моимъ согласіемъ, успокоивъ ее, насколько это было возможно, относительно достатка моихъ будущихъ денежныхъ средствъ, такъ какъ она видимо надѣялась своими 300 рублями спасти меня отъ казавшагося ей конечнаго разоренія. Разумѣется, послѣ ея смерти, не полагая этимъ взять большой грѣхъ на душу, я внесъ эти деньги вкладомъ отъ ея имени въ нашу деревенскую церковь.

Возвращаясь къ моему дѣтству, я долженъ сказать, что мы трое старшихъ, т. е. братъ мой Борисъ, сестра Елена и я, составляли въ семьѣ старшую группу дѣтей, имѣвшихъ общія игры и занятія и тѣсно связанныхъ между собою дружбою. Я страстно любилъ своего старшаго брата и во всемъ ему подражалъ, а сестрѣ оказывалъ всегда помощь и свою протекцію.

У каждаго изъ насъ неподалеку отъ дома въ саду были свои маленькіе садики, которые мы украшали и устраивали сами; посреди былъ выстроенъ для насъ домикъ круглый, въ которомъ была мебель и хранились наши садовые инструменты.

Я помню при этомъ одинъ своеобразный случай со мною, а именно. Недолго интересовалъ меня мой собственный садикъ, въ которомъ я ограничился только посадкой двухъ картофелинъ; я нѣсколько разъ принимался за работу въ моемъ садикѣ, но работа какъ-то не спорилась; она страшно меня какъ-то утомляла, и я съ отчаянія бросалъ свою лопатку или грабли. Но все данное намъ на это занятіе время я усердно употреблялъ для распланировки и украшенія цвѣтами садика моей сестры, въ которомъ я работалъ неустанно, съ особеннымъ удовольствіемъ и трудился въ по́тѣ лица, разумѣется съ помощію одного изъ садовыхъ мальчиковъ. Садикъ же мой оставался въ полномъ запустѣніи и одичаніи, кромѣ двухъ огромныхъ кустовъ картофеля, выросшихъ отъ посаженныхъ мною сѣмянъ и которые имѣли очень большой успѣхъ въ семействѣ, такъ какъ по вырытіи моими собственными руками огромнаго количества превосходнаго картофеля, я имѣлъ удовольствіе отдать его на кухню и угощать за ужиномъ все семейство собственными трудами выращенною любимою овощью. Старшій же мой братъ былъ очень прилеженъ и учился лучше всѣхъ насъ.

Сестра моя была живая дѣвочка и любила играть со мною въ мужскія игры, тогда какъ братъ въ тоже время любилъ заниматься

ея куклами. Мы были вообще рѣзвыя и здоровыя дѣти и рѣдко болѣли. Самымъ большимъ удовольствіемъ нашимъ было катанье верхомъ по праздникамъ и ежедневныя наши прогулки пѣшкомъ въ с. Брыково, верстахъ въ двухъ разстоянія.

Мы часто по воскресеніямъ ѣзжали съ нашимъ ментором въ с. Лотошино къ бабушкѣ. Къ сосѣдямъ насъ не возили, за исключеніемъ старухи Марьи Степановны Татищевой, жившей въ семи верстахъ отъ насъ и питавшей къ намъ какую-то особенную нѣжность. Марья Степановна придумывала для насъ разныя игры и забавы, между прочимъ катанье съ горъ въ зимнее время. Въ этомъ случаѣ она всегда насъ поручала своему самому ловкому лакею Дмитрію Баранову, который былъ мастеръ этого дѣла и каталъ насъ съ необыкновенною ловкостью всѣхъ поочереди. Слишкомъ 20 лѣтъ спустя, этотъ самый Дмитрій Барановъ, уже женатымъ человѣкомъ, поступилъ ко мнѣ по возвращеніи моемъ съ Кавказа. Онъ состоялъ на должности моего камердинера 36 лѣтъ и затѣмъ, въ глубокой старости, со всѣмъ своимъ семействомъ дожилъ у меня на пенсіи въ подмосковномъ моемъ имѣніи Покровскомъ, гдѣ и былъ похороненъ рядомъ съ моей нянею Татьяной Осиповной. Замѣчательно, что даже подъ старость всякій разъ, когда доходили до него слухи о какой нибудь мнѣ наградѣ или о какомъ нибудь моемъ повышеніи, онъ собиралъ свое семейство и праздновалъ этотъ день, какъ день семейной радости. Миръ праху вашему, слуги добрые и вѣрные. Вы несомнѣнно въ числѣ праведниковъ на небеси и молите Бога о насъ грѣшныхъ!.. Гдѣ нынче подобные люди, воспитанные въ страхѣ Божіемъ и въ самомъ строгомъ исполненіи своего долга? Увы! отнынѣ и въ будущемъ нѣтъ никакой надежды когда нибудь встрѣтить въ нашемъ простонародьи подобныхъ людей.

Все семейство Дмитрія Баранова было замѣчательно кроткое и проникнутое христіанскимъ вѣроученіемъ. Дѣти его, кромѣ сына, помѣщеннаго мною въ Земледѣльческую Школу и оказавшагося впослѣдствіи неудачникомъ, служили и до сихъ поръ служатъ въ моемъ домѣ съ свойственною имъ кротостью и беззавѣтною преданностью. Жена его и сестра ея пережили старика и кончили долгій вѣкъ свой въ моемъ домѣ примѣрными христіанками.

Въ продолженіе 50 лѣтъ, подобныхъ старыхъ слугъ (разумѣется съ разными оттѣнками нравственнаго достоинства) дожило свой вѣкъ на пенсіи въ моей подмосковной человѣкъ до семи, и никто изъ нихъ не былъ съ молоду изъ числа нашихъ крѣпостныхъ людей.

Чтобы вернуться къ милому нашему Ошейкину и къ нашей юности, я долженъ сказать, что мы очень любили нашего гувернера Дюбуа (Dubois), краснощекаго, веселаго Швейцарца, человѣка откровеннаго, честнаго и практическаго ума. Онъ умѣлъ насъ учить и умѣлъ забавлять. Уроки начинались въ 8 часовъ утра и продолжались только до часу, т. е. до завтрака.

Занимаясь съ нами, Дюбуа ставилъ намъ отмѣтки по четырехбальной системѣ, при чемъ общая сумма баловъ у каждаго изъ насъ ежедневно имѣла большое значеніе; ибо, по окончаніи завтрака, мы выходили на стрѣльбище въ садъ, и каждый изъ насъ имѣлъ право дать столько выстрѣловъ изъ нашихъ маленькихъ пистолетовъ въ цѣль, сколько получалъ баловъ за свои отвѣты въ этотъ день. Этотъ способъ поощренія насъ очень забавлялъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ шутя мы выучились отлично стрѣлять. Послѣ этого мы всегда дѣлали съ г-номъ Дюбуа хорошую прогулку пѣшкомъ. Послѣ обѣда у насъ не было занятій, а только приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню.

Гувернантка моей сестры, mademoiselle Ле-Руа (Le Roy), которая давала намъ уроки, была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ле-Руа скорѣе походила на методистку: всякій вечеръ она исповѣдывала мою сестру во всѣхъ ея грѣхахъ, записывая ихъ въ нарочно разграфленную книгу. Мы ее побаивались, хотя она была очень добрая женщина или, выражаясь точнѣе, среднихъ лѣтъ дѣвица.

Уроки наши шли ровно и хорошо, благодаря установившемуся согласію между нашими наставниками. Эта симпатія между ними впослѣдствіи окончилась тѣмъ, что, прожившіи у насъ шесть лѣтъ, они уѣхали, въ годъ нашего переѣзда на зиму въ Москву, обратно въ Швейцарію, вступили въ бракъ и поселились въ городѣ Нюшателѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто пастора.

Скоро пролетѣло это блаженное время нашего дѣтства, проведенное безвыѣздно въ любимой нами деревнѣ. Наступило, наконецъ, время отправиться семейству на зиму въ Москву для дальнѣйшаго нашего образованія. Грустно намъ было разставаться съ милымъ Ошейкинымъ: съ уютнымъ домомъ, съ прелестнымъ садомъ, гдѣ каждое дерево было посажено нашимъ отцомъ и гдѣ столько было для насъ воспоминаній. Я по нѣскольку разъ ходилъ прощаться съ каждымъ уголкомъ, который казался мнѣ красоты невыразимой.

Странно, какъ въ дѣтствѣ любимые наши предметы всегда кажутся намъ въ болѣе изящныхъ формахъ и въ болѣе подкупающихъ

краскахъ, чѣмъ они въ дѣйствительности. Я хорошо помню наприм., какъ особенно мнѣ казалось хорошо освѣщеніе нашей дѣтской лампадою большого образа подъ стекломъ въ кіотѣ, Покрова Богородицы. Не только въ этомъ освѣщеніи было для меня что-то волшебное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно-таинственное, но самое изображеніе имѣло въ себѣ что-то сверхъестественное, пзящное и чарующее.

Подобныя-же, точно чарующія впечатлѣнія производили на меня разнородные предметы, какъ-то напримѣръ: лицо моей матери, которое мнѣ казалось необыкновенной и чудной красоты, равно какъ нѣкоторые цвѣты на большомъ балконѣ, передъ которыми, когда я бывалъ одинъ (а это было обыкновенно рано утромъ до чая), любилъ я подолгу останавливаться и любоваться ими; старая наша липовая аллея близъ дома, когда яркое солнце ее освѣщало и длинныя тѣни ложились отъ нея на гладкую зелень газоновъ—меня также очаровывала, какъ и два мостика со сводами на пруду, соединяющіе оба берега съ островомъ и очаровательно для меня отражавшіеся въ водѣ? Всѣ эти впечатлѣнія до сихъ поръ совершенно ясно сохранились въ моей памяти.

Такъ какъ я принадлежалъ къ числу дѣтей болѣе мечтательныхъ и сосредоточенныхъ, то повидимому разлука наша съ дорогимъ нашимъ Ошейкинымъ подѣйствовала болѣе на меня, чѣмъ на моего брата и сестру.

Глубокою осенью мы выѣхали въ Москву, гдѣ помѣстились въ большомъ домѣ князя Гагарина (нынѣ Бутурлиной) на Знаменкѣ. Въ этомъ огромномъ домѣ мы жили съ бабушкой, моими двумя тетушками и съ моимъ дядей княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ, который женатъ былъ на княжнѣ Александрѣ Борисовнѣ Голицыной, сестрѣ извѣстной тогда своею благотворительностью Татьяны Борисовны Потемкиной.

Дядя мой князь Сергѣй Ивановичъ былъ въ свое время блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, удостоился быть флигель-адъютантомъ при государѣ Николаѣ Павловичѣ, когда флигель-адъютантовъ было еще весьма немного, и въ первую Турецкую кампанію заслужилъ Георгіевскій офицерскій крестъ при взятіи Варны, получивъ во время штурма этой крѣпости весьма тяжелую рану. Впослѣдствіи онъ исполнялъ разныя важныя порученія, былъ командированъ въ Сибирь и, уже произведенный въ генералъ-маіоры свиты, вышелъ въ отставку и поселился навсегда на южномъ берегу Крыма, гдѣ у него было имѣніе, которое впослѣдствіи было куплено Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. По поводу неожиданной отставки дяди князя Сергѣя

Ивановича, которая нимало удивила всѣхъ его друзей, знавшихъ, что онъ былъ на такомъ хорошемъ счету и что его быстрая карьера сулила ему блестящее будущее, одинъ острякъ изъ его друзей сказалъ: «Никогда никто изъ Мещерскихъ не былъ честолюбивъ и не сдѣлалъ въ сущности блестящей карьеры; одинъ только князь Сергѣй Ивановичъ находился на этомъ пути, но какъ только былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, до того испугался такого высокаго положенія, что немедленно вышелъ въ отставку».

Въ помѣстительномъ домѣ князя Гагарина мы всѣ размѣстились очень удобно. Уроки наши пошли своимъ чередомъ, и скоро жизнь наша вошла опять въ обычную свою колею.

По случаю нашего пріѣзда дѣдушка Николай Сергѣевичъ Всеволожскій далъ у себя дѣтскій вечеръ съ танцами, что̀ было для насъ величайшимъ событіемъ, такъ какъ въ первый разъ въ жизни мы были позваны на балъ. Я помню, что на этомъ балу я смотрѣлъ на танцующихъ, которыхъ было довольно много, съ усиленнымъ вниманіемъ, и мнѣ было очень стыдно вслѣдствіе того обстоятельства, что я еще не умѣлъ танцовать. Изъ всѣхъ танцующихъ я помню, что привлекала всѣхъ болѣе мое вниманіе дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, танцовавшая съ особенною врожденною граціей, со спокойствіемъ и достоинствомъ въ лицѣ. У нея были весьма тонкія черты лица, длинныя темныя рѣсницы; чудные ея черные волосы гораздо ниже пояса висѣли двумя тяжелыми сплетенными косами. Она вдругъ приковала къ себѣ все мое вниманіе, и я застылъ на мѣстѣ, любуясь ею въ какомъ-то сердечномъ умиленіи. Я, разумѣется, не понималъ что̀ со мною дѣлалось въ эту собственно минуту, но помню, что я находился въ какомъ-то блаженномъ состояніи и что пуще всего страшился, чтобы кто нибудь не замѣтилъ того, что̀ со мною происходило. Смѣшно теперь это сказать, но я, какъ видно, просто былъ влюбленъ. Странное и необычайное явленіе для мальчика девяти лѣтъ.

Когда мы возвратились домой и насъ всѣхъ уложили спать, то я долго не могъ заснуть, мечтая все о ней; наконецъ, когда я убѣдился, что всѣ въ нашей комнатѣ заснули, то я потихоньку возлѣ своей кроватки сталъ на колѣни и со слезами на глазахъ началъ усердно просить Бога, чтобы Онъ меня когда нибудь соединилъ съ нею неразрывными узами брака! Молитва моя меня успокоила, и я заснулъ сномъ праведника.

Я очень хорошо помню имя и фамилію этой первой дѣтской моей страсти и 30 лѣтъ спустя имѣлъ случай разсказать этой особѣ про

этотъ смѣшной и оригинальный эпизодъ моего дѣтства. Эта особа была Настасія Николаевна Мальцова, рожденная княжна Урусова, весьма почтенная и извѣстная въ Петербургскомъ обществѣ, какъ любимица Государыни Маріи Александровны и какъ весьма пріятная и умная женщина.

Зима, проведенная нами въ домѣ князя Гагарина, прошла очень скоро при регулярныхъ занятіяхъ и однообразной жизни; насъ болѣе не возили ни на какіе дѣтскіе вечера.

Въ этотъ годъ весной, во время нашей прогулки, когда таялъ снѣгъ, я страшно расшалился: промочилъ себѣ ноги и чуть не поплатился за это жизнью. Я живо помню всѣ подробности моей болѣзни. У меня было воспаленіе въ легкихъ. Я чудомъ былъ спасенъ въ ту самую минуту, когда меня, находившагося уже двое сутокъ въ безсознательномъ состояніи, священникъ пріобщалъ Святыхъ Таинъ. Я помню хорошо, что за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ мой слухъ былъ пріятно пораженъ какимъ-то стройнымъ пѣніемъ, о которомъ я не могъ отдать себѣ отчета, потому что не былъ въ силахъ открыть глаза. Когда же мнѣ искусственно раскрыли ротъ, и священникъ вложилъ въ него святое причастіе,—въ эту минуту я открылъ глаза, ощущая какое-то сладкое чувство отдохновенія послѣ далекаго неизвѣстнаго пути. Къ изумленію моему я увидалъ себя въ кроваткѣ посреди комнаты; возлѣ меня стоялъ священникъ съ святыми дарами, а передо собою, въ числѣ нѣсколькихъ присутствующихъ, я узналъ мою матушку и мою тетушку Марью Ивановну, обливающихся слезами. Я хотѣлъ имъ что-то сказать въ утѣшеніе, но не былъ въ силахъ и только тогда, когда мать моя просіяла отъ радости и меня поцѣловала, то я въ силахъ былъ отдать ей слабый поцѣлуй. Вся эта сцена и всѣ мои ощущенія и мысли въ эту торжественную минуту моего возвращенія къ жизни и до сихъ поръ не изгладились изъ моей памяти.

Благодаря превосходной сестрѣ милосердія, приставленной ко мнѣ во время моей болѣзни, я сталъ поправляться съ тѣмъ особымъ жизнерадостнымъ чувствомъ, которое ощущаютъ въ такой степени только больные, выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни. Но, не смотря на такой прекрасный уходъ, я все-таки поправлялся довольно медленно и этимъ задержалъ отъѣздъ всего семейства на лѣто въ деревню.

При этомъ я въ душѣ не могу не отдать должной дани благодарности той замѣчательной сестрѣ милосердія, которая была ко мнѣ приставлена и о которой я упомянулъ выше. Лицо этой старушки было въ высшей степени симпатично, равно какъ и мягкость ея голоса

и нѣжное обращеніе. Ей очень шли къ лицу ея всегда ослѣпительной бѣлизны чепецъ и всегда опрятная установленной формы одежда, при большомъ наперсномъ вдовьемъ крестѣ на шеѣ, который эти вдовы должны носить по уставу. Она была приглашена къ больному моимъ родителямъ изъ Московскаго Вдовьяго Дома, единственнаго въ то время учрежденія въ Москвѣ, откуда можно было доставить такихъ сердобольныхъ и надежныхъ сидѣлокъ. Въ этомъ домѣ установленъ порядокъ такой, что посылаются къ больнымъ только тѣ вдовы, которыя желаютъ посвятить себя на это святое дѣло, и изъ нихъ же посылаютъ на обязательную службу поперемѣнно извѣстное число въ городскія больницы. Тогда высоко цѣнили ихъ услуги, и ихъ постоянно недоставало для удовлетворенія просьбъ, обращаемыхъ къ начальницѣ Московскаго Вдовьяго Дома.

Съ тѣхъ поръ какъ у насъ въ Москвѣ умножились учрежденія, которыя въ настоящее время приготовляютъ сестеръ милосердія на эту должность, проводя ихъ черезъ спеціальные фельдшерскіе курсы, оказалось, что вдовы изъ Московскаго Вдовьяго Дома утратили много своего значенія, и даже имъ пренебрегаютъ и вовсе не цѣнятъ ихъ услуги въ тѣхъ городскихъ больницахъ, куда ихъ до сихъ поръ посылаютъ на основаніи давно установившагося правила.

Послѣ моего совершеннаго выздоровленія, мы, разумѣется, отправились на лѣто въ деревню въ наше всѣми любимое Ошейкино.

Во всѣ послѣдующіе годы мы проводили зиму въ Москвѣ, гдѣ моими родителями былъ для насъ нанятъ другой домъ, а именно сенатора Акинѳіева на Поварской улицѣ; лѣто же всегда въ деревнѣ. Исключеніемъ этому заведенному порядку былъ только тотъ памятный для всѣхъ насъ годъ, когда появилась въ Москвѣ первая холера. Тогда мы всю зиму вынуждены были провести въ деревнѣ, гдѣ къ нашему счастію смертныхъ случаевъ было сравнительно немного.

Въ это время наши занятія сдѣлались болѣе серьезными. Кромѣ новаго Французскаго гувернера, г-на Шора, человѣка въ высшей степени талантливаго и образованнаго, къ намъ былъ еще приставленъ Русскій учитель, кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, г-нъ Благонравовъ, для преподаванія Русской исторіи и словесности. Онъ умѣлъ насъ заинтересовать своими предметами и возбудить въ насъ духъ патріотизма и любви ко всему Русскому, для противовѣса противъ иностраннаго вліянія г-на Шора, Француза, говорившаго впрочемъ хорошо по-русски. Вліяніе такого патріота, какъ Благонравовъ, было очень умѣстно и разумно. Мы сердечно полюбили нашего

Русскаго наставника, и я вполнѣ цѣню до сихъ поръ пользу, которую онъ принесъ мнѣ и старшему моему брату Борису, съ которымъ я былъ неразлученъ.

На слѣдующій годъ у насъ стряслась неожиданная бѣда: нашъ обожаемый отецъ едва не лишился жизни отъ нечаяннаго самоотравленія. Очень раннею весной онъ долженъ былъ по какому-то экстренному дѣлу уѣхать на нѣсколько дней въ с. Ошейкино. Нашъ садовникъ Ларіонъ, зная, какъ отецъ любилъ раннюю клубнику, принесъ ему къ обѣду тарелку первыхъ поспѣвшихъ ягодъ. Отецъ похвалилъ стараго Ларіона за его усердіе, и такъ какъ въ это время никого въ имѣніи не было кромѣ сторожа и управляющаго, то онъ взялъ съ собою ключъ отъ кладовой и самъ отправился за мелкимъ сахаромъ, который въ ней находился. Вошедши туда, онъ нашелъ двѣ небольшія банки съ бѣлой, повидимому, сахарной пудрой и, взявъ наскоро одну изъ нихъ, отправился обратно къ себѣ въ кабинетъ. Желая вполнѣ насладиться лакомымъ десертомъ, онъ, по своему обыкновенію, посыпалъ ягоды обильнымъ слоемъ сахара, обливая все густыми сливками, при чемъ, нѣсколько разъ пробуя и находя ягоды не довольно сладкими, всякій разъ подбавлялъ его по чайной ложкѣ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда отецъ такъ тщательно готовилъ себѣ отраву, его управляющій Акинѳіевъ послѣ своего обѣда читалъ у себя во флигелѣ «Московскія Вѣдомости», гдѣ въ статьѣ о разныхъ извѣстіяхъ обратилъ его вниманіе разсказъ о томъ, какъ одного человѣка, отравившагося мышьякомъ, спасли толченымъ березовымъ углемъ, разведеннымъ въ простой водѣ. Только что онъ это прочелъ, какъ вбѣжалъ къ нему совершенно растерянный и обезумѣвшій камердинеръ моего отца, объявляя, что князь умираетъ. Когда управляющій прибѣжалъ, отецъ мой катался по полу въ страшныхъ страданіяхъ: изо рта катилась у него пѣна, и глаза на выкатѣ, безсмысленно смотрѣли въ одну точку.

Акинѳіевъ не потерялся и со свойственною каждому Русскому человѣку находчивостію тотчасъ сталъ разспрашивать о томъ, что князь покушалъ. Банка съ сахаромъ, стоявшая на столѣ, обратила его вниманіе и, разсмотрѣвши ее тщательно, онъ, подъ вліяніемъ только-что имъ прочитаннаго случая, убѣдился, что въ этой банкѣ находился не сахаръ, а мышьякъ, такъ какъ цвѣтъ этого порошка былъ сѣроватый. Онъ моментально приказалъ выбрать угля изъ печей и истолочь его въ мелкій порошокъ; растворивъ его въ водѣ, онъ сталъ давать бѣдному моему отцу, который, мучимый страшной жаждой, съ промежутками отъ обильныхъ рвотъ, выпилъ этой смѣси до сорока

стакановъ. Отецъ мой былъ спасенъ, но, не смотря на его богатырскую комплекцію, онъ, въ 30 съ чѣмъ-то лѣтъ, поплатился здоровьемъ на всю жизнь.

Чему онъ обязанъ чудеснымъ своимъ спасеніемъ? Это объясняли весьма различно. Можно ли приписать его спасеніе поданной ему немедленно помощи? Но тогда необходимо признать употребленное въ этомъ случаѣ неизвѣстное или вновь открытое средство за средство радикальное, тогда какъ оно, кажется, не употребляется въ медицинѣ. Или правы тѣ доктора, которые говорили, что въ этомъ случаѣ большое количество принятого яда, произведя страшную рвоту, спасло отца? Они утверждали, что еслибъ отецъ сотую только часть принялъ проглоченнаго имъ мышьяка вмѣстѣ съ клубникою, то онъ не могъ бы остаться въ живыхъ. Мнѣ же кажется, что всѣ эти предположенія не выходятъ изъ области догадокъ и что фактъ этого спасенія можно назвать чудомъ.

Мы долго ждали возвращенія отца изъ деревни. Матушка истомилась, зная, что болѣзнь его задерживала, но не зная настоящей причины этой болѣзни. Когда онъ пріѣхалъ, мы всѣ выбѣжали на крыльцо его встрѣтить и всѣ пришли въ ужасъ, когда увидали его выходящимъ изъ экипажа. Это былъ не онъ, а его привидѣніе; страшная въ немъ перемѣна была поразительна: онъ постарѣлъ на 20 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого родители наши, по совѣту врачей, начали готовиться къ отъѣзду на минеральныя воды за границу. Съ ними должны были послѣдовать наша сестра, страдавшая малокровіемъ, и младшій братъ.

Тяжела была для меня эта первая разлука моя съ матерью, и вѣроятно она мнѣ была бы еще тяжеле, еслибъ я могъ понять тогда при моей юношеской неопытности то глубокое горе, какое должна была ощущать моя мать, оставляя насъ на рукахъ гувернера Шора съ его семействомъ, Русскаго наставника Благонравова и нашей старой няни, тогда находившейся уже въ должности экономки.

По отъѣздѣ родителей мы почувствовали все свое сиротство, тѣмъ болѣе, что въ тотъ годъ насъ не отправили въ наше любимое Ошейкино, и мы на все лѣто остались въ городѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ нашей горькой участи послужили намъ въ это время небольшой садикъ нашего дома и въ особенности довольно продолжительныя наши прогулки верхомъ съ нашимъ Русскимъ ментором Благонравовымъ по прелестнымъ въ это время года окрестностямъ Москвы, не

исключая даже довольно отдаленныхъ, какъ напр. Царицыно, Савинъ монастырь, Останкино и проч.

Мы передъ тѣмъ черезъ Благонравова познакомились съ мальчиками однихъ съ нами лѣтъ, съ которыми очень подружились. Г. Благонравовъ былъ учителемъ въ домѣ сенатора Поливанова и потому, коротко зная его дѣтей и ихъ хорошее воспитаніе, способствовалъ нашему съ ними знакомству. Почти всѣ эти прогулки верхомъ въ окрестностяхъ Москвы мы совершали вмѣстѣ съ нашими новыми друзьями, двумя братьями Поливановыми; у нихъ также были собственныя лошади, на которыхъ они ѣзжали превосходно и смѣло. Эти прогулки насъ очень сблизили, но затѣмъ мы потеряли другъ друга изъ виду, и только 30 лѣтъ спустя меня судьба свела снова съ однимъ изъ этихъ друзей моей юности, когда оказалось, что мы оба были избраны въ уѣздные дворянскіе предводители Московской губерніи, въ каковой должности мы прослужили нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.

Въ этотъ памятный для всѣхъ Москвичей годъ, послѣ знойнаго лѣта начались съ осени ежедневно, почти одновременно въ разныхъ частяхъ города, страшные пожары, отъ которыхъ превращались въ пепелъ цѣлые кварталы. Тревожное настроеніе Москвичей стало съ каждымъ днемъ усиливаться, и всѣ громко стали говорить о поджигателяхъ. Многіе утверждали, что эти поджигатели Поляки. Страшная паника охватила всѣхъ, такъ что жители не довѣрялись уже полицейской охранѣ, а сами стали по ночамъ сторожить свои дома противъ поджоговъ, и для этого всѣ обыватели на ночь располагались на ночлегъ на улицахъ, на тротуарахъ вдоль своихъ домовъ цѣлыми семействами. Дикую и странную картину представляли улицы Москвы, когда всякій вечеръ всѣ жильцы домовъ высыпали на улицу съ подушками и матрацами и ложились спать на тротуарахъ подъ открытымъ небомъ.

Я помню, что мнѣ и брату очень понравилось это проявленіе чувства самосохраненія и самодѣятельности публики и что мы настоятельно просили у своихъ менторовъ позволенія и намъ также сторожить нашъ домъ. Мы, къ величайшей нашей радости, получили это позволеніе и вмѣстѣ съ ментромъ Благонравовымъ ночевали на тротуарѣ.

Разумѣется, въ наши годы общее бѣдствіе не такъ насъ занимало, какъ та роль, которую мы будемъ играть въ этой народной охранѣ и наше личное участіе въ поимкѣ и арестованіи тѣхъ злодѣевъ-поджигателей, о которыхъ говорила вся Москва и которыхъ полиція не умѣла захватить на мѣстѣ преступленія.

Эта паника продолжалась довольно долго, такъ что наша новая обязанность ночныхъ сторожей стала намъ въ тягость, и мы, не поймавъ ни одного поджигателя, подали въ отставку, и разочарованные уходили спать въ наши собственныя постели.

Отецъ мой, за годъ до своего самоотравленія, купилъ въ Москвѣ домъ у Рахманова, на Страстномъ бульварѣ, противъ теперешняго Нарышкинскаго сквера, обращеннаго изъ прежней грязной сѣнной площади въ прекрасный садъ. Эта полезная мысль и ея осуществленіе принадлежатъ весьма извѣстной въ свое время въ Москвѣ умной и богатой старухѣ Елисаветѣ Александровнѣ Нарышкиной, урожденной Хрущовой, купившей себѣ небольшой домикъ на этой же площади, недалеко отъ нашего дома; въ честь ея этотъ скверъ названъ ея именемъ.

Отецъ мой, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный и предпріимчивый, немедленно сломалъ ветхій купленный домъ и приступилъ къ постройкѣ новаго, но не каменнаго, какъ прежній, а деревяннаго, на основаніи не денежнаго разсчета, а вслѣдствіе своеобразнаго убѣжденія, что въ нашемъ климатѣ деревянные дома гораздо гигіеничнѣе и здоровѣе каменныхъ. Для того, чтобы его деревянный домъ не уступалъ въ прочности каменной постройкѣ въ смыслѣ долговѣчности, т. е. чтобы избѣгнуть неизбѣжной отъ времени осадки стѣнъ при гніеніи нѣкоторыхъ вѣнцовъ и угловъ, подвергающихся преимущественно гніенію, онъ строилъ стѣны изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ стоймя, въ пазъ, съ войлокомъ и со связкою стояковъ желѣзными скобами. Разумѣется, подобной системы деревянныя постройки требовали самаго лучшаго и крупнаго лѣсного матеріала и чрезвычайной аккуратности плотничной работы; но что эта система превосходна, тому доказательство на лицо: спустя 65 лѣтъ послѣ постройки отцомъ этого двухъэтажнаго деревяннаго дома, мнѣ пришлось въ немъ быть у моего хорошаго и стариннаго знакомаго графа Павла Андреевича Шувалова, и я нашелъ домъ точно въ такомъ же свѣжемъ видѣ и здравомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, когда его построили. Осадки стѣнъ нигдѣ не оказалось ни на одну осьмую вершка.

На слѣдующій годъ родители наши вернулись изъ-заграницы, и мы поселились въ нашемъ вновь отстроенномъ домѣ, въ которомъ для насъ, мальчиковъ, былъ назначенъ верхній этажъ.

Мать моя очень поправилась отъ лѣченія на Карлсбадскихъ водахъ и очень помолодѣла. Отецъ тоже по наружному виду казался такимъ же, какимъ онъ былъ до своего отравленія, хотя оно не оста-

лось безъ слѣда: онъ страдалъ почти ежедневно мучительной изжогой, отъ которой не могъ избавиться до конца своей жизни, проживши, однако до 75 лѣтъ, благодаря его необыкновенно крѣпкому организму.

Сестра моя пріѣхала изъ-заграницы неузнаваемой: будучи старше меня на три года, она изъ дѣвочки вдругъ сдѣлалась очень красивой барышней. Эта метаморфоза совершилась съ ней, какъ разсказывали родители, послѣ морскаго путешествія изъ Франціи въ Англію.

Въ годъ прибытія моихъ родителей въ Лондонъ праздновалось коронованіе королевы Викторіи. Тогда же пріѣзжалъ въ Англію нашъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Во время пребыванія моихъ родителей въ Лондонѣ Цесаревичъ очень милостиво къ нимъ относился и очень часто проводилъ у нихъ вечера вмѣстѣ съ лицами при немъ находившимися, изъ которыхъ главнымъ лицомъ былъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ. Моя сестра мнѣ разсказывала, что всѣ лица, его сопровождавшія, были съ нею чрезвычайно любезны, что ей было очень весело, а что самъ Наслѣдникъ за чайнымъ столомъ говаривалъ часто съ свойственной ему простотой и добродушіемъ, что онъ пріѣзжалъ къ нимъ отдыхать отъ утомительной его жизни въ Лондонѣ и что ихъ Русскій самоваръ и Русская рѣчь переносили его въ столь любимое имъ отечество.

Сестра передавала, что Наслѣдникъ нашъ былъ высокаго роста, стройной и чрезвычайно изящной наружности молодой человѣкъ. Онъ всѣхъ плѣнялъ своей красотой и очаровывалъ своею свободной Англійской рѣчью, общительностью и любезностью. Долго сестра не могла забыть этого пріятнаго времени, проведеннаго въ Лондонѣ, и занимала насъ своими разсказами.

Между тѣмъ отецъ мой воспользовался своимъ пребываніемъ въ Лондонѣ, чтобы закупить много необходимыхъ предметовъ роскоши превосходнаго качества для отдѣлки своего новаго дома въ Москвѣ. По этому случаю я припоминаю, что между прочими матеріями находились куски прелестнаго ситца, вѣроятно изготовленнаго фабрикантами по случаю коронаціи, съ портретомъ молодой королевы Викторіи, весьма изящнаго рисунка; этимъ ситцемъ впослѣдствіи была убрана уборная моей матушки.

Вскорѣ по возвращеніи родителей изъ-заграницы и по водвореніи семейства въ новомъ помѣщеніи мы всѣ немедленно устроились и помѣстились чрезвычайно удобно въ нашемъ новомъ прекрасномъ домѣ, благодаря заботливому и доброму нашему отцу, который все до мель-

чайшей подробности предвидѣлъ и прекрасно устроилъ. Матушка установила тотчасъ въ домѣ порядокъ, такъ что все стало на свое мѣсто и все дѣлалось въ свое время. Жизнь потекла своимъ обычнымъ путемъ, а также по прежнему продолжались наши учебныя занятія.

Въ эту зиму мой старшій братъ и я сблизились съ тремя семействами, въ которыхъ были юноши нашихъ лѣтъ, а именно: съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ и его братомъ, съ князьями Константиномъ и Владимиромъ Черкаскими и съ графомъ Алексѣемъ Конст. Толстымъ, будущимъ знаменитымъ нашимъ поэтомъ. Этотъ послѣдній въ особенности подружился со мною. Его мать, урожденная Перовская, была вдова и жила съ своимъ братомъ, который тщательно занимался образованіемъ своего обожаемаго племянника. Графиня-мать очень была дружна съ моей матушкой и поэтому разрѣшила своему сыну постоянно у насъ бывать. Впослѣдствіи, когда сынъ ея былъ уже взрослымъ человѣкомъ и повѣдалъ матери свою первую юношескую любовь къ моей сестрѣ, при чемъ просилъ у нея разрѣшенія просить ея руки, она, повидимому, гораздо болѣе изъ ревности къ сыну, чѣмъ вслѣдствіе другихъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, стала горячо противиться этому браку и перестала видаться съ моею матерью. Сынъ покорился волѣ матери, которую онъ обожалъ. Эта ревность графини къ единственному своему сыну помѣшала ему до весьма зрѣлаго возраста думать о бракѣ, вслѣдствіе чего онъ женился только послѣ ея смерти, довольно поздно, на г-жѣ Миллеръ, рожденной Бахметьевой.

Многолѣтняя моя дружба съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ даетъ мнѣ несомнѣнное право думать, что мое о немъ мнѣніе, какъ о лучшемъ изъ всѣхъ людей, которыхъ я только зналъ или встрѣчалъ въ жизни, вѣрно и непреувеличено. Дѣйствительно, подобной ясной и свѣтлой души, такого отзывчиваго и нѣжнаго сердца, такого вѣчноприсущаго въ человѣкѣ высокаго нравственнаго идеала я въ жизни ни у кого не видалъ. Теперь, какъ его уже нѣтъ въ живыхъ, можно сказать, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ, онъ, какъ человѣкъ, т. е. какъ существо несовершенное, едва ли не ближе всѣхъ подходилъ къ тому идеалу человѣка, который каждый читатель желаетъ видѣть въ поэтѣ, когда онъ находится подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь изъ его произведеній.

Графъ Толстой былъ одаренъ необыкновенною памятью. Мы часто, для шутки, испытывали другъ у друга память, при чемъ Алексѣй Толстой насъ всѣхъ поражалъ тѣмъ, что по бѣгломъ прочтеніи цѣлой

большой страницы любой прозы, закрывъ книгу, могъ дословно все имъ прочитанное передать безъ одной ошибки; никто изъ насъ, разумѣется, не могъ этого сдѣлать.

Въ то время, о которомъ я теперь говорю, а именно въ началѣ тридцатыхъ годовъ, наши правительственныя учебныя заведенія еще не отличались особеннымъ въ нихъ хорошимъ преподаваніемъ, и не было вовсе въ обычаѣ между родителями опредѣлять своихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія, а воспитывали ихъ дома до поступленія въ университетъ. Во избѣжаніе дурного товарищества или вліянія вредныхъ и порочныхъ друзей, нерѣдко были случаи, что родители доводили домашнее воспитаніе до конца, не опредѣляя своихъ сыновей въ университетъ, а приглашая къ себѣ на домъ профессоровъ, которые проходили съ этими молодыми людьми весь университетскій курсъ опредѣленнаго факультета, послѣ чего такимъ образомъ подготовленный молодой человѣкъ держалъ въ университетѣ прямо выпускной университетскій экзаменъ. Разумѣется, такихъ примѣровъ было немного. Одинъ изъ самыхъ выдающихся такихъ примѣровъ чисто-домашняго воспитанія несомнѣнно представлялъ тогда Алексѣй Толстой, который, не будучи въ университетѣ, блестящимъ образомъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата филологическаго факультета.

По этому поводу я вспоминаю, не для того, чтобы мѣряться дарованіями или проводить параллель между мною и даровитымъ моимъ пріятелемъ, что мой старшій братъ Борисъ и я мы получили также, благодаря заботливости нашей матери и наставника нашего Шора, довольно солидное домашнее воспитаніе, послѣ котораго мой братъ поступилъ въ Московскій университетъ; а я, обуреваемый безумною страстью къ военному дѣлу, упросилъ родителей, вмѣсто поступленія въ университетъ, остаться при одномъ домашнемъ воспитаніи и поступить на военную службу.

Матушка, разумѣется, съ большимъ трудомъ дала свое согласіе на мою усиленную просьбу, и то только потому, что я просился именно поступить въ кавалерійскій полкъ 6-й легкой кавалерійской дивизіи, которымъ командовалъ ея двоюродный братъ свѣтлѣйшій князь Андрей Ливенъ, куда я и поступилъ юнкеромъ въ 1838 году.

Возвращаюсь къ моему другу Алексѣю Толстому, о которомъ у меня такъ много въ головѣ толпится воспоминаній, что я о немъ не могу достаточно наговориться. Впрочемъ подробности о такой личности, которая не только замѣчательна по своимъ высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, но имя которой занимаетъ такое почетное мѣсто

въ нашей отечественной литературѣ, интересны не только для меня, но и для многихъ.

Въ эту зиму, съ 1834 на 1835 годъ, знаменитый нашъ живописецъ Брюловъ былъ приглашенъ Перовскимъ, тогдашнимъ меценатомъ и покровителемъ Русскихъ молодыхъ художниковъ, къ себѣ въ Москву, чтобы заказать этому еще тогда начинающему даровитому артисту портреты графини-матери, ея сына, графа Алексѣя Толстого, и свой собственный.

По этому случаю я припоминаю довольно оригинальный эпизодъ.

Высоко цѣня талантъ молодого Брюлова, Перовскій пригласилъ его съ цѣлью не только имѣть свои семейные портреты, писанные кистью этого художника, о которомъ уже много говорили, но и поощрить его, вознаградивъ щедрою рукою за его произведенія. Зная хорошо, однако, о невоздержанности молодого художника, о буйной его молодости, о капризномъ его нравѣ и непостоянствѣ, онъ предварительно сдѣлалъ съ нимъ почти формальное условіе, что онъ неотлучно будетъ жить на квартирѣ у него до окончанія своихъ работъ, что онъ въ это время воздержится отъ всякихъ кутежей, не будетъ брать на себя другихъ работъ и вообще поведетъ правильный образъ жизни, при чемъ Перовскій съ своей стороны обязывался уплатить ему за всѣ три портрета значительную сумму денегъ.

Сначала все шло превосходно: молодой художникъ былъ польщенъ своимъ положеніемъ въ домѣ и находился въ восторгѣ отъ вниманія къ нему хозяина, который, когда хотѣлъ, былъ большой мастеръ очаровывать людей. Брюловъ съ своей стороны былъ весьма недюжиннаго ума и очень развитой человѣкъ, такъ что его бесѣда нравилась Перовскому не смотря на его рѣзкости.

Первый изъ трехъ портретовъ, ему заказанныхъ, Брюловъ написалъ превосходно. Это былъ портретъ графа Алексѣя Толстого. Впослѣдствіи, когда я самъ много занимался искусствомъ и ознакомился вообще съ портретною живописью, мнѣ не случалось видѣть лучшаго произведенія кисти этого художника. Молодой графъ представленъ въ охотничьемъ костюмѣ, въ Вандиковской шляпѣ съ широкими полями; при немъ чудный своимъ Англійскій сетеръ, пристально и вопросительно смотрящій на своего хозяина, повернувши круто къ нему поднятую голову. Большіе не голубые, а лазурнаго цвѣта глаза графа Алексѣя составляющіе особенность фамиліи Перовскихъ, и ясный добрый его взглядъ схвачены удивительно. Портретъ этотъ чрезвычайно напоминаетъ кисть Рубенса.

Есть такія художественныя изображенія лицъ, писанныя первоклассными артистами, въ которыя, кажется, какъ будто они вложили все свое вдохновеніе и весь свой талантъ, чтобы достигнуть истины или, иначе сказать, разительнаго сходства съ даннымъ оригиналомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опоэтизировать тѣ черты, въ которыхъ выраженіе болѣе выдается или болѣе заслуживаетъ художественной отдѣлки. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ этотъ портретъ моего друга Алексѣя Толстого, прошло болѣе полвѣка; но я до сихъ поръ не могу забыть этого юношескаго свѣжаго, прекраснаго лица, въ которомъ вполнѣ выражалось спокойствіе его чистой и ясной души. Дѣвственная бѣлизна кожи съ легкимъ румянцемъ, большіе свѣтло-лазурнаго цвѣта глаза, о которыхъ я уже говорилъ, съ необыкновенно добрымъ, честнымъ и яснымъ взглядомъ, нѣсколько продолговатый овалъ лица, легкій пушокъ бороды и усовъ, тонкія черты и вьющіеся на вискахъ бѣлокурые волосы—все это вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе на зрителя чего-то особенно благороднаго и аристократическаго. Затѣмъ, судя по ширинѣ плечъ и по мускулатурѣ, нельзя было не замѣтить, что модель не принадлежала къ числу изнѣженныхъ и слабыхъ молодыхъ людей. Дѣйствительно, Алексѣй Толстой былъ необыкновенной силы: онъ гнулъ подковы, и у меня между прочимъ долго сохранялась серебряная вилка, изъ которой не только ручку, но и отдѣльно каждый зубъ онъ скрутилъ винтомъ своими пальцами.

Я не знаю, гдѣ въ настоящее время этотъ замѣчательный портретъ работы Брюлова, о которомъ я говорю. По всей вѣроятности онъ находился у графини, его жены. По моему мнѣнію, онъ достоинъ былъ бы когда нибудь поступить въ нашъ національный музей, такъ какъ едва ли, послѣ Пушкина, графъ Алексѣй Толстой не занимаетъ первое мѣсто между нашими поэтами.

Послѣ окончанія этого портрета, отъ котораго все семейство было въ восторгѣ, Брюловъ началъ писать портретъ съ Перовскаго.

Надѣленный непомѣрнымъ самолюбіемъ, художникъ горячо принялся за дѣло, будучи польщенъ похвалами семьи и всѣхъ ея знакомыхъ за такое успѣшное исполненіе перваго написаннаго имъ портрета съ молодого графа. Но пылъ этотъ вскорѣ охладѣлъ; онъ видимо уже утомлялся своей работой и часто сталъ манкировать сеансы, назначенные Перовскимъ въ условленные часы, не смотря на то, что Перовскій усугублялъ свою къ нему любезность и, такъ сказать, ухаживалъ за молодымъ художникомъ, какъ за молодой женщиной. Но манкировки со стороны молодого Брюлова все повторялись

чаще. Брюловъ очевидно сталъ кутить. Портретъ подвигался медленно, хотя голова была почти окончена и написана также превосходно; но тутъ случился довольно долгій перерывъ работы подъ разными предлогами, такъ что Перовскій, не смотря на свою необыкновенную доброту и снисхожденіе къ артисту, былъ выведенъ изъ терпѣнія и въ весьма мягкихъ выраженіяхъ рѣшился ему сдѣлать нѣсколько отеческихъ наставленій.

Сначала Брюловъ переносилъ ихъ съ должнымъ уваженіемъ къ нему, но вскорѣ слова Перовскаго стали его раздражать. Онъ сталъ жаловаться на его упреки и, кое-какъ окончивъ довольно небрежно портретъ, вдругъ бѣжалъ изъ Москвы, скрылся неизвѣстно куда, нарушилъ данное Перовскому слово, безъ вѣсти пропалъ, портретъ графини никогда не принимался писать и болѣе въ домъ къ нимъ не возвращался.

Кромѣ графа Алексѣя Толстого, въ тридцатыхъ годахъ, въ Москвѣ, между нашими сверстниками-друзьями были, какъ я говорилъ выше, Юрій Самаринъ, братья князья Черкаскіе и князь Лобановъ.

Первый изъ нихъ былъ съ нами въ дальнемъ родствѣ: отецъ его Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ, женатый на Нелединской, былъ двоюроднымъ братомъ моего дѣда.

Когда мы были нѣсколько моложе, то Ѳедоръ Васильевичъ имѣлъ на насъ довольно внушительное вліяніе какъ по своему серьезному виду, такъ и по тому, что мы знали, что онъ былъ очень строгъ къ своимъ сыновьямъ, которые отличались способностью и прилежаніемъ. Напримѣръ, когда его старшій сынъ былъ уже въ университетѣ и послѣ экзамена приходилъ къ своему отцу сообщить ему о результатѣ, а именно, что на экзаменѣ по такому-то предмету онъ получилъ четверку, то Ѳедоръ Васильевичъ въ этомъ случаѣ неизмѣнно замѣчалъ, что «лучше было бы, если бъ ты получилъ пятерку», не смотря на то, что его старшій сынъ въ университетѣ шелъ превосходно по всѣмъ предметамъ.

Я помню одно обстоятельство, врѣзавшееся въ моей памяти и указывающее, до какой мелочи доходили наши родители и въ особенности Ѳедоръ Васильевичъ въ дѣлѣ воспитанія, которое, какъ я, кажется, говорилъ, составляло предметъ нѣмого, но замѣтнаго соревнованія между родителями упомянутыхъ семействъ, т. е. нашимъ, Самаринымъ, Черкаскихъ, Толстыхъ и Лобановыхъ.

То, о чемъ я хочу говорить, случилось когда только что отецъ мой окончилъ постройку своего дома. Ѳедоръ Васильевичъ посѣтилъ

насъ на навосельѣ. Отецъ предложилъ своему дорогому гостю обойти всѣ комнаты и, проведя его по всему дому, поднялся на верхній этажъ, гдѣ находилось наше, т. е. сыновей, помѣщеніе. Когда они дошли до нашей большой учебной комнаты, въ которой мы въ это время готовили уроки, то мы не безъ волненія всѣ привстали и поклонились. Ѳедоръ Васильевичъ, проговоривши что-то, остановился посреди комнаты, поднялъ голову и, обратясь къ отцу, спросилъ его: «зачѣмъ здѣсь написаны рисунки на потолкѣ?»

Оказалось, что дѣйствительно на потолкѣ, по тогдашнему обычаю, были написаны вдоль карниза какія-то птицы или фантастическія животныя, которыхъ даже изображеній никто не замѣчалъ.

Не помню что̀ отецъ мой отвѣчалъ, но помню хорошо, что Ѳедоръ Васильевичъ за симъ сказалъ: «Живопись на потолкѣ въ учебной комнатѣ излишняя; она положительно вредна, потому что учащимся эти рисунки на потолкѣ могутъ служить отвлеченіемъ отъ ихъ занятій и развлекать ихъ отъ должнаго къ занятіямъ вниманія».

Такое суровое отношеніе къ подобнымъ мелочамъ даже и въ то время показалось намъ чрезмѣрнымъ.

Впрочемъ Ѳедора Васильевича въ то время знали, какъ замѣчательнаго систематика. Я помню, что разъ отецъ мой, возвратившись домой послѣ сдѣланныхъ имъ нѣсколько въ городѣ визитовъ, зашелъ въ кабинетъ къ матушкѣ и, не замѣтивъ вѣроятно, что я былъ въ комнатѣ, сталъ ей разсказывать, что онъ посѣтилъ нѣсколько лицъ и между прочимъ Самариныхъ.

При этомъ онъ разсказалъ, что, пробывъ у Ѳедора Васильевича съ полчаса, онъ выразилъ ему желаніе повидать его супругу Софью Юрьевну, на что Ѳедоръ Васильевичъ, посмотрѣвъ на свои часы, отвѣчалъ, что ее видѣть нельзя, потому что ей еще остается 20 минутъ прогулки въ залѣ, гдѣ она должна всякій день прохаживаться взадъ и впередъ не менѣе трехъ четвертей часа. Отецъ мой при этомъ замѣтилъ матушкѣ, что ему очень было досадно на такую неудачу, потому что ему хотѣлось побесѣдовать съ почтенной Софьей Юрьевной, которую онъ очень любилъ и уважалъ и что онъ, по всей вѣроятности, не отвлекъ бы ея отъ ея важнаго занятія, если бъ ему было предложено посѣтить ее въ залѣ.

Старшій сынъ ихъ, Юрій Ѳедоровичъ, вступившій въ университетъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Борисомъ на словесный факультетъ, былъ одаренъ блестящими способностями, даромъ слова и рѣдкою

памятью. Съ такими задатками и съ полученнымъ имъ дома прекраснымъ образованіемъ не трудно было ему впослѣдствіи выдержать экзаменъ на степень кандидата и затѣмъ на службѣ быть всегда отличаемымъ своими начальниками. Хотя, 30 лѣтъ спустя, я встрѣтился съ другомъ моей молодости на широкой аренѣ дѣятельности общественной, гдѣ я нашелъ въ немъ упорнаго и опаснаго противника, но я всегда отдавалъ ему должное и скажу, что онъ былъ человѣкъ недюжинный. Но смолоду, въ 30-хъ годахъ, уже замѣтны были въ немъ страсть къ противорѣчію и спору, увлекавшая его до парадокса и до утопій, и врожденная наклонность къ сарказму и насмѣшкамъ, которая съ лѣтами постоянно росла и обострялась до ѣдкости ради краснаго словца. Эта послѣдняя способность не мало создала ему враговъ.

Среди этой плеяды замѣчательныхъ молодыхъ людей, сверстниковъ, кончавшихъ или окончившихъ въ то время свое образованіе въ Москвѣ и впослѣдствіи получившихъ на разныхъ поприщахъ довольно громкую извѣстность, какъ-то: князь Владиміръ Черкаскій, графъ Алексѣй Толстой, князь Лобановъ, Сухово-Кобылинъ (впослѣдствіи извѣстный драматургъ), Сергѣй Миллеръ, графъ Александръ Строгановъ, Кавелинъ (будущій профессоръ) и проч., несомнѣнно Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ, находчивыхъ и остроумныхъ, не говоря о пріобрѣтенныхъ имъ познаніяхъ. Но мнѣ, впослѣдствіи всегда казалось, что Юрій Ѳедоровичъ, со своими дарованіями и съ своимъ огромнымъ запасомъ знаній, былъ мало пригоденъ для практической жизни, а въ полномъ смыслѣ слова былъ теоретикомъ, и поэтому когда ему случалось въ жизни, въ сферѣ административной, встрѣчаться съ вопросами государственными, то его сужденія, благодаря, вдобавокъ, его пристрастію къ полемикѣ и противорѣчію, всегда доходили до утопій или крайностей.

Это довольно рѣзко обнаружилось во время его службы въ Остзейскомъ краѣ, о которомъ написалъ онъ свои знаменитыя «Окраины Россіи», надѣлавшія столько шума; а также когда онъ состоялъ очень дѣятельнымъ и вліятельнымъ членомъ редакціонной коммиссіи во время освобожденія крестьянъ и, наконецъ, въ Московскихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, Московскимъ губернскимъ гласнымъ.

Кстати здѣсь нельзя не вспомнить одну изъ оригинальностей Юрія Ѳедоровича, извѣстную теперь всѣмъ (а я зналъ это давно), а именно, что онъ отослалъ министру юстиціи графу Панину съ письмомъ орденъ, полученный имъ за труды по окончаніи работъ въ редакціонной коммиссіи. Орденъ этотъ, кажется Владимира 3-й степени, послѣ смерти

графа Панина былъ найденъ въ его письменномъ столѣ вмѣстѣ съ письмомъ Юрія Ѳедоровича, о которомъ графъ, по добротѣ своей, не рѣшился никогда довести до свѣдѣнія Государя.

Въ тридцатыхъ годахъ, когда мы были товарищами, я, разумѣется, не зналъ, какую карьеру предпримѣтъ Юрій Ѳедоровичъ; но впослѣдствіи я часто думалъ, что онъ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, если бы съ его безспорными дарованіями и съ его огромнымъ запасомъ знаній, предался всецѣло наукѣ, вмѣсто того, чтобы вступать на службу гражданскую на которой его ожидало такъ много разочарованій. Тогда, можетъ быть, онъ принесъ бы болѣе пользы и своей родинѣ, и наукѣ, и не умеръ бы такъ преждевременно, пользуясь полнотою силъ и способностей.

Какъ неисповѣдимы судьбы человѣческія! Странная, въ самомъ дѣлѣ, судьба постигла этого неутомимаго борца за свои убѣжденія! Юрій Ѳедоровичъ погибъ, такъ сказать, подъ ножомъ Нѣмцевъ, столь ему ненавистныхъ, случайно, въ Берлинѣ, гдѣ ему сдѣлали, повидимому,самую ничтожную операцію, отъ которой онъ неожиданно и внезапно скончался въ загородной больницѣ.

Изъ остальныхъ нашихъ сверстниковъ и друзей я упомянулъ о четырехъ братьяхъ Черкаскихъ, весьма образованныхъ молодыхъ людяхъ, изъ которыхъ два старшихъ: Константинъ и Ипполитъ жили недолго, а князь Владиміръ Черкаскій сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ, какъ членъ редакціонной коммиссіи, затѣмъ въ Польшѣ, какъ членъ Милютинской коммиссіи и, наконецъ, въ Болгаріи. Четвертый братъ Евгеній былъ моимъ товарищемъ по полку. Всѣ братья были весьма даровитые люди, въ особенности Константинъ, преждевременно умершій, и Владиміръ. Онъ имѣлъ довольно значительное имѣніе въ Тульской губерніи, въ которомъ онъ освободилъ своихъ крестьянъ гораздо ранѣе введенія Положенія 1861 года; но, освободивъ ихъ отъ барщины, онъ далъ имъ даромъ только одну усадебную землю, что̀ подало поводъ въ то время говорить про него, что онъ, какъ человѣкъ дальновидный, сдѣлалъ это изъ расчета, чтобы не давать изъ своей земли крестьянамъ надѣла по Положенію. По этому случаю многіе надъ нимъ острили, а другіе строго его осуждали за то, что онъ, освободивъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ отчужденія земли помѣщичьей въ пользу крестьянъ, когда былъ назначенъ членомъ редакціонной коммиссіи во время составленія Положенія 19 Февраля 1861 года.

Обладая даромъ слова и большими способностями, онъ пріобрѣталъ на всѣхъ своихъ сослуживцевъ большое вліяніе, равно какъ и въ

высшихъ административныхъ сферахъ. Такъ было съ нимъ въ редакціонной коммиссіи, затѣмъ въ Польшѣ, гдѣ онъ былъ съ Милютинымъ, потомъ въ Москвѣ, когда онъ былъ городскимъ головою и, наконецъ, въ Болгаріи, гдѣ онъ занималъ такой высокій постъ. Но, имѣя власть въ рукахъ, онъ, повидимому, нигдѣ не оставилъ послѣ себя ничего прочнаго, никакихъ слѣдовъ, обнаруживающихъ въ крупномъ такомъ дѣятелѣ истинно-государственнаго человѣка, одареннаго административнымъ геніемъ. Впрочемъ этимъ недостаткомъ мы всѣ, Русскіе люди, страдаемъ по преимуществу.

Въ тридцатыхъ же годахъ друзьями нашей молодости были, какъ я говорилъ выше, князь Лобановъ, старшій сынъ сенатора, жившаго въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Собачьей площадкѣ; Сухово-Кобылинъ, единственный сынъ у отца, чрезвычайно заботившагося объ образованіи своихъ дѣтей. Сестра этого замѣчательнаго человѣка вышла за Француза графа Саліаса и впослѣдствіи сдѣлалась извѣстной писательницей подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ. Затѣмъ нашимъ сверстникомъ находился еще Кавелинъ, будущій профессоръ; но этихъ троихъ молодыхъ людей можно скорѣе считать сверстниками моего старшаго брата Бориса и товарищами его по университету, чѣмъ моими, потому что они были немного старше меня.

Я помню что впослѣдствіи молодого Сухово-Кобылина постигло несчастіе. Говорили, что у него былъ цѣлый романъ съ молодою, весьма красивою Француженкой, связь съ которой имѣла ужасно трагическій конецъ, разбившій его молодую жизнь и испортившій всю его карьеру. Дѣвицу эту нашли убитой на квартирѣ Сухово-Кобылина, его прислугой, которая будто на судѣ показала, что убійство было совершено по его приказанію. Дѣло это тянулось два года. Сухово-Кобылинъ былъ оправданъ.

Что же касается до послѣдняго упомянутаго мною выше сверстника того времени и нашего пріятеля Сергѣя Ивановича Миллера, то онъ образованіе свое получилъ не въ Москвѣ, а въ Царскосельскомъ Лицеѣ и, будучи сиротою, жилъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своей красавицей сестрой, у родного ихъ дяди сенатора Озерова, близко знакомаго съ нашими родителями. Отсюда произошла наша дружба, продолжавшаяся до смерти этого замѣчательнаго по своимъ способностямъ человѣка, къ сожалѣнію преждевременно сошедшаго въ могилу 38 лѣтъ, отъ болѣзни спинного мозга. Вспоминая объ этомъ симпатичномъ молодомъ человѣкѣ, я не могу не отмѣтить одну черту тогдашняго Московскаго высшаго общества, среди котораго Сергѣй Ива-

новичъ представлялъ собою рѣдкую особенность потому только, что онъ не говорилъ иначе, какъ на родномъ языкѣ. Онъ, по всей вѣроятности, не владѣя Французскимъ языкомъ въ томъ совершенствѣ, въ которомъ онъ владѣлъ языкомъ Русскимъ, и какъ человѣкъ чрезвычайно самолюбивый, вовсе отказался говорить по-французски. Между тѣмъ въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, высшее наше общество въ то время до такой степени сроднилось съ Французскимъ разговорнымъ языкомъ, что незнаніе этого языка рождало всеобщее предубѣжденіе, даже пренебреженіе къ лицу, говорящему только по-русски. Именно въ этомъ-то случаѣ Сергѣй Ивановичъ былъ исключеніемъ и представлялъ собою особенность въ высшемъ Московскомъ обществѣ, гдѣ онъ всегда былъ особенно прекрасно принятъ и гдѣ онъ всѣми былъ отличаемъ и любимъ.

О графѣ Александрѣ Строгановѣ, товарищѣ моего брата, вступившемъ тоже тогда въ университетъ, я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи.

Въ то время въ Москвѣ многіе родители давали вечеринки, на которыхъ танцовало юношество со свойственною ему жизнерадостною веселостью. Танцовали подъ звуки оркестра, а кавалерами были большею частью все студенты и изрѣдка два или три молоденькихъ офицера. Маленькіе балы давались по одному или по два въ зиму и у насъ.

Изъ подобныхъ баловъ самые нарядные давали тогда извѣстная своею любезностью и аристократизмомъ Софья Петровна Апраксина, вдова, имѣвшая одного сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ младшая, замѣчательно хорошенькая собой, впослѣдствіи вышла замужъ за одного изъ моихъ младшихъ братьевъ, князя Сергѣя. Ея приглашенія считались большою честью, потому что она была очень строга въ выборѣ кавалеровъ. Ея огромное состояніе и родственныя связи ставили ее въ исключительное положеніе въ Московскомъ обществѣ. Она сама была очень красива: небольшого роста, съ подкупающими своею женственностью манерами, съ ласкающимъ взглядомъ она своею привѣтливостью была на самомъ дѣлѣ обворожительна.

При строгихъ ея правилахъ Софья Петровна многихъ, должно быть, изъ числа своихъ поклонниковъ сводила съ ума своими чарами въ молодости, судя по тому всеобщему обожанію, которымъ она была окружена со стороны мущинъ и даже со стороны моего отца, уже въ зрѣломъ ея возрастѣ, когда она была лѣтъ сорока. У нея бывали въ то время также и музыкальные вечера, когда Москву посѣ-

щали какія-нибудь знаменитости. Я помню, что я слышалъ въ первый разъ на одномъ изъ такихъ музыкальныхъ вечеровъ, данныхъ Софьей Петровной для молодежи, въ числѣ которой была ея младшая дочь Марья Владимировна, уже тогда обнаружившая большой талантъ, знаменитаго піаниста Леопольда Майера, послѣ того долго жившаго въ Россіи и написавшаго цѣлый рядъ прелестныхъ музыкальныхъ сочиненій на разные мотивы изъ Русскихъ пѣсенъ и преимущественно Цыганскихъ.

Впослѣдствіи, лѣтъ 30 спустя, я нѣсколько разъ встрѣчался заграницей на минеральныхъ водахъ съ этимъ артистомъ, сохранившимъ до старости талантливое исполненіе и силу, но подъ конецъ ѣздившимъ концертировать только въ Америку, чтобы, со свойственною повидимому ему жадностью, увеличивать уже значительный свой капиталъ, безъ особой необходимости, такъ какъ у него не было дѣтей.

Онъ очень любилъ Россію, съ благодарностью вспоминалъ о радушномъ пріемѣ, сдѣланномъ ему у насъ, и всегда встрѣчалъ Русскихъ своихъ знакомыхъ съ видимою и непритворною радостью.

Странный человѣкъ былъ этотъ Майеръ. Когда мы съ нимъ вмѣстѣ на водахъ совершали прогулки и заходили въ какую-нибудь кофейную, чтобы на воздухѣ напиться кофе, онъ непремѣнно всякій разъ заявлялъ о неимѣніи денегъ, въ то время, когда намъ приходилось расплачиваться, и неукоснительно каждый разъ пряталъ въ карманы своего жилета остававшіеся въ сахарницѣ куски сахара.

Приверженность его къ Россіи заставляла меня прощать ему этотъ, слишкомъ уже грубый, признакъ его необычайнаго скряжничества, который заставлялъ меня краснѣть передъ прислугой; но впослѣдствіи я убѣдился, что причина его странности была не та, а что онъ былъ одержимъ особою болѣзнью, открытою наукой въ послѣднее время, *клептоманіей*.

Я убѣдился въ этомъ слѣдующимъ образомъ. Въ бытность мою въ Карлсбадѣ, онъ довольно часто къ намъ заходилъ и даже нерѣдко по просьбѣ моей покойной жены садился за рояль и охотно игралъ ей что-нибудь изъ ея любимыхъ піесъ. Разъ какъ-то, оставивъ его одного въ гостиной, гдѣ на столѣ лежалъ довольно изящный, большой величины, ножъ изъ черепахи для разрѣзанія книгъ, я увидѣлъ въ зеркало, входя изъ другой комнаты, какъ онъ этотъ длинный ножъ преспокойно укладывалъ въ боковой карманъ своего сюртука!... Я былъ пораженъ въ особенности невозмутимостью, съ которой онъ на меня послѣ этого смотрѣлъ и, разумѣется, не сказалъ ему ни слова.

Но я долженъ вернуться къ нашимъ юношескимъ баламъ въ Москвѣ, чтобы дополнить этотъ краткій очеркъ общества, состоявшаго изъ той молодежи, къ которой и я принадлежалъ. По этому я считаю не лишнимъ поименовать тѣхъ дѣвицъ, съ которыми мы танцовали и которыя служили украшеніемъ нашихъ вечеровъ.

Среди этого цвѣтника обильныхъ, только-что распустившихся цвѣтковъ трудно было опредѣлить, которые изъ нихъ были лучше и душистѣе.

Въ эти годы, отъ 15 до 18 лѣтъ, свѣжесть и молодость дѣвицъ заставляетъ забывать о классическихъ чертахъ Греческихъ статуй!..

Изъ нихъ, въ то время, выдающіяся и оправдавшія вполнѣ впослѣдствіи своею миловидностію и красотою тѣ надежды, которыя, вѣроятно, на нихъ возлагали ихъ матери, были слѣдующія: Олимпіада Каблукова, вышедшая впослѣдствіи за князя Анатолія Барятинскаго, Елисавета Трубецкая, вышедшая за князя Урусова, княжна Щербатова, вышедшая за г-на Норда, княжна Софія Оболенская, вышедшая за моего старшаго брата князя Бориса; Вадковская, вышедшая за генерала Вревскаго, Марья Владимировна Апраксина, впослѣдствіи жена моего брата Сергѣя, и наконецъ моя сестра, вышедшая за принца Бирона.

Балы тогда давались кн. Варварой Сергѣевной Голицыной, называемой Бабе́, Марьей Степановной Татищевой и тетушкой моего отца, кн. Натальей Сергѣевной Трубецкой, которая жила въ своемъ роскошномъ барскомъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ была прекрасная домовая церковь, очень памятная для насъ всѣхъ не только потому, что въ дѣтствѣ насъ возили въ эту церковь къ обѣднѣ въ Воскресенія и въ особенности во всѣ большіе праздники, но и потому, что мы впослѣдствіи почти всѣ въ ней же вѣнчались. Княгиня, рожденная княжна Мещерская, по всей справедливости пользовалась репутаціей умной, образованной и чрезвычайно практической женщины. Она считалась одной изъ первыхъ почтенныхъ старыхъ дамъ, которыхъ въ то время было много въ Москвѣ, какъ-то: графиня Панина, графиня Бобринская (рожденная Соковнина), Новосильцова, княгиня Оболенская (рожденная княжна Гагарина) и проч. Онѣ всѣ у себя принимали и давали, какъ говорятъ, тонъ всему обществу.

Тетушка княгиня Наталья Сергѣевна вышла очень молодою за человѣка богатаго, но весьма расточительнаго и слабохарактернаго. Отъ массы накопившихся долговъ онъ сталъ нуждаться въ день-

гахъ, не смотря на свои обширныя помѣстья въ разныхъ губерніяхъ. Княгиня Наталья Сергѣевна, скоро догадавшись о неминуемомъ ихъ разореніи, съ согласія мужа взяла въ свои руки бразды правленія и, рѣшившись тотчасъ продать половину всѣхъ имѣній, при большой аккуратности и порядкѣ, спасла такимъ способомъ остальное состояніе и оставила каждому изъ трехъ своихъ сыновей не менѣе милліона въ имѣніяхъ и въ капиталахъ.

Что всего замѣчательнѣе въ этомъ женскомъ подвигѣ, это то обстоятельство, что она все это совершила и кромѣ того управляла многочисленными своими помѣстьями при помощи одного только своего вѣрнаго слуги, дворецкаго Внукова, всѣмъ намъ извѣстнаго. Оригинально то, что онъ, въ свободное отъ поѣздокъ по имѣніямъ время, вступалъ немедленно въ свою должность дворецкаго и во время обѣда, становясь за креслами хозяйки, въ непомѣрно-высокомъ галстукѣ и всегда съ важною осанкой, подавалъ блюда за столомъ.

Изъ трехъ сыновей тетушки, старшій, князь Петръ Ивановичъ, женатый на единственной дочери фельдмаршала князя Витгенштейна, былъ губернаторомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а затѣмъ, кажется, сенаторомъ въ Москвѣ. Другой ея сынъ, князь Николай Ивановичъ (женатый на графинѣ Мусиной-Пушкиной) вдовецъ, Эпикуреецъ, великій хлѣбосолъ, котораго обѣды славились по всей Москвѣ, былъ самый пріятный человѣкъ въ обществѣ; онъ скончался первоприсутствующимъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, послѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына. Третій сынъ княгини Натальи Сергѣевны, князь Алексѣй Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Четвертинской, высокообразованной и весьма умной женщинѣ, извѣстной въ Москвѣ филантропкѣ, посвятившей себя всецѣло дѣламъ благотворительности и милосердія: княгиня Надежда Борисовна Трубецкая состоитъ попечительницей многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій и всѣми въ Москвѣ уважаема и любима. Сынъ ея князь Алексѣй Алексѣевичъ Трубецкой, по смерти своего дяди, князя Николая Ивановича, когда продали его фамильный домъ въ Знаменскомъ переулкѣ, хотѣлъ спасти этотъ домъ своихъ предковъ и перекупилъ его у какого-то купца, но не могъ его удержать и долженъ былъ продать его Щукину.

КЪ ИСТОРІИ ХРИСТІАНСТВА У ИНОВѢРЦЕВЪ ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ [1]).

(Посвящается памяти Уфимскаго преосвященнаго Діонисія).

1.

Обширный и въ былое время отдаленный край, растянутый между многоводной Волгой и быстротечнымъ Ураломъ, отъ Камы и Бѣлой до истоковъ рр. Илека и Эмбы, отъ границъ Сибири до береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей, на рубежѣ съ Киргизскими степями, обнимающій нынѣ собой губерніи Оренбургскую и Уфимскую и области Тургайскую и Уральскую [2]), до сей еще поры, въ теченіе болѣе трехвѣковаго подчиненія своего Русскому государству, слабо поддается воздѣйствію христіанской проповѣди. Преобладающее въ немъ населеніе [3]) на Сѣверѣ (въ Уфимской губ.) Башкиры, Мещеряки, Тептяри, (магометане), Чуваши, Черемиссы и Вотяки (частію язычники), на Югѣ (Тургайская, Зауральная и часть Уральской областей) Киргизы и въ средней части (Оренбургская губ.) Татары и Мордва. Край этотъ до нашихъ дней не перестаетъ быть поприщемъ всевозможныхъ волненій и злобнаго посягательства на самобытность Русскаго народа, на всѣ благія замыслы Русскаго правительства. До сихъ поръ еще здѣсь ничтожны зачатки Русской грамотности, такъ какъ инородцы болѣе склонны къ изученію Татарской азбуки и до сей поры съ неудовольствіемъ относятся ко всѣмъ мѣрамъ правительства, направленнымъ къ поднятію ихъ благосостоянія, ихъ умственному и нравственному успленію. Изъ числа Русскаго и иностраннаго

---

[1]) Въ Октябрской книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1898 г. помѣщена статья И. С. Листовскаго посвященная памяти незабвеннаго дѣятеля въ пользу православія Н. И. Ильминскаго. Касаясь въ ней распространенія христіанства въ нашихъ восточныхъ окрайнахъ, авторъ, между прочимъ, приводитъ нѣсколько примѣровъ препятствія дѣлу миссіонерства со стороны нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ власть, а особенно со стороны Казанскихъ муллъ. Къ этой статьѣ считаемъ долгомъ по имѣющимся у насъ архивнымъ документамъ и личнымъ наблюденіямъ, добавить еще нѣсколько новыхъ данныхъ въ области христіанскаго просвѣщенія туземцевъ Оренбургскаго края.

[2]) Необходимо для ясности объяснить, что всѣ эти четыре области до 1865 г. составляли одну губернію Оренбургскую.

[3]) По послѣднимъ статистическимъ даннымъ въ Уфимской губерніи приходится на 939,092 душъ об. п. Русскихъ и иностранцевъ—1,181,942 д. об. п. инородцевъ; въ Оренбург.—1,089,041 русск. и 347,102 туземцевъ, въ Уральск. обл.—141,195 Русск. и 404,293 магом. и наконецъ, въ Тургайской обл.—25,813 Русскихъ и 274,620 Киргизъ.

(колонисты и служащіе на заводахъ) населенія Уфимской губ. насчитывается учащихся 20.298, тогда какъ магометанъ и язычниковъ только 2.228 чел., въ Оренбургской—51.259 Русскихъ и 1.568 инородцевъ, въ Уральской области—4.970 Русскихъ и 493 туземцевъ, и въ Тургайской—1.103 Русскихъ и 643 Киргизъ.

Въ сѣверной части этого края, добровольно подчинившейся въ 1556 году Московскому государству, въ Башкиріи, постоянно гнѣздится крамола съ ненавистью къ Россіи. Были времена, когда эта полудикая страна, населенная по большей части туземцами магометовой религіи и подстрекаемая своими муллами „во имя вѣры“, якобы для райскаго блаженства, возставала противъ Русскихъ и съ оружіемъ въ рукахъ варварски опустошала наши города и села тамошніе и сосѣдніе. Со дня основанія перваго Русскаго города въ этомъ краѣ Уфы (въ 1574 г.) въ теченіе двухъ столѣтій (до пугачевщины 1773—1774 гг.) Башкиры девять разъ бунтовали противъ Россіи, иногда продолжая свои мятежи нѣсколько лѣтъ подрядъ.

Къ сожалѣнію, мѣстныя власти неумѣло дѣйствовали въ усмиреніи этого края, то слишкомъ раздражая туземцевъ, то снисходя и поблажая. Къ обрусенію края принимались странныя и при томъ иногда противурѣчивыя мѣры. Такъ съ одной стороны заботясь о заселеніи и особенно объ усиленіи православія, правительство предписывало, чтобы „инородцамъ, которые содержатся въ одномъ маломъ воровствѣ, въ ссорахъ, дракахъ и тому подобныхъ поступкахъ“, вины отпускать, „если требуютъ (они) Св. Крещенія“[1]), или дабы духовныя персоны иновѣрцевъ старались увѣщевать къ Св. Крещенію, яко весьма душеполезному дѣлу“ [2]), а „воспріявшимъ вѣру Греческаго исповѣданія иновѣрцамъ всякую милость и благодѣяніе показывать“ [3]). Наконецъ тѣхъ туземцевъ, „кои не подданные Россійскіе“ выбѣгаютъ изъ Киргизскаго плѣна, принимать на жительство не иначе, какъ если сдѣлаются православными христіанами, поселяя ихъ въ Уфимской провинціи около Нагайбацкой крѣпости[4]). Между тѣмъ съ другой стороны въ привеллегіи, данной г. Оренбургу 1-го Мая 1734 [5]), Богъ знаетъ вслѣдствіе какихъ соображеній, всѣмъ иновѣрцамъ, не взирая на ихъ исповѣданіе, предоставлено было право приходить, жить и селиться, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ. Первый Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ пошелъ еще дальше, и вмѣсто того, чтобы, по примѣру своихъ предшественниковъ Кирилова, Татищева и князя Урусова, заботившихся населить

---

[1]) Указъ Сената 28 Сентября 1743 г. въ Оренбург. центр. архивѣ.

[2]) Указъ Св. Сунода 30 Сент. 1760 г.

[3]) Указъ Сунода 11 Сент. 1740 г.

[4]) Указъ Госуд. колл. иностр. д. 16 Марта 1752 г. Сл. Рычкова, Типографія Оренб. губ. 1887, I 137.

[5]) Полное собр. закон. IX, №№ 6576 и 6584.

край поселенцами изъ коренныхъ Русскихъ областей, вдругъ началъ хлопотать о переводѣ туда Казанскихъ и Вятскихъ Татаръ, „какъ людей добропорядочныхъ (?) и торги производить могущихъ“[1]), и Татаръ Кундровскихъ изъ Астраханской губерніи. Они были переселены въ край въ 1745 году. Изъ нихъ первымъ въ числѣ 200 семей отведены самыя лучшія земли (въ количествѣ 65 тыс. десятинъ) въ 18 верст. отъ Оренбурга при впаденіи р. Верхней Каргалки въ Самару, съ предоставленіемъ права свободнаго торга съ Азіатцами, не допуская въ свое селеніе Русскихъ [2]), вторые поселены верстахъ въ 150 отъ губернскаго города, особой Кундровской слободой [3]), на той же р. Сакмарѣ, также въ плодородной мѣстности, на границѣ съ Башкиріею по старому Исетскому тракту.

Это была грубая и трудно поправимая ошибка, какую можно было допустить въ нашей восточной политикѣ. Чрезъ полтора столѣтія мы уразумѣли наконецъ, какъ было опасно переводить въ мало еще населенный край, въ гнѣздо инородческаго населенія, въ большинствѣ исповѣдывавшаго еще язычество, такихъ заядлыхъ фанатиковъ магометанства, какъ Казанскіе Татары, историческое прошлое которыхъ полно интригами и подкопами противъ Россіи и для которыхъ въ Башкиріи открывалось широкое поле преступной дѣятельности во вредъ православію и Русской самобытности. Даже теперь, когда край Оренбургскій болѣе или менѣе связанъ Русской силой, они не перестаютъ зловредно вліять на инородческое населеніе, стараясь разными вымышленными росказнями и навѣтами подрывать въ ихъ глазахъ значеніе Русскаго правительства и православной церкви.

Расположенный на большомъ торговомъ пути по тракту изъ (Оренбурга въ Уфу), бокъ-о-бокъ на Сѣверѣ съ Башкиріей и на Югѣ съ Киргизской степью, Сеитовскій посадъ, за отсутствіемъ въ немъ людей Русскихъ, и въ настоящее время играетъ непослѣднюю роль среди магометанъ Оренбургскаго края. Значительное въ немъ число мечетей и медрессе [4]), гостинный дворъ (караванъ-сарай) съ каждодневнымъ базаромъ и 260-ю лавками, торгующими исключительно тѣми товарами, которые идутъ на потребность туземцевъ, особое управленіе, свой судъ и даже типъ самыхъ построекъ,—отличаютъ его отъ другихъ Татарскихъ поселеній края и дѣлаютъ какимъ-то обособленнымъ азіатскимъ городкомъ. Сосѣдніе инородцы даже больше льнутъ къ нему, чѣмъ къ Казани и Уфѣ, городамъ чисто-магометанскимъ. И посадъ этотъ (или по мѣстному названію Каргала) служитъ для нихъ какъ бы Меккой или

---

[1]) Полное собр. зак. т. XI, №№ 8617 6 и 8893.

[2]) См. грамоту отъ 8 Августа 1745 г., данную Сеитовскому посаду (Оренб. губ. вѣд. 1870, № 41).

[3]) Нынѣ казачій поселокъ того же имени Орскаго уѣзда.

[4]) На 8 тыс. душъ об. пола въ посадѣ насчитывается 9 мечетей съ девятью Татарскими школами при нихъ.

Мединой; потому что сюда, кромѣ различныхъ закупокъ, мѣстные Татары, Башкиры, Киргизы, Тептяри на пути изъ Уфы въ Оренбургъ и обратно постоянно наѣзжаютъ, чтобы помолиться въ мечетяхъ или отдать своихъ дѣтей въ Каргалинскія школы, гдѣ проходится только одна магометанская мудрость, но ни одного звука Русскаго [1]), и откуда ежегодно выходятъ „мужи ученые," которые, разсѣеваясь потомъ по дебрямъ Башкиріи и степямъ Киргизскимъ, проповѣдутъ темному люду тѣ же взгляды и завѣты, какіе вынесли они сами изъ стѣнъ своихъ учебныхъ заведеній. Судя по фанатизму муллъ магометанскихъ (преимущественно изъ Казанскихъ Татаръ), трудно повѣрить, чтобы эти завѣты были за Россію [2]).

Слѣдующимъ правителемъ Оренбургскаго края, надѣлавшимъ немало золъ православію и ущерба Русской народности, былъ баронъ О. А. Игельстромъ [3]) Онъ вздумалъ просвѣщать Киргизъ, но какъ?... Не зная ни быта, ни духа, ни вѣрованій и не смотря на то, что въ дѣлахъ внѣшней вѣры они были еще что называется „tabula rosa", баронъ началъ строить для нихъ мечети съ Татарскими школами и гдѣ же? въ Оренбургѣ и Троицкѣ, т. е. за 800—1000 верстъ отъ Киргизскихъ кочевокъ, предлагая при этомъ „людей, потребныхъ для этихъ школъ брать изъ Казанскихъ муллъ" [4]). Игельстромъ лелѣялъ несбыточную надежду, что „снабденіе разныхъ родовъ Киргизскихъ муллами немалую пользу въ дѣлахъ нашихъ принести можетъ къ удержанію Киргизцовъ въ вѣрности къ намъ и къ удаленію ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ." Съ этою цѣлію, при учрежденіи въ 1786 г. въ Киргизской ордѣ „расправъ" для разбора судебныхъ дѣлъ были назначены туда письмоводители „изъ вѣрныхъ (?) духовнаго магометанскаго закона Казанскіе Татары" [5]).

Но слова и пышныя фразы на дѣлѣ были неосуществимы: Киргизы ненавидѣли Казанскихъ муллъ и Татаръ и всѣми мѣрами старались выйти изъ ихъ зависимости. Вмѣсто ожидаемаго спокойствія, уменьшенія грабежей на границѣ, Киргизы еще больше бунтовали и безнаказанно врывались въ Русскія поселенія. Причина этому была та, что посылаемые въ орду муллы или раздражали ихъ различными сборами и поборами, или своими подговорами враждебно настраивали ихъ противъ пограничныхъ властей, какъ это

---

[1]) По переписи 1889 г. въ Каргалѣ было грамотныхъ 905 душъ, изъ нихъ только 90 человѣкъ знали Русскую азбуку.

[2]) Подробности о Сеитовскомъ посадѣ см. въ нашей статьѣ „Каргала" „Русскій Архивъ" 1897. II, 602.

[3]) Баронъ Игельстромъ два раза управлялъ Оренбургскимъ краемъ: въ первый разъ въ качествѣ Симбирскаго и Уфимскаго генералъ-губернатора съ 1784 по 1794 г., второй разъ въ званіи Оренбургскаго военнаго губернатора съ 29 декабря 1796 по 1798 годъ.

[4]) См. въ нашей ст. „Баронъ О. А. Игельстромъ" („Русск. Ар." 1897. I, 513). рескриптъ на имя его отъ 4 Сентября 1785 г.

[5]) Тамъ же рескриптъ отъ 27 Ноября 1785 г.

сдѣлалъ въ 1790 г. первый Оренбургскій муфтій Гуссейновъ [1]), отправившійся по требованію Игельстрома въ Зауральную степь для внушенія ордынцамъ основъ магометанской религіи, чѣмъ вызвалъ среди Киргизъ волненіе, разразившееся рядомъ вооруженныхъ, подъ предводительствомъ, Сырымъ-батыря, набѣговъ на Нижне-Уральскую линію 1790 по 1796 г. Однако, не смотря на такія дѣйствія Гуссейнова, въ 1798 г. ему была пожалована „за усердную (?) службу“ соболья шуба и 4 тыс. рублей на покупку дома въ Оренбургѣ [2]). Когда же пріемникъ Игельстрома, Оренбургскій военный губернаторъ Н. Н. Бахметевъ хотѣлъ было въ 1801 г. урѣзать права муфтія, то получилъ за это выговоръ, и Гуссейнова попрежнему велѣно было отпускать въ орду, если „онъ по своимъ духовнымъ надобностямъ пожелаетъ туда ѣхать“.

Послѣдующіе Оренбургскіе губернаторы, князь Волконскій, ген.-адъютантъ Эссенъ и графъ Сухтеленъ, въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, почти не вмѣшивались въ вѣроисповѣдныя дѣла и не дѣлали попытокъ ни за, ни противъ православія или распространенія въ краѣ христіанства. Но съ пріѣздомъ въ 1833 году въ Оренбургъ ген.-адъютанта Перовскаго [3]), снова началось покровительство Татарскимъ мулламъ, посылка ихъ въ степь и притѣсненіе Киргизцовъ.

Мы такимъ образомъ сами явились пособниками порабощенія инородцевъ Татарами, неумѣлыми распоряженіями магометанили кочевниковъ настолько, что нужно много-много десятковъ лѣтъ, чтобы подготовить православнымъ миссіонерамъ благопріятную почву для успѣха среди нихъ христіанской проповѣди. Между тѣмъ, лѣтъ 100—150 назадъ, стоило лишь устроить среди инородцевъ нѣсколько Русскихъ школъ и послать къ нимъ знающихъ мѣстный языкъ священниковъ, то съ увѣренностію можно сказать, что Чуваши, Черемисы и особенно Киргизы давно бы, если не всѣ, то большая часть стали христіанами.

Теперь же православнымъ миссіонерамъ приходится вести успленную борьбу съ татаризмомъ, особенно въ Уфимской епархіи, гдѣ на 1,049,169 магометанъ насчитывается однѣхъ штатныхъ мечетей до 1400 и при нихъ болѣе 1500 указныхъ муллъ [4]), тогда какъ на 850 тыс. душъ православнаго населенія приходится всего около 300 церквей, да и то разбросанныхъ на далекое разстояніе одна отъ другой [5]).

---

[1]) Должность муфтія учреждена была по ходатайству того же Игельстрома, высочайшимъ повелѣніемъ 22 Сентября 1788 года, въ Уфѣ (см. подробности въ „Русск. Арх“. за 1897, I, 513 V).

[2]) Матеріалы по исторіи Оренб. губ. 1889 г. т. I, в. 2-й стр. XI.

[3]) Впослѣдствіи графъ управлялъ краемъ два раза: съ 1833 по 1842 и съ 1851 по 1857 г.

[4]) Т. е. такихъ, которые допущены къ служенію правительствомъ.

[5]) Всего въ губерніи считается (помимо мусульманъ) православныхъ и единовѣрцевъ 853,237, раскольниковъ 16,787, язычниковъ 96,907 и проч. исповѣданій 22. Изъ

Если къ этому прибавить число неуказныхъ муллъ, которые также совершаютъ богослуженія и проповѣдуютъ магометанское ученіе, то не трудно будетъ понять, какой еще громадной силой обладаетъ здѣсь магометанство. Муллы насчитываются сотнями, тогда какъ православныхъ священниковъ можно считать десятками. Притомъ у мусульманъ принято строить мечети на каждыя 200 душъ мужскаго населенія; у православныхъ же церковь основывается лишь на 1000 человѣкъ и рѣдко меньше; иначе говоря, достаточно нѣсколькимъ семьямъ мусульманъ поселиться гдѣ-либо, какъ у нихъ тотчасъ же выростаютъ и мечеть и школа. Между тѣмъ для православнаго населенія, по скудости средствъ (а иногда и по другимъ причинамъ), приходится ограничиваться одной церковью на нѣсколько деревень, т. е. составлять приходъ что̀ не всегда удобно для проповѣди и поддержанія въ вѣрующихъ истиннаго духа православнаго вѣроученія.

II.

Дѣло миссіонерства въ Уфимской епархіи началось лѣтъ 30—40 назадъ, но благодаря отчасти неумѣлой постановкѣ, отчасти вслѣдствіе несочувствія со стороны нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ (имена которыхъ пусть пока останутся въ тайнѣ), а особенно по отсутствію средствъ и значительной отдаленности инородческихъ поселеній отъ православныхъ церквей, оно находилось въ самомъ печальномъ положеніи. Въ отчетѣ мѣстнаго миссіонерскаго общества за 1891 г. читаемъ:

„До открытія правильной организаціи миссіонерскаго дѣла (т. е. до учрежденія въ 1879 году особаго Уфимскаго отдѣла Православнаго Миссіонерскаго Общества), всѣ вообще ранѣе крещеные инородцы въ отношеніи религіозно-нравственнаго просвѣщенія находились поистинѣ въ самомъ жалкомъ состояніи. Поселившись болѣе 150 лѣтъ тому назадъ *) въ мало населенный край, извѣстный подъ именемъ „Оренбургской Башкиріи“, безъ ближайшаго надзора не только духовнаго, но и гражданскаго начальства, среди Башкиръ и Татаръ, инородцы эти, отчужденные отъ порядка, дисциплины и вообще правильной гражданской жизни, дали у себя широкое мѣсто дикимъ и грубымъ животнымъ наклонностямъ. Христіанство хотя они и приняли давно, но приняли только формально, внѣшнимъ образомъ, т. е. христіанство дало имъ лишь имена, но не ознакомило ихъ съ ученіемъ Христа и съ богатствомъ содержанія православнаго богослуженія. Отсюда у нихъ явилось полное невѣдѣніе о томъ, что̀ кроется подъ внѣшней формой христіанскихъ обрядовъ, и инородцы были чужды всему тому, что̀ составляло внутренній христіанскій міръ, коимъ опредѣляется христіанскій взглядъ на вещи. Въ ис-

---

нихъ исповѣдующихъ православную вѣру инородцевъ: 611 Башкиръ, 35,143 Татаръ, 51,457 Чувашъ, 29,599 Мордвы, 4,365 Черемисъ и 1690 Вотяковъ.

*) Усиленная колонизація Башкиріи крещеными инородцами началась со времени образованія, по проекту оберъ-секретаря сената с. с. Кирилова, Оренбургскаго края, постройкою въ 1735 г. Оренбурга на р. Ори. Поселившись же среди магометанъ, они, за отсутствіемъ по близости священниковъ, какъ недостаточно укрѣпленные въ православной вѣрѣ, быстро начали подпадать подъ вліяніе Татаръ, сродныхъ имъ по языку и племени.

полненіи христіанскихъ требъ и богослуженія большая часть инородцевъ скорѣе усматривала гражданскую, чѣмъ религіозную подкладку, и на требы и богослуженія смотрѣла, какъ на гражданскіе акты, требуемые правительствомъ лишь для правильной общественной жизни. Въ лицѣ же священника они видѣли не столько пастыря, пекущагося о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, сколько администратора, должность котораго состояла только въ томъ, чтобы давать имена вновь рождающимся, записывая ихъ въ метрику, заключать договоры между брачущимися, дѣлая гражданскі невозможнымъ разводъ супруговъ, свидѣтельствовать предъ смертію больного (напутствованіе), дабы не было препятствій къ погребенію, выдавать вѣнчики и рукописанія для покойниковъ, какъ разрѣшительныя грамоты, хоронить и проч“

Такимъ образомъ христіанство въ своихъ обрядахъ и молитвахъ являлось инородцамъ совершенно чуждымъ исповѣданіемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія на ихъ внутреннюю жизнь.

По своей привычкѣ при встрѣчѣ толковать всегда о вѣрѣ, Татары всячески старались унизить въ глазахъ инородцевъ православіе, прибѣгая къ различнымъ обманамъ.

— Ну, что ты мотаешь рукой, точно мухъ отгоняешь, потѣшается надъ инородцемъ Татаринъ, когда онъ творитъ крестное знаменіе. Смотри, на томъ мѣстѣ, гдѣ ты въ лобъ тычешь, у тебя дыра будетъ.

— Наша вѣра куда лучше вашей, каждый день жужжатъ фонатики-муллы. У насъ женъ и здѣсь и на томъ свѣтѣ много, а у васъ всего одна, а тамъ и этого не дадутъ.

И эти толки, эти растлѣвающія нравы и развивающія животные инстинкты сужденія сбиваютъ, наконецъ, инородца съ пути. Остываетъ у него расположеніе къ христіанской вѣрѣ и является жажда къ другому ученію, которое такъ заманчиво привлекаетъ его удовлетвореніемъ скотскихъ потребностей. Былъ примѣръ даже въ позднѣйшее время, что, благодаря этимъ навѣтамъ, въ Августѣ 1881 года, въ магометанство уклонилось 300 семей крещеныхъ Татаръ Белебеевскаго и Стерлитамацкаго уѣздовъ.

Православный священникъ, призванный укрѣплять и вразумлять сыновъ св. церкви, живя въ большинствѣ случаевъ за десятки верстъ отъ приписанныхъ къ его приходу инородческихъ селеній, не могъ безотлучно не только учить ихъ, но хотя бы изрѣдка совершать для нихъ службы церковныя. Онъ бывалъ у нихъ наѣздомъ, нѣсколько разъ въ годъ, и то лишь для того, чтобы провѣрить число живыхъ и умершихъ, совершить нѣсколько необходимыхъ требъ и потомъ снова уѣхать на болѣе или менѣе неопредѣленное время *).

Вслѣдствіе такихъ чисто офиціальныхъ отношеній пастыря къ пасомымъ, инородцы питали къ священнику лишь чувство страха и смотрѣли на него, какъ на начальника; ибо къ тому же священникъ съ своей стороны „для

*) Уфимск. Епарх. Вѣдомости 1892, № 11.

поддержанія хотя бы видимаго порядка и соблюденія этими вѣрующими необходимаго христіанскаго долга (крещенія, вѣнчанія и причащенія Св. Таинъ), нерѣдко, при невозможно громадномъ приходѣ, долженъ былъ дѣйствовать не безъ строгости, и такимъ образомъ священника прихожане-полудикари больше боялись, чѣмъ любили" [1]).

Въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія епархіальное начальство построило на казенный счетъ нѣсколько церквей въ инородческихъ селеніяхъ, но темная масса этихъ исповѣдниковъ православной вѣры заволновалась, видя въ томъ посягательство на ихъ свободу; ибо священникъ, представлявшійся имъ такимъ грознымъ наѣздомъ, теперь, живя среди нихъ безвыѣздно, казался имъ еще страшнѣе: „на всѣ дѣйствія его они смотрѣли, какъ на притязаніе окончательно овладѣть ими для легчайшаго производства разнаго рода сборовъ и поборовъ" [2]).

Православному пастырю, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не безъ труда можно было добиться лишь одного: инородцы „волею-неволею стали исполнять обряды крещенія, погребенія и вѣнчанія", хотя совершеніе этихъ таинствъ на Славянскомъ языкѣ для нихъ не было понятнымъ. Только съ открытіемъ въ нѣкоторыхъ туземныхъ селахъ Русскихъ школъ и съ опредѣленіемъ туда учителей изъ природныхъ инородцевъ, когда началось обученіе дѣтей пѣнію молитвъ на ихъ родномъ языкѣ, фанатизмъ туземцевъ нѣсколько поколебался. Особенно этимъ занялись женщины, сначала изъ пустого любопытства, „какъ поютъ ихъ ребятишки", посѣщавшія церковь, а потомъ уже и съ сознаніемъ торжественности и благолѣпія православнаго богослуженія. За ними постепенно начали посѣщать церковь ихъ мужья и братья. Когда же къ нимъ стали назначать пастырями людей, основательно знавшихъ ихъ нарѣчіе, то предубѣжденіе инородцевъ противъ православнаго духовенства ослабѣло еще болѣе.

Но тогда же, т. е. въ 1879 году, болѣе или менѣе усилилась и магометанская пропаганда. Подстрекаемые и руководимые своими муллами, Татары явно и дерзко стали удерживать инородцевъ отъ перехода въ православіе, не пренебрегая для этого никакими мѣрами. Въ селеніяхъ, напримѣръ, гдѣ жили вмѣстѣ христіане и магометане, сіи послѣдніе не давали приговора на отводъ земли подъ церковь или школу, или же указывали мѣсто верстахъ въ 5—6 отъ деревни. Для большаго распространенія своего ученія, муллы, подъ защитой сильныхъ и вліятельныхъ Татаръ, въ одеждѣ нищихъ разсылали по деревнямъ особыхъ проповѣдниковъ, которые разными подачками и обѣщаніями привлекали къ себѣ послѣдователей.

На одного изъ такихъ проповѣдниковъ, въ д. Азмеевой Белебеевскаго уѣзда, учитель мѣстной школы Алексѣевъ обратилъ вниманіе и донесъ по

---

[1]) Изъ журнала Уфимск. миссіон. общества за 1891 г.

[2]) Тамъ же.

начальству; но что же вышло? Узнавъ о доносѣ учителя, жители тотчасъ же составили приговоръ удалить Алексѣева и, какъ ни странно, но желаніе ихъ было исполнено: ненавистный учитель былъ смѣненъ.

Въ другой дер. Базлыкъ-Васильевой, также на половину православной, жившій тамъ мулла Бектемировъ ласками и подарками заманивалъ къ себѣ дѣтей христіанъ-инородцевъ, одѣвалъ ихъ по-татарски, заставлялъ ходить въ медрессе, гдѣ обучалъ Татарской грамотѣ, и въ концѣ концовъ такъ расположилъ къ себѣ православныхъ, что деревня едва не обратилась въ магометанство. Благо, замѣтили во время его дѣйствія, и онъ былъ преданъ суду.

Находясь, такимъ образомъ, между двухъ противоположныхъ теченій, инородцы, чтобы успокоить однихъ и не дать поводъ къ нареканіямъ со стороны другихъ, стали прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ: въ одно и тоже время они посѣщали церковь и не забывали мечети, крестили дѣтей, но потомъ давали имъ магометанскія имена, христіанскихъ постовъ не соблюдали и даже въ великій постъ ѣли конину; за то исполняли посты по магометанскому обряду. Иконъ въ домахъ не держали; онѣ были подъ нарами или въ курятникѣ; рѣдкіе изъ нихъ носили кресты. При засухахъ или ненастьи служили молебны, а послѣ приносили поязычески въ жертву быковъ и лошадей. Для напутствованія умирающихъ хотя приглашали священника, но послѣ отпѣванія въ церкви тѣла умершихъ несли на кладбище, взрослыхъ въ лубьяхъ, а дѣтей въ кулькахъ, въ сопровожденіи своры собакъ и съ соблюденіемъ мусульманскихъ и языческихъ обрядовъ. При этомъ употреблялись всѣ мѣры, чтобы священникъ не провожалъ покойниковъ до могилъ, надъ которыми, вмѣсто крестовъ, водружали палки, клали камни. Какъ-то разъ (въ 1882 г.) священникъ села Мелеуза, Стерлитамакскаго у., поставилъ на кладбищѣ крестъ; инородцы на другой же день выбросили его вонъ и на его мѣсто воткнули палку. Отецъ Громогласовъ вступился было за это, но прихожане набросились на него: „Эй батька! Ты все клянзишь? Смотри, живи съ нами дружно“ [1])!

Къ несчастію, такое подпольное запалзываніе магометанской гидры не встрѣчало на своемъ пути достаточныхъ преградъ. Въ 70-хъ годахъ одинъ священникъ инородческаго прихода заявлялъ было покойному Уфимскому епископу Петру о такомъ печальномъ явленіи; но владыка, молча выслушавъ его, съ сокрушеннымъ сердцемъ промолвилъ: „Ихъ можетъ исправить и на путь наставить только самъ Христосъ“ [2])!...

Лишь съ пріѣздомъ въ Уфимскую епархію въ 1884 году покойнаго епископа Діонисія [3]), начался рядъ энергично предпринятыхъ мѣръ, глубо-

[1]) „Оренбур. Листокъ“ 1882, № 10.

[2]) Тамъ же. Преосвященный Петръ правилъ Уфимской епархіей съ 1869 по 1876 г.

[3]) Преосвященный Діонисій былъ раньше Якутскимъ епископомъ. Я имѣлъ удовольствіе (въ бытность въ 1893 г. въ Уфѣ) бесѣдовать съ этимъ маститымъ архипастыремъ и вынесъ убѣжденіе въ его обширномъ знаніи миссіонерскаго дѣла.

ко и мудро направленныхъ къ огражденію крещеныхъ инородцевъ отъ совращенія въ магометанство.

Не щадя силъ и здоровья [1]) и не взирая на погоду, въ дождь, и въ мятель, и въ глубокую осень, въ суровые холода, и ранней весной, преосвященный самъ и довольно часто совершалъ поѣздки по всѣмъ уѣздамъ своей обширной епархіи, самъ убѣждалъ и наставлялъ крещеныхъ инородцевъ быть твердыми въ вѣрѣ, утѣшалъ и ободрялъ тѣхъ, которые за непоколебимое исповѣданіе православія терпѣли различныя притѣсненія и обиды. Благодаря его неусыпнымъ трудамъ, съ 1884 по 1896 годъ было вновь воздвигнуто до 40 церквей и до 120 миссіонерскихъ, церковно-приходскихъ школъ, преимущественно въ инородческихъ селеніяхъ. Учителями въ школы эти назначались большею частію природные инородцы, получившіе образованіе или въ Казанской Учительской семинаріи, или въ Казанской Крещено-татарской школѣ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло преподаванія ведется ими усердно. Главные предметы обученія: Законъ Божій, церковное пѣніе, Русскій языкъ и ариѳметика; гдѣ же есть церковь, тамъ въ праздничные дни, при богослуженіяхъ, ученики читаютъ на клиросѣ часы, шестопсалміе, поютъ молитвы, тропари, какъ на Славянскомъ, такъ и на Чувашскомъ или Татарскомъ языкахъ (ибо въ инородческихъ церквахъ богослуженіе совершается на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ).

Уже въ 1891 году благочинные Уфимской епархіи доносили, что „религіозно-нравственное состояніе инородцевъ становится все болѣе и болѣе отраднымъ. Теплое чувство вѣры замѣтно растетъ и крѣпнетъ въ нихъ, принося пріятные плоды. Въ храмовые праздники и въ дни Св. Пасхи инородцы принимаютъ у себя св. иконы, служатъ молебны, безъ принужденія посѣщаютъ церковь и исполняютъ всѣ христіанскія обязанности. Они принимаютъ видъ православныхъ и въ домашнемъ быту стараются сблизиться съ Русскими и перенять ихъ обычаи. Столъ и стулъ стали необходимою принадлежностью каждаго порядочнаго инородческаго дома, и прежнія Татарскія нары не имѣютъ мѣста“ [2]).

Такъ благотворно, въ какихъ нибудь 6—7 лѣтъ, подѣйствовало на инородцевъ открытіе среди нихъ церквей и Русскихъ школъ. Вслѣдствіе этого Уфимскій миссіонерскій комитетъ старается поддерживать и, не смотря на скудость средствъ [3]), умножать число этихъ благихъ пособниковъ просвѣщенія въ темномъ народѣ. Переданныя въ голодный годъ уполномоченнымъ по Уфимской губерніи, д. с. с. А. Д. Дашковымъ, въ распоряженіе преосвященнаго Діонисія 25 тыс. рублей изъ суммъ, отпущенныхъ правительствомъ на общественныя работы, были всѣ употреблены на постройку 7 миссіонер-

---

[1]) Владыка страдалъ ревматизмомъ ногъ, захваченнымъ въ дебряхъ Сибирскихъ, отчего онъ и сошелъ въ могилу.

[2]) Уфимск. Епарх. Вѣд. 1892, № 13.

[3]) Приходъ комитета достигаетъ не болѣе 6—7 тыс. рублей въ годъ, а расходовъ предстоитъ втрое.

скихъ, 20 церковно-приходскихъ и 37 школъ грамотности въ селеніяхъ инородческихъ или зараженныхъ расколомъ [1]).

Сами инородцы охотно пошли навстрѣчу заботамъ о нихъ православнаго духовенства, выражая свою благодарность владыкѣ за его попеченія, и по мѣрѣ силъ своихъ старались, кто чѣмъ могъ, споспѣшествовать скорѣйшему устройству храмовъ Божіихъ. Оконченныя постройкой въ 1892 г. семь церквей въ селеніяхъ Баткакѣ, Сухаревѣ, Ампалѣ, Арматовѣ, Базгіевѣ, Куяштырѣ и Ольгинѣ соорудились исключительно пожертвованіями частію самихъ инородцевъ, частію отзывчивыхъ на доброе дѣло купцовъ и помѣщиковъ Уфимскихъ. Съ каждымъ годомъ инородцы все больше и больше стали проявлять ревность къ православной вѣрѣ. Такъ въ томъ же 1892 г. крещеные Татары дер. Усовъ, Белебеевскаго уѣзда, Кириллъ Семеновъ и Ѳедоръ Аѳанасьевъ подали преосвященному прошеніе, въ которомъ, ходатайствуя о разрѣшеніи имъ построить въ ихъ деревнѣ храмъ, жертвовали на его сооруженіе, первый 2 т. р. и второй 1 т. р. Третій благотворитель Кириллъ Константиновичъ представилъ весь необходимый на церковь лѣсъ.

„Отрадно видѣть здѣсь, говоритъ въ своемъ донесеніи благочинный о. А. Цареградскій [2]), что лица эти, хотя и довольно зажиточныя, но жертвуютъ не отъ богатства и излишковъ, а исключительно изъ сердечнаго желанія имѣть церковь, чѣмъ сугубо возвышается ихъ жертва“.

Къ прискорбію, въ народѣ еще держится немало предразсудковъ и нелѣпыхъ преданій языческой старины, коими пользуются враги православія. Въ холерный (1892) годъ, въ одномъ Чувашскомъ селеніи Слакъ-Башъ, фанатики магометанства и язычества, по случаю приближенія злой гостьи, стали распускать слухи, что инородцамъ-христіанамъ не слѣдуетъ исполнять заповѣди Русской вѣры, научая народъ молиться прежнимъ богамъ, приносить имъ жертвы и исполнять всѣ завѣты языческихъ священнодѣйствій, опахивать селенія и ходить чрезъ очищеніе, дабы зараза не приставала. Для этого около крутой горы вырывалась яма, и разводился огонь, добываемый не иначе какъ треніемъ двухъ деревьевъ одно о другое. Сюда приносились кошка, собака и змѣя, которыя потомъ въ присутствіи всего собравшагося народа разрѣзывались на части и раскладывались по обѣимъ сторонамъ пути, по которому должны были проходить желающіе очиститься. При прохожденіи очищаемаго мимо этихъ животныхъ, одинъ изъ старыхъ язычниковъ билъ его по спинѣ, произнося заклинанія, чтобы выгнать изъ него „лихую болѣзнь“.

Священнику села этого стоило не мало труда отвлекать толпу отъ такой недостойной христіанина мерзости. Болѣе благоразумные послѣдовали совѣту пастыря и, по отслуженіи молебна съ водосвятіемъ, совершили кру-

[1]) „Уфимск. Губ. Вѣд.“ 1893, № 36.

[2]) Миссіон. отчетъ за 1892 г.

гомъ села крестный ходъ; но нѣкоторые не послушались своего пастыря и прошли чрезъ очищеніе *). Жители этой деревни были особенно склонны къ разнымъ наговорамъ и дольше всѣхъ оставались загрубѣлыми язычниками, несмотря на кроткія мѣры епархіальнаго начальства воротить ихъ въ лоно православной церкви, въ которой они числились издавна. Раньше деревня эта, состоящая изъ 173 дворовъ съ 874 душъ крещеныхъ Чувашъ и 9 дворовъ съ 48 Русскими, была приписана приходомъ за 13 верстъ къ селу Воздвиженскому, священникъ коего ни слова не зналъ по-чувашски, а послѣдніе не понимали ничего по-русски. Совершая въ 1889 году поѣздку по епархіи, преосвященный Діонисій, между прочимъ, посѣтилъ и Слакъ-Башъ. Чуваши встрѣтили его посрединѣ деревни съ иконой и хлѣбомъ-солью. Владыка вышелъ изъ экипажа и исполнилъ нѣсколько подобающихъ случаю церковныхъ пѣснопѣній. Чуваши слушали пѣніе съ благоговѣніемъ. Преосвященный, принявъ хлѣбъ, благословилъ ихъ и вступилъ съ ними въ бесѣду, разспрашивалъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, о нуждахъ духовныхъ и въ заключеніе предложилъ построить въ деревнѣ церковь и школу.

— Нѣтъ, нѣтъ! намъ ни того, ни другого не надо! вдругъ, завопили они. — Почему же? удивился владыка. — Гдѣ намъ, бачька, попа имѣть, чѣмъ его кормить? Мы люди бѣдные.

— Напротивъ, вамъ тогда будетъ дешевле стоить... Теперь за исправленіемъ требъ вы должны ѣздить и дѣтей посылаете въ школу за 13 верстъ, а тогда у васъ школа и церковь будутъ дома. — Какъ вы хотите, но я вамъ посвящу священника и устрою церковь, наконецъ рѣшительно заявилъ архипастырь.

Не ожидая такого отпора, Чуваши смирились, и болѣе податливые изъ нихъ, видимо, еще сохранившіе въ душѣ искру святой вѣры, тутъ же начали просить преосвященнаго не забывать ихъ своими попеченіями. — Мы давно ждали тебя, владыко! Сдѣлай для насъ полезное, и мы будемъ благодарны тебѣ, говорили они.

Впослѣдствіи выяснилось, что Чуваши противились предложенію епископа не по своей мысли, а по наущенію какого-то Ѳедора Леонтьева, Чувашенина-бездомовца, подговореннаго къ тому Татарами; въ душѣ же многіе были рады выраженному владыкою желанію.

Этимъ дѣло еще не кончилось. Озабочиваясь скорѣйшимъ сооруженіемъ храма для Чувашъ, преосвященный, по своемъ возвращеніи въ Уфу, обратился къ одному изъ мѣстныхъ благотворителей, купцу Григ. Семен. Соловьеву, прося его взять на себя расходы по постройкѣ церкви въ Слакъ-Башѣ и устройству причта. Тотъ съ усердіемъ откликнулся на доброе дѣло. Скоро все было улажено: заготовленъ лѣсъ, куплены и другіе нужные матеріалы,

*) „Уфимск. Губ. Вѣд.“ 1893, № 32.

оставалось приступить къ сооруженію храма. Но вдругъ Чуваши снова заговорили противное: не хотятъ давать приговора на отводъ подъ церковь общественной земли, и ничего нельзя было подѣлать съ ними. Сначала уговаривать ихъ былъ посланъ благочинный, потомъ посылались двое священниковъ изъ Чувашъ, ѣздили еще трое священниковъ; уговаривали непокорныхъ и становой, и исправникъ; но все напрасно. Только когда полиція 28 Августа 1890 г. арестовала двухъ главныхъ возмутителей, Чуваши смирились и дали приговоръ на отводъ земли. Впослѣдствіи вотъ что оказалось.

У Чувашъ этихъ велось тяжебное дѣло съ генераломъ Глуховскимъ, адвокатомъ котораго былъ какой-то Поповъ, человѣкъ закоренѣлый, фанатикъ безпоповщины. Чтобы чѣмъ нибудь досадить мѣстному православному духовенству, онъ, разными подложными телеграммами и письмами, то отъ имени об.-прокурора Св. Сунода, то отъ имени Уфимской Казенной Палаты, то изъ другого какого-либо присутственнаго мѣста, нарочно возмущалъ Слакъ-Башинцевъ, совѣтуя имъ не допускать у себя построенія церкви; ибо, молъ, это поведетъ къ ихъ разоренію. Случалось и такъ. Священникъ и исправникъ уговорятъ Чувашъ, они согласны дать приговоръ и готовы уже его подписать, какъ вдругъ отъ Попова, за подписью (конечно, фальшивою) какого-нибудь высокопоставленнаго лица приходитъ письмо, въ которомъ настойчиво требуется не отводить подъ церковь землю, и Чуваши снова расходятся въ мнѣніяхъ.

Продѣлки Попова, наконецъ, были узнаны и, какъ за это дѣло, такъ и за прежнія подстрекательства, онъ получилъ достойное возмездіе: рѣшеніе Уголовной Палаты Уфимскаго суда приговорило его на поселеніе въ Сибирь. Послѣ этого въ томъ же 1890 г. церковь была окончена, а 10-го Января слѣдующаго года освящена самимъ владыкой.

Черезъ годъ съ селѣ этомъ открылась и школа, хотя, благодаря суевѣрію Чувашъ, и тутъ дѣло не обошлось безъ приключеній. Когда съ желѣзнодорожной станціи „Аксеново“ былъ привезенъ лѣсъ, и священникъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сторонниками училища „облюбовалъ“ мѣсто подъ школу, Чуваши никакъ не соглашались дать именно это выбранное мѣсто.

— Но вѣдь вы сами согласились имѣть у себя школу? укоризненно замѣтилъ имъ священникъ. — Ай батька! мы согласны. Только на эта мѣста ява нельзя положить. — Почему же?

— На эта мѣста келеметь, келеметь стоптъ... (Келеметь значитъ злой духъ).

— Ну и пусть его стоптъ. — Какъ можна, бачька, наконецъ, вступился почтенный старикъ-Чувашинъ, нѣсколько лѣтъ бывшій православнымъ. Ты самъ посуди: ребятишка нашъ глупый, выйдетъ на двора, станетъ играть, начнетъ кричать, келеметь не любитъ эта, многа бѣда надѣлатъ.

Батюшка только покачалъ головой. Долго бился онъ съ ними. Хотя они потомъ, посовѣтовавшись между собой, согласились строить школу на указанномъ мѣстѣ, но лишь потому, какъ объясняли старики, что, съ устройствомъ тутъ христіанскаго училища, злой духъ неминуемо долженъ удалиться, ибо-де не любитъ этого.

Таковы нравы и понятія народа, среди котораго нашимъ миссіонерамъ приходится насаждать просвѣщеніе и христіанство.

III.

Въ смежной епархіи Оренбургской, обнимающей собой губернію Оренбургскую и области Тургайскую и Уральскую, просвѣщеніе инородцевъ стоитъ еще того ниже.

Въ лучшія условія поставлена Оренбургская губернія, гдѣ туземцевъ считается всего около 320 тыс. душъ [1]) на $1^1/_3$ милліона прочаго населенія. Изъ нихъ одни Башкиры живутъ скученно, особнякомъ, въ глуши южной части Башкиріи и, какъ народъ тяжелый, лѣнивый и безпечный, до сей поры погружены во мракѣ невѣжества: мало кто изъ нихъ знаетъ и Татарскую грамоту. Хотя они совсѣмъ не поддаются проповѣди Христовой, но и не вредны для Православія, такъ какъ не предпринимаютъ никакихъ козней противъ распространенія Христіанства, ибо сами еще плохо укрѣплены въ Магометовой религіи, и если среди нихъ попадаются Чуваши и Мордва, то послѣдніе болѣе склонны къ св. церкви, чѣмъ къ мечети, а еще того менѣе къ идолопоклонству. Во всей Оренбургской губерніи насчитывается всего 206 тыс. магометанъ (Башкиры и Татары) и нѣтъ совсѣмъ язычниковъ.

Для Чувашъ, живущихъ на Башкирскихъ земляхъ временными хуторами, существуетъ 13-ть церковно-приходскихъ и миссіонерскихъ школъ, учителями копхъ священники изъ самихъ же инородцевъ. Въ школахъ этихъ, кромѣ грамоты, ведется обученіе церковному пѣнію и молитвамъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ церквей, въ праздничные дни, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, совершаются дозволенныя мірянамъ богослуженія и духовно-нравственныя бесѣды на родномъ языкѣ, при чемъ ученики помогаютъ въ чтеніи и пѣніи [2]). Въ губерніи насчитывается до 12-ти правительственныхъ школъ, предназначенныхъ исключительно для обученія туземцевъ [3]). Такимъ образомъ, инородцы-христіане всегда имѣютъ возможность слышать и церковное пѣніе, и назидательную бесѣду, и разговоръ о вѣрѣ, при постоянномъ столкновеніи съ Русскими людьми; поэтому они недоступны совращенію въ магометанство.

---

[1]) Башкиры (252 т. д.), Татары (55 т.), Чуваши (4 т.) и Мордва (около 20 т.).

[2]) Отчетъ Михаило-Архангельск. Братства за $189^3/_4$ г.

[3]) Отчетъ Оренб. губ. стат. комит. за 1891, стр. 17

Болѣе опасны для православія Татары; но они, ради своихъ торговыхъ дѣлъ, большею частію живутъ по городамъ и большимъ селамъ между Русскими, и поэтому, будучи окружены силою и властью, по необходимости должны показывать вѣротерпимость, хотя также не прочь, гдѣ есть возможность, вести пропаганду. Послѣднее особенно замѣтно въ необъятной Киргизской степи (Тургайская обл.), гдѣ на свободныхъ земляхъ отдѣльными хуторами и небольшими поселками разбросаны переселенцы изъ центральныхъ губерній Россіи—Великоруссы, Малороссы и Чуваши и гдѣ Татары уже издавна (см. въ I гл.) свили себѣ прочное гнѣздо магометанства и своимъ вѣроученіемъ окончательно поработили себѣ Киргизовъ.

Уже лѣтъ около десяти, совѣтъ Оренбургскаго епархіальнаго Михаило-Архангельскаго Братства каждогодно командируетъ въ степь о. Ѳедора Соколова, прекрасно владѣющаго Киргизскимъ языкомъ, чтобы съ одной стороны посѣтить проживающихъ по Киргизскимъ ауламъ Кустанаевскаго и Иргизскаго уѣзда Русскихъ поселенцевъ и исправить у нихъ необходимыя требы, а съ другой—чтобы подѣйствовать Христіанской проповѣдью на пылкихъ ордынцевъ. Но Татарскіе муллы и въ Киргизской степи составляютъ силу и постоянно ставятъ противовѣсъ распространенію христіанства.

Не смотря на запрещеніе закона позднѣйшаго времени селиться имъ въ степи, они все-таки, подъ различными предлогами, съ каждымъ годомъ все больше и больше пробираются туда, укрѣпляются тамъ и елико возможно распространяютъ между Киргизами фанатическій духъ ислама. Особенно много, подъ видомъ торговли, наѣзжаетъ ихъ туда лѣтомъ.

Чтобы упрочить въ степи исповѣданіе Магометовой вѣры, Татары прежде всего стараются забрать въ свои руки волостныхъ управителей, аульныхъ старшинъ или другихъ родовыхъ Киргизскихъ представителей и ужъ потомъ, съ помощію ихъ, напираютъ на простой и подневольный Киргизскій народъ, забитый и угнетенный, находящійся еще до сей поры въ полномъ подчиненіи у своихъ султановъ и баевъ *), хотя уже давно (съ 1865 г.) офиціально снята власть этихъ послѣднихъ. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ старшинъ люди болѣе или менѣе образованные, они скорѣе подпадаютъ подъ вліяніе Татаръ и затѣмъ являются защитниками ислама.

Одинъ изъ такихъ сильныхъ ратоборцевъ за исламъ въ аулѣ Ж... вступилъ даже съ о. Соколовымъ (въ его поѣздку въ 1891 г.) въ споръ и сталъ утверждать, что магометанская вѣра лучше, вѣра правая, доказывая это тѣмъ, что учившій его какой-то мулла въ г. Троицкѣ (Оренбург. губ.), человѣкъ-де начитанный, читавшій и Русскія и Татарскія книги, свято исполнявшій законы Магомета, на столько угодилъ Богу, что одинъ Троицкій купецъ давалъ ему 3000 рубл. за то только, чтобы онъ помолился за его умер-

*) Бай значитъ господинъ.

шаго родственника; но мулла будто бы и денегъ не взялъ и молиться за не мусульманина не сталъ.

Подобные разсказы дѣйствовали на пылкое воображеніе темной массы. Киргизы, слѣпо привыкшіе во всемъ слѣдовать своимъ старѣйшинамъ, безусловно вѣрили всякимъ ихъ разсказамъ, невольно и незамѣтно для себя подчинялись желаніямъ Татарскихъ проповѣдниковъ.

Ближайшіе къ Киргизамъ муллы г. Троицка постоянно рыскаютъ въ степи. Одинъ изъ нихъ А. каждогодно бываетъ тамъ или посылаетъ туда своихъ учениковъ (муэззиновъ), которые за укрѣпленіе въ вѣрѣ Киргизовъ взимаютъ съ нихъ поборы: по 1 лошади съ 40 головъ, столько же съ рогатаго скота и барановъ и по 1 пуд. пшеницы и другого зерна съ каждыхъ десяти пудовъ. И хотя ордынцы ничуть неподвѣдомственны этому муллѣ, но отбываютъ эту тяжелую дань, какъ кажется, охотно. По крайней мѣрѣ они не высказываютъ ропота противъ такого ненормальнаго явленія. Должно быть, ужъ очень сильно на нихъ вліяніе Татаръ и ихъ муллъ.

Ордынцы производятъ сильное давленіе на Русскихъ, коихъ тяжелая, безысходная нужда заставила поселиться въ далекой и необъятной степи.

Поселенцы Русскіе явились туда лѣтъ 15—20 назадъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ то время въ г. Кустанай (Тургайск. обл.) вызывали желающихъ на нетронутыя земли. Наслышавшись о широкомъ раздольѣ степей, о богатыхъ урожаяхъ, поселенцы покинули свои родныя бѣлыя хатки въ Курской и Харьковской губерніяхъ и не десятками, а сотнями потянулись сюда. Скоро свободные участки около Кустаная переполнились, и тогда оставшіеся несчастливцы, продавшіе на родинѣ за безцѣнокъ свое добро и истратившіе послѣдніе гроши за дорогу, принуждены были пробираться дальше въ степь къ Киргизамъ, чтобы арендовать у нихъ клочки земли и за такія цѣны, какія врядъ ли гдѣ-либо еще существуютъ: изъ половины или изъ третьей части всего посѣва.

Киргизамъ, конечно, это было выгодно; но каково-то приходилось бѣднымъ крестьянамъ! Какъ на грѣхъ въ послѣдніе годы пошли недороды, засуха, частая спутница Киргизскихъ степей; бѣдняки прожили все, что имѣли, и многіе изъ нихъ, чтобы не умереть съ голоду, принуждены были или закабалить себя къ Киргизу въ работники, или же занимать у него хлѣбъ подъ лѣтнія полевыя работы. Цѣны на рабочія руки, понятно, пали. За 4 пуда, напримѣръ, муки поселенецъ обязывался Киргизу накосить 100 копенъ сѣна, за 3 пуда—убрать десятину проса или пшеницы; тогда какъ въ обыкновенное время уборка одной десятины доходила до 15—18 рубл., накосить 100 копенъ сѣна стоило не менѣе 12 рубл. Поэтому бѣдный поселенецъ и въ урожайные годы не могъ поправиться и только работалъ на своего кулака-Киргиза. Впрочемъ онъ и въ остальное время состоялъ въ полной подчиненности произволу Киргизовъ, такъ какъ, арендуя у нихъ земли безъ

всякаго договора, въ силу необходимости, долженъ угождать своему хозяину: иначе дикарь не поцеремонится прогнать его съ участка во всякое время года.

Даже при томъ положеніи, когда поселенцемъ было бы заключено съ Киргизомъ условіе (хотя это почему-то мѣстными властями не дозволяется), не уменьшился бы произволъ послѣдняго. Судите сами! Киргизовъ сила, а поселенецъ одинъ или ихъ какой-нибудь мелкій десятокъ. Ордынецъ всегда можетъ найти причину прогнать съ поля арендатора, и противъ этого нельзя ничего сдѣлать. Если же поселенецъ вздумаетъ тягаться съ своимъ хозяиномъ, послѣдній всегда имѣетъ возможность выставить въ защиту свою сотни свидѣтелей. Затѣмъ къ кому идти жаловаться, какъ привлечь Киргиза къ отвѣтственности, когда на сотни верстъ нѣтъ Русскаго города, и притомъ хозяинъ, какъ кочевой житель, не сидитъ на одномъ мѣстѣ: сегодня—здѣсь, завтра—тамъ; ищи его по обширной степи. Лишь осенью онъ приходитъ въ свою зимовку.

Для сердца православнаго христіанина мало отраднаго въ жизни Русскаго мужичка въ Киргизской степи. Удаленные отъ православной церкви, видя предъ глазами только ордынцевъ, ихъ многочисленныя стада, безбрежную степь, поселенцы, не только Чуваши и Мордва, но даже Русскіе скоро забываютъ о своей вѣрѣ и отстаютъ отъ обрядовъ св. церкви. Подстрекаемые муллами, Киргизы не прочь поглумиться надъ ними и посмѣяться надъ ихъ вѣрой. При всякомъ удобномъ случаѣ они стараются накормить поселенцевъ лошадинымъ мясомъ. А чтобы еще больше прикрѣпить къ своей землѣ, соблазняютъ ихъ разными развращающими приманками—виномъ и женщинами. Многіе изъ Русскихъ поэтому ведутъ въ степи жизнь самую позорную для христіанина, имѣютъ по нѣскольку женъ и ни съ одной не вѣнчаны. У рѣдкихъ встрѣчаются св. иконы; большею частію онѣ замѣняются закоптѣлыми досками, да и тѣ стоятъ гдѣ-нибудь въ темномъ углу, чтобы ихъ не видѣли Киргизы и не смѣялись надъ исповѣдниками Христовой вѣры. На божницахъ кладутся чашки, миски, тарелки и другія хозяйственныя принадлежности. Православные и ихъ дѣти сидятъ въ избахъ по-киргизски въ шапкахъ, головы не чесаны, на рѣдкихъ дѣтяхъ есть кресты, сами родители не знаютъ даже необходимыхъ молитвъ. Многіе изъ нихъ не помнятъ, когда они исповѣдывались и причащались. Посты не соблюдаются, дѣти подолгу остаются некрещеными, много поселенцевъ умираетъ безъ напутствованія и хоронится безъ отпѣванія.

Въ аулѣ Д., какъ разсказываетъ о. Соколовъ *), жившіе тамъ христіане-Чуваши окончательно подпали подъ вліяніе Татарина С., содержавшаго въ полуверстѣ отъ нихъ мельницу на р. Аятѣ, гдѣ онъ, чтобы посто-

*) „Оренб. Епарх. Вѣд“. 1892, № 7.

янно держать въ рукахъ Киргизовъ, построилъ на свой счетъ мечеть и отсюда разливалъ по окрестностямъ свое ученіе. Чуваши тутъ вели образъ жизни совершенно магометанскій, одѣвались, какъ Киргизы, ѣли конину, молились по-татарски, и, конечно, ни у одного не было иконы.

Только въ одномъ селеніи при озерѣ Жаркуль, Аманкарагайской волости, особнякомъ отъ Киргизовъ жили 18 семей Малороссовъ, люди набожные. Въ землянкахъ у нихъ всегда была чистота, божницы прилично уставлены иконами. Почти въ каждой семьѣ имѣлись восковыя свѣчи и ладанъ. Они исправно платили Киргизамъ оброкъ, но не склоняли предъ ними головы. За то, когда кончился срокъ аренды занимаемаго ими участка, ордынцы не сдали имъ его на новый срокъ, и бѣднякамъ пришлось уйти съ насиженнаго мѣстечка, чего нельзя не пожалѣть, ибо такіе тѣсносплоченные поселки съ чисто-Русскимъ духомъ, могли бы быть очень полезны правительству.

Нигдѣ такъ тѣсно не можетъ сблизиться съ Русскимъ человѣкомъ Киргизецъ, какъ среди необъятныхъ своихъ полей, гдѣ у нихъ есть общіе интересы, гдѣ они такъ или иначе зависятъ другъ отъ друга. Ордынецъ чаще наѣзжаетъ къ Русскому, за чайкомъ заводятся у нихъ бесѣды, и постепенно дикарь степей привыкаетъ къ „Урусу“. Тѣмъ болѣе въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Киргизы не на столько фанатичны, какъ Татары, охотно вступаютъ въ собесѣдованіе о Богѣ и Его величіи и охотно читаютъ Евангеліе на своемъ языкѣ. Спасителя они почитаютъ Великимъ Пророкомъ, чудесно родившимся отъ Дѣвы Маріи и потомъ взятымъ живымъ на четвертое небо.

Слѣдуя по степи изъ аула въ аулъ, о. Соколовъ не разъ заводилъ съ ними о томъ разговоры, и они со вниманіемъ его слушали. Часто случалось, кибитка, въ которой велась бесѣда, биткомъ наполнялась слушателями, а особенно слушательницами, которыя, съ поднятыми вверхъ руками, восклицали, качая головами: „Ай якши! Напрасно мы Русскихъ зовемъ кафирами (т. е. невѣрными), какъ насъ тому учатъ Татары. Вонъ какъ они хорошо въ Бога вѣруютъ, какъ хорошо о Богѣ читаютъ! Одинъ Худай *) вѣдаетъ, чья вѣра лучше!“

Киргизы очень любознательны и чрезвычайно интересуются ученіемъ православной вѣры, замѣчательна у нихъ еще одна черта: кто бы ни началъ разговоръ о Богѣ, они тотчасъ же прекращаютъ всѣ остальные разговоры и хоть цѣлый день готовы слушать о велѣніяхъ Творца, о небесномъ бытіи.

Въ послѣднія пятьдесять лѣтъ мѣстное начальство особенно заботится о распространеніи Русской грамотности среди ордынцевъ, и многіе Киргизы съ удовольствіемъ идутъ навстрѣчу этому новому вѣянію, охотно жертвуя на постройку училищъ деньгами, скотомъ, хлѣбомъ и лѣсомъ, даже отдаютъ обучаться въ Русскія школы своихъ дочерей, чего нѣтъ среди Татаръ и Башкировъ сосѣднихъ губерній. Въ настоящее время въ Тургайской области насчитывается 25 аульныхъ школъ съ 309 учащимися муж. п. и 35 жен. п.

при 274,620 душъ туземнаго населенія. Конечно, этого для просвѣщенія ордынцевъ еще очень и очень мало; но все-таки можно надѣяться, что малое въ началѣ можетъ потомъ разрости въ великое.

Если бы къ этому было сдѣлано распоряженіе, безусловно воспрещающее проживать въ Киргизской степи Татарамъ и ихъ муллам, да прибавлено было бы въ Оренбургской епархіи знающихъ Киргизскій языкъ опытныхъ миссіонеровъ (а то всего одинъ о. Соколовъ), съ посылкой ихъ на болѣе или менѣе постоянное жительство въ степь (хотя бы по одному миссіонеру въ каждомъ степномъ укрѣпленіи), тогда не повторилось бы отпаденія живущихъ въ Тургайской области Русскихъ поселенцевъ въ магометанство, и можно было бы надѣяться привлечь въ христіанство и Киргизовъ.

П. Юдинъ.

*) Худай по киргизски значитъ Богъ.

ПИСЬМО Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Въ г. Нижне-Уральскѣ, въ архивѣ хозяйственнаго правленія Уральскаго казачьяго войска, въ дѣлахъ бывшей войсковой канцеляріи XVIII столѣтія (т. I, листъ 335, по описи хронологическому указателю дѣлъ архива № 151) оказалось собственноручное письмо Г. Р. Державина къ коменданту Яицкаго городка Симонову. Изъ этого письма видно, зачѣмъ, отчасти по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ Державинъ въ Оренбургскій край во время Пугачовскаго бунта. Державинъ былъ тогда еще очень молодой человѣкъ, но уже поручикъ гвардіи, что̀ по тогдашнему сравненію гвардейскихъ чиновъ съ армейскими значило много. Письмо это, не попавшее въ изданіе академика Грота, приводимъ съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Получено, Іюля 12 дня 1774 г.“.

«Высокородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и Яицкой крѣпости комендантъ, милостивый государь мой!»

«Отъ 19 прошедшаго мѣсяца требованіе вашего высокородія, дабы искать старца Гурія получилъ, на Иргизъ послалъ я по Узеню развѣдовать объ ёмъ, ибо слухъ носится, что онъ тамъ; если же найдется, то и пойманъ будетъ. Я слышалъ, что еще какіе-то старцы надобны; то да сообщатся имена и оныхъ!»

«Впрочемъ съ отличнымъ почтеніемъ именуюсь вашего высокородія, государя моего, покорнѣйшій слуга, лейбъ-гвардіи поручикъ Гавріилъ Державинъ».

„8 Іюля 1774 г.
Малиновка“.

Сообщилъ Н. Ивановъ.

ПИСЬМО СУВОРОВА ВЪ ВОЕННУЮ КОЛЛЕГІЮ.

Милостивый государь мой Ѳедоръ Максимовичъ!

На письмѣ вашего превосходительства о поручикѣ Долгановѣ обязанностію почитаю засвидѣтельствовать, что все прописанное имъ во всеподданнѣйшемъ къ его императорскому величеству прошеніи справедливо и что по бѣдности его достигъ онъ всемилостивѣйшаго монаршаго воззрѣнія. Прошеніе его возвращая обратно, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій.

№ 517. Декабря 10-го 1799 года. г. Прага.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. А. СУВОРОВА КЪ Д. И. ХВОСТОВУ.

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго вашего превосходительства ко мнѣ отъ числа сего Мая мѣсяца письма сдѣлалъ я управляющему по довѣренности доставшимися мнѣ въ наслѣдство по кончинѣ родителя моего генералиссимуса князя Италійскаго графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго Литовской губерніи въ Кобринскомъ уѣздѣ крестьянами, господину коллежскому асессору Тимоѳею Николаевичу Красовскому предписаніе, чтобы онъ по случаю надобности въ деньгахъ, которыя издержаны на погребеніе родителя моего, а вашего дядюшки, взамѣнъ издержанныхъ вами собственныхъ своихъ денегъ двадцать тысячъ рублей, постарался какъ возможно въ теченіе наступающаго Іюня мѣсяца и не позже Іюля мѣсяца доставить къ вашему превосходительству. Посему покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу, когда тѣ деньги вами будутъ черезъ почту получены, то слѣдующее вамъ число по реестрамъ и счетамъ взамѣнъ издержанныхъ вами на сіе собственныхъ вашихъ денегъ извольте получить, а оставшіяся деньги, равно и имѣющіяся у васъ на сохраненіи мои брилліантовыя вещи, а именно: крестъ Сардинскій святаго Маврикія, шпагу городомъ Турномъ поднесенную, звѣзду святаго апостола Андрея брилліантовую, тожъ звѣзду брилліантовую Александровскую, апалетъ брилліантовой и перо брилліантовое, прошу васъ покорнѣйше тогда мнѣ возвратить. Какое жъ мною къ господину Красовскому послано о томъ предписаніе, со онаго влагаю за моимъ подписаніемъ къ вашему превосходительству точную копію; въ прочемъ, надѣясь на ваше ко мнѣ расположеніе, при истинномъ моемъ почтеніи и преданности пребыть честь имѣю навсегда вашего превосходительства милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга князь Аркадій Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій.

Мая 19-го дня 1800 года.

ПИСЬМО КНЯГИНИ СУВОРОВОЙ КЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

Всемилостивѣйшій государь!

По случаю кончины мужа моего, дерзаю припасть къ священнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества и съ дѣтьми моими и повергнуть себя съ ними въ монаршее вашего императорскаго величества высокое благоволеніе, пребывая съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая покойнаго генералиссимуса жена, княгиня Италійскаго, графиня Варвара Суворова-Рымникская.

Москва, 20 Мая 1800 года.

ПИСЬМО М. М. СПЕРАНСКАГО П. А. СОЛОВЦОВУ.

Посылаю вамъ, любезный Петръ Андрѣичъ, время и вѣчность: часы и Библію. Пусть первые напоминаютъ вамъ смерть и разлуку; а вторая вѣрное наше соединеніе въ Спасителѣ нашемъ. И здѣсь живущіе духомъ не разлучаются; и тамъ а разлучаться не могутъ. Время было бы несносно, есть ли бы оное не приближало бы насъ къ вѣчности. Для странниковъ, измученныхъ жизнію, бой часовъ есть голосъ друга, зовущаго къ покою.

Прощайте, воспоминайте меня въ лучшее время жизни, въ молитвахъ и добрыхъ размышленіяхъ, желайте, чтобъ тихая рука смерти съ вѣрою, любовію и надеждою закрыла мнѣ глаза, зрѣлищемъ ложнаго свѣта давно уже утомленные. Сего желать вамъ не престану.

Иркутскъ, 24 Іюля 1820.

(Изъ 7-й части Сборника бумагъ П. И. Щукина).

ВАНЧАСЫ И ГОЛУБЕЙСКІЯ МАЧТЫ.

На стр. 184-й 6-го выпуска „Русскаго Архива“ сего года спрашивается „что̀ такое ванчасы и голубейскія мачты“.

Ванчасы (какъ ихъ называетъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ въ письмѣ къ своему прикащику), это *ванчоусы*, терминъ, которымъ и въ настоящее время лѣсопромышленники обозначаютъ особый родъ сосновыхъ брусьевъ, употребляемыхъ почти исключительно для кораблестроенія; они нѣсколько отличаются отескою отъ болѣе употребительныхъ „Англійскихъ“ брусьевъ и вѣроятно этимологически происходятъ отъ Англійскихъ вокабулъ: *Sau*—бревно, стропило, *choice*—выборъ; стало быть, это отборныя стропила.

Голубейскія мачты—это тоже отборныя, высокоцѣнимыя даже за границею (вплоть до замѣны паруснаго военнаго флота паровымъ), сосновыя отъ 10 до 15 саженъ въ длину, въ нижнемъ отрубѣ отъ 12 до 16 вершковъ, дерева, изъ Голубейской лѣсной дачи, при селѣ Голубеѣ, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи. Имѣніе это, нѣкогда Нарышкинское, принадлежало князю Александру Михайловичу Голицыну и было завѣщано имъ его дочери, Дарьѣ Александровнѣ, а нынѣ принадлежитъ ея внуку, генералу отъ кавалеріи, графу Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву. До сихъ поръ Голубейская сосна, хотя болѣе для мачтъ не требуется, цѣнится высоко въ центрахъ заграничной лѣсной торговли, Данцигѣ и Мемелѣ.

П. И. САВИНА-ОРЛОВА.

Некрологъ.

Изо всѣхъ видовъ искусства, самое трудное и самое возвышенное есть конечно искусство художественнаго лицедѣйства, у котораго орудіемъ не камень, не звукъ, ни даже слово, а самъ человѣкъ. Жрецамъ и служителямъ этого искусства оказано въ наши дни столько льготъ и покровительства, что имъ подобаетъ совершенствоваться, поучаясь примѣрами такихъ лицъ, какъ скончавшаяся 2 Іюля сего года *Прасковья Ивановна Савина*, имѣвшая нѣкогда громкую извѣстность подъ именемъ *Орловой*. Въ „Русскомъ Архивѣ“ прошлыхъ лѣтъ читатели имѣютъ уже нѣсколько прекрасныхъ статей А. Н. Спротина, сумѣвшаго изобразить дѣятельность, продолжающуюся всего нѣсколько часовъ и оставляющую глубокіе слѣды въ сердцѣ и памяти зрителей. Таковое жизнеописаніе Троепольской, Дмитревскаго, Яковлева, Рыкаловой *). Къ числу такихъ людей принадлежитъ и П. И. Савина. Она родилась 5-го Октября 1815 года. Родители ея были люди скромнаго общественнаго положенія; отецъ ея, Иванъ Куликовъ, служилъ при Московскомъ Большомъ театрѣ. Ее отдали въ театральную школу, тогда помѣщавшуюся на Поварской, гдѣ теперь Казаковская богадѣльня. Братъ ея Н. И. Куликовъ былъ извѣстенъ, какъ переводчикъ и авторъ комедій и водевилей, пользовавшихъ въ свое время большимъ успѣхомъ (на примѣръ „Ворона въ павлиныхъ перьяхъ“ и „Цыганка“, „Семейные разсчеты“ и др.) а сестра (въ замужествѣ Шубертъ) тоже впослѣдствіи играла въ Петербургѣ на Александринскомъ театрѣ. Миловидный ребенокъ, съ копною волосъ пепельнаго цвѣта, маленькая Пашенька Куликова скоро пріобрѣла расположеніе начальства и дружелюбное отношеніе подругъ по классу. Рѣзвушка и шалунья, она имѣла отличныя способности, превосходную память и всего прилежнѣе училась танцамъ; при ея граціозности и миловидности нерѣдко она избираема была представлять Амура въ тогдашнихъ балетахъ. Съ 14-го лѣтняго возраста она играла часто въ школѣ въ легкой комедіи и въ водевиляхъ. Съ 18-ти лѣтъ она стала появляться на сценѣ Большого театра, гдѣ давались въ то время комедія и драма; вскорѣ имя воспитанницы Куликовой, стоящее на афишѣ, сдѣлалось приманкой для зрителей наровнѣ съ именемъ Н. В. Рѣпиной, тогдашней любимицы Москвы. Съ 30-хъ годовъ, играя вмѣстѣ съ Мочаловымъ она

*) См. по указателю къ „Русскому Архиву“ за 30 лѣтъ.

выдвинулась еще болѣе уже въ самостоятельныхъ роляхъ. Лучшей Офеліи не только Московская, но вообще Русская сцена и не запомнитъ. „*Майко*“, „*Луиза-де-Линьеролль*“, *Луиза* Шиллеровой трагедіи „*Коварство* и *Любовь*“, надолго остались въ памяти зрителей. Извѣстный театралъ В. И. Родиславскій говаривалъ не разъ, что умнѣе, женственнѣе, явственнѣе изображенія Софьи Павловны въ Горѣ отъ Ума никогда ему не удалось встрѣтить во все его 48-ми лѣтнее посѣщеніе Русской сцены.

Въ 30-хъ годахъ Куликова вышла замужъ за *Орлова*, тогда извѣстнаго актера въ роли резонёровъ и превосходнаго Скалозуба (императоръ Николай Павловичъ однажды сказалъ: Орловъ родился Скалозубомъ). Настоящее имя Орлова *Копыловъ*; онъ былъ потомственный дворянинъ и морякъ въ отставкѣ.

Вслѣдствіе какихъ-то неудовольствій съ тогдашней дирекціей П. И. Орлова въ 1845 году оставила службу при Московскомъ театрѣ и въ концѣ 40-хъ годовъ, уже по смерти Мочалова, мы видимъ ее въ составѣ труппы Александринскаго театра въ Петербургѣ. Во время Севастопольской осады, пользуясь свободнымъ временемъ по случаю траура по императорѣ Николаѣ, Прасковья Ивановна отправляется въ Крымъ въ качествѣ сестры милосердія, подъ именемъ Копыловой и ухаживаетъ за больными и ранеными въ госпиталяхъ Симферополя. Мужъ ея Орловъ оставилъ не задолго предъ тѣмъ сцену, получивъ въ наслѣдство имѣніе съ крѣпостными душами, актеръ же того времени не имѣлъ права владѣть крѣпостными людьми. Онъ умеръ въ 50-хъ годахъ.

Въ разное время навѣщая старушку мать свою, проживавшую въ г. Осташковѣ, Прасковья Ивановна Орлова познакомилась съ тамошнимъ городскимъ головою Ѳедоромъ Кондратьевичемъ Савинымъ. Это былъ человѣкъ, получившій образованіе въ Англіи, филантропъ, милліонеръ и общественный дѣятель, всею душею преданный благосостоянію родного города*) устроившій въ немъ домъ призрѣнія для бѣдныхъ. Онъ не могъ не обратить вниманія на выдающуюся личность Прасковьи Ивановны. Слава первоклассной артистки, еще болѣе цѣнная для богобоязненнаго филантропа слава человѣколюбивой и исполненной кротости и терпѣнія сестры милосердія, наконецъ все еще привлекательная наружность Орловой на него подѣйствовали, и нѣсколько времени спустя, предложивъ ей свое имя и сердце, онъ получилъ ея согласіе. Этотъ бракъ, состоявшійся при такихъ счастливыхъ условіяхъ, былъ пресѣченъ внезапной смертью Савина въ 1890 г., и съ того времени вдова его всецѣло просвятила себя благотворительности. Ея дѣятельность на этомъ поприщѣ поистинѣ изумительна. Не было ни одного добраго дѣла въ Осташковѣ, во главѣ котораго не стояло бы имя Прасковьи Ивановны. Столовая для бѣдныхъ обязана ей своимъ возникновеніемъ, и за два года еще до своей кончины она устроила въ Осташковѣ безпроигрышную лоте-

*) Онъ и умеръ, распоряжаясь тушеніемъ страшнаго пожара, которымъ постигнутъ былъ городъ Осташковъ въ 1890 году.

рею, большинство выигрышей которой состояло изъ ея рукодѣлій. Чистый сборъ съ лотереи достигъ 800 рублей и былъ пожертвованъ ею на крышу ночлежнаго дома для сиротъ и безпріютныхъ.

Неизсякаема была доброта покойной: и въ словѣ надежды и утѣшенія, и въ своей заботѣ, и въ денежной помощи она никогда не отказывала. Провидѣніемъ Осташкова была она и горько отозвалась ея кончина въ каждомъ изъ его жителей.

Въ теченіе своей долгой и полезной жизни Прасковья Ивановна вела обширную переписку, и чьихъ только писемъ не найдется въ ея портфеляхъ: митрополита Филарета и Іоанна Кронштадтскаго, Н. И. Греча, С. Т. Аксакова, Авдотьи Павловны Глинки, Княжевича, графа Адлерберга и пр.

Послѣ покойной остались обширныя записки, обнимающія время почти за полвѣка. Выдержка изъ нихъ (о бенефисѣ Мочалова) помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года.

Пишутъ изъ Осташкова: „Вотъ мы и схоронили дорогую нашу Прасковью Ивановну, оставившую по себѣ добрую и незабвенную память всего Осташкова. Похороны были благоговѣйные и торжественные съ хоругвями и съ колокольнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ, такъ какъ покойная была ктиторшей храма въ домѣ призрѣнія. Священниковъ и іеромонаховъ было человѣкъ 20, народу масса, положительно весь Осташковъ, вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ до 20-ти отъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій, гдѣ участвовала покойная своею дѣятельностью или благотворительностью“.

Вотъ еще выдержка изъ письма: „Были мы на могилкѣ Прасковьи Ивановны, служили панихиду и литію; много народа осталось на панихидѣ. Въ церкви Пріюта ежедневно заупокойныя всенощныя и обѣдни, а равно и во всѣхъ другихъ церквахъ города. Добрую память оставила по себѣ покойная, и не одинъ бѣднякъ съ благодарностью и умиленіемъ помянетъ имя ея“.

Лѣтъ десять тому назадъ, П. И. Савина, пріѣхавъ въ Москву, захотѣла увидѣть И. С. Аксакова, отецъ котораго, Сергѣй Тимоѳеевичъ, былъ нѣкогда дружески расположенъ къ ней и высоко цѣнилъ ея дарованіе. Иванъ Сергѣевичъ, когда ему сказали объ ея пріѣздѣ, кинулъ занятія и не зналъ, куда посадить дорогую гостью.

СТИХОТВОРЕНІЯ
Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

Москва. 1899. 16°. 272 стр. Цѣна **40** копѣекъ, съ пересылкою **50** к.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

полнаго собранія сочиненій

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА ХОМЯКОВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Трагедіи и стихотворенія съ портретомъ и съ изображеніемъ Ермака (по рисунку К. П. Брюлова). Цѣна **одинъ** рубль.

Складъ изданія въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, въ Кречетниковомъ переулкѣ, въ домѣ 14-мъ.

Томы: **второй** (сочиненія богословскія), **седьмой** (окончаніе Записокъ о всемірной исторіи) и **восьмой** (письма) печатаются.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

первые пять вѣковъ родной старины (862—1362).

Н. М. ПАВЛОВА.

Три тома. М. 1896—1899. Цѣна каждому тому **1 р. 50 к.**

*

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Подъ редакціей инспектора Тифлисской первой гимназіи **П. Кумского**, Тифлисъ, 1899. 8-ка, 227 стр.

—

Пушкинскіе дни въ губернскомъ городѣ Владимирѣ. Изданіе Владимирской Ученой Архивной Комиссіи, Владимиръ 1899, б. 8-ка 60 стр.

—

Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго Университета св. Владиміра. Кіевъ 1899. б. 8-ка, VIII, 296 и 99 стр. Роскошное, изданіе съ фронтисписомъ, видами Каменки и, портретами (Е. Н. Давыдовой, Н. Н. Раевскаго, А. Л. Давыдова, Аглаи А. Давыдовой, ея же монахиней) и со снимкомъ съ подлинной рукописи стихотворенія: „Моя Родословная“, на двухъ большихъ листахъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900 года.

(Годъ 38-й)

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**